

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 14 ПСИХОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 3 • 2012 • ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

*К 150-летию со дня рождения Г.И. Челпанова и 100-летию основания
Психологического института при Императорском Московском университете*

Ждан А. Н. Профессор Московского университета Георгий Иванович
Челпанов. 4

Теоретические и эмпирические исследования

Знаков В. В. Многомерный мир человека: типы реальности, пони-
мания и социального знания. 18

Бороздина Л. В. Самооценка и психометрический интеллект в
прогнозе эффективности учебной деятельности 30

Симоненко С. И. Взаимосвязь между интеллектуальными способ-
ностями и эффективностью лидерского поведения менеджера . . 39

Зенцова Н. И., Каклюгин Н. В. Динамика смысложизненных
ориентаций у лиц с опийной зависимостью, участвующих в
реабилитационных программах религиозного и нерелигиозного
типа 49

Барabanов Д. Д. Сравнительный анализ особенностей волевой регу-
ляции и мотивационно-смысловой сферы личности у студентов
разных курсов 60

Обзорно-аналитические исследования

Матюшкина А. А. Представления о решении творческой проблемы в научной школе А.М. Матюшкина	70
Патяева Е. Ю. Системы социокультурного мотивирования: «этнос», «социальное поле», «диспозитив»	81
Расказова Е. И. Методы диагностики качества жизни в науках о человеке	95
Круков П. Нейропсихологические нарушения у пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями и их потенциальное влияние на проблему несоблюдения рекомендаций врача	108
Гордеева О. В. Околосмертный опыт: сравнение современных западных и древнеиндийских ведических представлений (на материале упанишад)	121

Психология — практике

Ванесян А. С. Эффективность применения метода активной мобилизации энергетических резервных систем организма (АМЭРСО) при психосоматических заболеваниях	138
--	-----

CONTENTS

To the 150th anniversary of G.I. Chelpanov and 100th anniversary of Psychological Institute at Imperator Moscow University

Zhdan A. N. Georgy Ivanovich Chelpanov — professor of Moscow University 4

Theoretical and empirical studies

Znakov V. V. The multidimensional world of the person: The types of reality, understanding and social knowledge 18

Borozdina L. V. Self-evaluation and IQ as predictors of academical achievements 30

Simonenko S. I. Correlation of intellectual abilities of a manager and his or her effectiveness as a leader 39

Zentsova N. I., Kaklyugin N. V. The dynamics of life meaning orientations in individuals with opioid dependence involved in the rehabilitation programs of religious and secular type 49

Barabanov D. D. Comparative analysis of the features in volitional regulation and motivational-meaningful sphere of personality of students from different course 60

Review, analytical studies

Matyushkina A. A. The ideas of solving creative problems in the A.M. Matyushkin's scientific school 70

Patyayeva E. Yu. Social and cultural motivating systems: “Ethos”, “social field”, “dispositif” 81

Rasskazova E. I. Methods for the quality of life diagnostics in the human sciences 95

Krukow P. Neuropsychological dysfunctions in patients with cardiovascular system disorders and their possible implications in problem of medical non-adherence 108

Gordeeva O. V. The near-death experience: The comparison of modern western and old Indian Vedic descriptions (on material of Upanishads). . . 121

Psychology to practice

Vanesyan A. S. Effectiveness of the active mobilization of energy reserve systems of the organism method (AMERSO) in psychosomatic diseases 138

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г.И. ЧЕЛПАНОВА И 100-ЛЕТИЮ ОСНОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

А. Н. Ждан

ПРОФЕССОР МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ГЕОРГИЙ ИВАНОВИЧ ЧЕЛПАНОВ

В статье раскрывается роль Г.И. Челпанова в развитии университетского образования в России и в становлении системы подготовки профессиональных психологов в университетах. В контексте социокультурных и общенаучных условий воссоздаются вехи научной биографии, реконструируются особенности философско-психологического мировоззрения Г.И. Челпанова. Воссоздается портрет Г.И. Челпанова как университетского профессора-наставника, основателя первой отечественной научно-образовательной психологической школы.

Ключевые слова: Московский университет, Киевский университет, Психологический институт, психологический семинарий, университетское психологическое образование, эмпирическая психология, экспериментальная психология, научная школа Г.И. Челпанова.

The paper presents the impact of G.I. Chelpanov on the development of university education in Russia and on formation of a system of professional psychological instruction in universities. Milestones of Chelpanov's scientific biography, features of his philosophical-psychological outlook are reconstructed in socio-cultural and scientific context. Personal traits of Chelpanov as university mentor and founder of the first national scientific-educational school in psychology are represented.

Key words: Moscow University, Kiev University, Psychological institute, psychological seminar, university psychological instruction, empirical psychology, experimental psychology, Chelpanov's scientific school.

Ждан Антонина Николаевна — докт. психол. наук, профессор кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* zhdan@list.ru

Введение: вклад Г.И. Челпанова в развитие университетской психологии

Имя Георгия Ивановича Челпанова (1862—1936) — философа и психолога, выдающегося преподавателя Киевского и Московского университетов — неотделимо от строительства *университетского образования и становления университетской науки в области философии и психологии в нашей стране*. Московскому университету он отдал более 16 лет своей творческой деятельности (1891—1892 и 1907—1923), искусственно прерванной по известным причинам идеологического и политического характера. Г.И. Челпанов был активным участником дискуссий, которые охватили деятелей народного образования, а также ученых, публицистов по фундаментальным вопросам университетского образования в России в его соотношении с европейским. В этих дискуссиях он делал акцент на задачи организации в университетах процесса *подготовки профессиональных философов и психологов* (Челпанов, 1912б, 1999в). Состояние дел в этой области было неудовлетворительным, что аргументированно показал Г.И. Челпанов в своем выступлении на заседании МПО в марте 1912 г. (Челпанов, 1912б). Причиной недостатков он считал неудачное соотношение учебных и научно-исследовательских задач, заложенное в Уставе российских университетов 1863 г. В соответствии с Уставом учебные задачи преобладали над научными задачами. По этой причине психология занимала место лишь как учебный предмет на историко-филологическом факультете. Однако психология является самостоятельной дисциплиной и должна иметь самостоятельную кафедру. Поскольку она связана не только с философией, но и с естественными науками, возникает вопрос о том, на каком факультете должна быть эта кафедра. Преподаватель должен не только преподавать предмет, но и руководить исследованиями по психологии. Решение этих вопросов вызвано настоятельной необходимостью улучшения организации университетской подготовки психологов в целях приведения ее в соответствие с огромным научным и практическим значением, которое приобрела психология к началу XX в.

Г.И. Челпанов не ограничился анализом ситуации в области психологического образования, но направил свою деятельность на его совершенствование. До его прихода в Московский университет философия и психология развивались здесь как общеобразовательные дисциплины. В 1906 г. в учебном плане историко-филологического факультета было предусмотрено создание группы философских наук, состоящей из трех секций — истории философии, психологии и систематической философии (Обозрение..., 1906—1907). В соответствии с этим планом с 1907 г. должна была начаться подготовка специалистов по философии и психологии. Возглавить эту работу было поручено приглашенному из Киевского университета на кафедру философии Г.И. Челпанову. Здесь

он сменил на посту заведующего кафедрой философии С.Н. Трубецкого, внезапно скончавшегося в 1905 г. В 1912 г. он *основал Психологический институт при Московском университете*, ставший первым в России «учено-учебным учреждением университета, имеющим целью научную разработку психологии и распространение знаний в этой области» (Из трудов..., 1992, с. 46), и лучшим в мире среди подобных учреждений. Г.И. Челпанов разработал *систему университетского психологического образования*, общие принципы которого и сегодня составляют фундамент подготовки психологических кадров в нашей стране. Он создал *первую в отечественной психологии научную школу*, из которой вышли известные философы и психологи, многие из которых впоследствии стали крупными организаторами нашей науки, основателями собственных научных школ: Г.Г. Шпет, А.Ф. Лосев, В.В. Зеньковский, П.П. Блонский, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов, С.В. Кравков, А.Н. Леонтьев и др.

Вехи научной биографии Г.И. Челпанова

Г.И. Челпанов родился 16(28) апреля 1862 г. в г. Мариуполе Екатеринославской губернии. Начальное образование получил в местном приходском училище, среднее — в Александровской мариупольской гимназии, которую окончил с золотой медалью в 1883 г. Уже в эти годы определился его интерес к психологии. «Но в какой университет поступить и кого избрать своим руководителем? С наличными русскими научными силами того времени я был хорошо знаком. Сам очень расположенный только к эмпирической психологии, я и руководителя искал себе такого... Все симпатии мои были на стороне Н.Я. Грота. Молодой ученый, автор “Психологии чувствований”, в которой проявил такую обширную эрудицию, в которой пользуется новейшими методами исследования, в основу психологии кладет физиологию» (Челпанов, 1911, с. 188). В 1883 г. Н.Я. Грот, до этого бывший профессором Нежинского педагогического института, начал преподавать в Новороссийском университете (г. Одесса). В том же году Г.И. Челпанов поступил на историко-филологический факультет этого университета. В 1887 г. он окончил университет с золотой медалью за сочинение на тему «Опыт и разум в теории познания Платона и Аристотеля». Вслед за Гротом, который в 1886 г. был приглашен в Московский университет на кафедру философии историко-филологического факультета, Челпанов отправился в Москву и в 1887 г. был прикомандирован к Московскому университету для приготовления к профессорскому званию. Тогда же по рекомендации Н.Я. Грота и Н.А. Иванцова он был принят действительным членом Московского психологического общества (МПО), основанного при Московском университете в 1885 г., стал одним из самых активных его членов и авторов его печатного органа — журнала «Вопросы философии и психологии». В 1899—1920 гг. председателем МПО был Л.М. Лопатин

тин, один из ведущих философов кафедры философии историко-филологического факультета. В своем «Приветствии Л.М. Лопатину» в связи с 30-летием его научной деятельности Г.И. Челпанов называет работу в МПО особой школой для философской молодежи. Заседания МПО, «когда темные своды нашего круглого зала оглашались горячими спорами Грота, Бугаева, Гольцева, Зверева, Корсакова, Астафьева, когда хоть редким гостем заседаний бывал В.С. Соловьев» (ОР РГБ. Ф. 326. П. 37. Ед. хр. 51. Л. 1), были местом, где учились ставить философские и психологические вопросы и искать ответы на них. Под влиянием Л.М. Лопатина, одного из русских неолейбницианцев, Г.И. Челпанов осознал важность и необходимость метафизических предпосылок для психологических исследований. В.В. Зеньковский, ученик Челпанова по Киевскому университету, ссылаясь на личные беседы с ним, писал, что «...в метафизике он (Челпанов. — А.Ж.) примыкал к неолейбницианству» (Зеньковский, 1991, с. 244). В поисках ответа на вопрос о первоначале он, так же как и Лейбниц, утверждал, что «в основе действительности лежит нечто духовное — монады» (Челпанов, 1912а, с. 149).

В 1890 г. Челпанов сдал магистерский экзамен по философии и психологии и в течение года (1891—1892) работал в качестве приват-доцента Московского университета. В 1892 г. он занял штатную должность приват-доцента Киевского университета. В 1896 г. защитил диссертацию на тему «Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. 1. Представления пространства с точки зрения психологии» и получил степень магистра (Челпанов, 1896) и в 1897 г. стал экстраординарным профессором. В 1896 и в 1898 гг. Челпанов выезжал в заграничные командировки — занимался исследованиями и слушал лекции Дюбуа-Реймона, Геринга и Кенига по физиологии, Штумпфа и Вундта по экспериментальной психологии, в том числе по психологии восприятия пространства. В 1904 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. 2. Представление пространства с точки зрения гносеологии» (Челпанов, 1904) и получил звание ординарного профессора. Он читал лекции практически по всем философским курсам: «Психология», «Введение в психологию», «Введение в философию», «История и критика материализма», «Критический обзор современных учений о душе», «Теория познания», «Специальный курс по теории познания», «Комментирование “Критики чистого разума”», «Учение о пространстве», а также проводил практические занятия по психологии и этике в форме обсуждения подготовленных студентами рефератов. Здесь же в 1898 г. он организовал *Психологический семинарий*, который имел отдельное помещение, специальную библиотеку, приборы для проведения психологических опытов. На заседаниях семинария обсуждались фундаментальные философско-психологические проблемы, охватывающие психологию, теорию познания, историю философии.

В течение каждого семестра на заседаниях семинария обсуждалась какая-либо одна тема: о взаимодействии между психическими и физическими явлениями; основные вопросы теории познания (Беркли, Кант, Спенсер, Мах, Авенариус); учение о причинности у Декарта, Спинозы, Канта, Юма и др. В феврале 1903 г. на заседании, посвященном пятилетию работы семинария Г.И. Челпанова, Е.Н. Трубецкой (в то время профессор Киевского университета) отметил, что семинарий был направлен на глубокую научную и философскую подготовку и стал серьезной школой образования по философии и психологии. «Своими публичными и университетскими лекциями в Киеве Г.И. Челпанов создал интенсивный интерес к философско-психологическим вопросам как среди широкой публики, так и среди студенчества, и аудитории его были всегда переполнены» (Роменец и др., 2000, с. 15).

Вернувшись в 1907 г. в Московский университет, Г.И. Челпанов также учредил психологический семинарий при кафедре философии историко-филологического факультета. «Для семинария было отведено помещение в 3 комнаты... были приобретены книги и журналы для библиотеки, приборы и приспособления для исследований по экспериментальной психологии и... для демонстраций при чтении курса психологии <...> В этом семинарии я вел занятия по теоретической психологии и практические занятия по экспериментальной психологии. Кроме того, с 1909 г. начались самостоятельные исследования по экспериментальной психологии» (Челпанов, 1992, с. 43—44). Участники семинариев в Киеве и Москве высоко оценивали педагогический и организаторский талант Г.И. Челпанова (Предисловие, 1916). Созданный позже Психологический институт, по оценке самого Г.И. Челпанова, находится в преемственной связи с семинариями.

В 1904 г. Челпанов выступил в Киевском обществе классической философии и педагогики с двумя докладами о введении философской пропедевтики в гимназию и об опыте ее преподавания в Германии. В докладе «О постановке преподавания философской пропедевтики в средней школе» он защищал положение о необходимости введения философии в курс средней школы для подготовки учащихся к усвоению наук в университете, ибо «знакомство с философией необходимо для научного изучения гуманитарных наук... для математика... для медика и особенно психиатра» (Челпанов, 1999б, с. 286—287). Введение курса философии в средней школе он связал с постановкой преподавания философии в университете и сделал вывод о необходимости организации в университете особого философского отделения, которое преследовало бы цели проведения научных исследований по философским дисциплинам и готовило бы специалистов по философии и, следовательно, преподавателей философии для средней школы. Важно, что Г.И. Челпанов указал на преемственную связь между средним и высшим образованием, считая необходимым углубить общеобразовательную подготовку в

средней школе, чтобы сделать более качественным процесс обучения в вузе. Эти идеи Г.И. Челпанова чрезвычайно актуальны в настоящее время в связи с продолжающейся с начала 1990-х гг. реформой российского образования.

Георгию Ивановичу Челпанову привелось жить и в дореволюционной России, и в период революционных потрясений, и в эпоху социалистической модернизации общества, смены его идеологических оснований, прямо отразившейся на судьбах науки и людей науки. Годы его жизни совпали с периодом становления психологии как отдельной самостоятельной науки, временем дискуссий о путях ее развития, рождения первых программ. В силу столь сложных социокультурных и общенаучных условий, в которых старое сосуществовало с новым, в творчестве Г.И. Челпанова воплотились как лучшие традиции, так и новаторство. В его трудной судьбе соединились светлое и трагическое. Вместе с радостью от деятельности, от благодарного отношения со стороны учеников и коллег, от признания учеными Европы и Америки его заслуг перед наукой он в последние годы жизни испытал и горечь в связи с закрытием (прекращением деятельности) МПО, с отставкой с поста директора созданного им Психологического института и увольнением из Московского университета, в котором он еще в 1917 г. был удостоен почетного звания заслуженного профессора. Челпанов страдал от негативных процессов в науке, которые ставили на грань уничтожения результаты усилий всей его жизни, тяжело переживал упразднение историко-филологического факультета, сочувствовал ученикам, на долю которых выпали тяжелые испытания. Ему пришлось пережить утрату самых близких людей, измену со стороны некоторых своих учеников.

Теоретическая позиция Г.И. Челпанова, его отрицательное отношение к требованию перестроить психологию на основе марксизма стали причиной его увольнения из Московского университета в ноябре 1923 г. и отставки с поста директора Психологического института. Г.И. Челпанов лишился условий для продолжения научных исследований. В 1926 г. он обратился с заявлением в президиум Ассоциации научно-исследовательских институтов (создана в МГУ в 1924 г.), в состав которой был включен Психологический институт. В этом заявлении он просил разрешить ему участвовать в работе Института и приложил план предполагаемых экспериментальных исследований. Заявление осталось без ответа. Намеченные работы Г.И. Челпанов выполнял в Государственной академии художественных наук (ГАХН), членом которой был с 1924 г. до ее закрытия в 1930 г. Здесь Г.И. Челпанов занимался исследованиями проблем в области психологии искусства, руководил работой двух комиссий — по изучению восприятия пространства и по изучению художественного творчества (подробнее см.: Ждан, 1998). Вместе с ним работали такие его ученики, как Н.И. Жинкин,

Н.П. Ферстер, Н.Н. Волков, В.М. и С.Н. Экземплярские, Б.Н. Северный, П.М. Якобсон, С.В. Кравков и др. Высоко оценив деятельность Г.И. Челпанова, ГАХН выдвинула его кандидатуру во Всесоюзную академию наук. В представлении содержался подробный аналитический обзор научной деятельности и список важнейших трудов Челпанова. Однако членом Всесоюзной академии он не стал.

В 1925—1929 гг. Г.И. Челпанов выступал с лекциями в Московском Доме ученых, принимал участие в дискуссиях по проблеме отношения между психологией и марксизмом, опубликовал на эту тему пять книг (Челпанов, 1924, 1925, 1926а, б, 1927). В них он доказывал, что объявившие себя сторонниками марксистского направления в психологии К.Н. Корнилов, П.П. Блонский, А.Б. Залкинд и др. понимают марксизм в духе вульгарного материализма и «создали такой хаос в понимании методов психологического изучения, что можно прямо сказать, что развитие научной психологии в России остановилось» (Челпанов, 1926а, с. 12). По мнению Г.И. Челпанова, «специально марксистская психология есть психология социальная» (Челпанов, 1925, с. 26). В 1926 г. он обратился в Главнауку с предложением об организации Института социальной психологии. Мысли Г.И. Челпанова об отношении психологии к марксизму, критика им теоретической позиции К.Н. Корнилова, назначенного директором Психологического института вместо Г.И. Челпанова именно за внедрение марксизма в психологию, не были услышаны в исторических условиях 1920-х гг. (Подробнее о дискуссии между Г.И. Челпановым и К.Н. Корниловым см.: Богданчиков, 2000.) Одной из наиболее значительных последних работ Г.И. Челпанова была книга «Очерки психологии», написанная в 1926 г. и содержащая систематическое изложение основных разделов психологической науки. В приложении к современному переизданию этой работы (Челпанов, 2009) дано описание сконструированного Челпановым «универсального психологического аппарата» — прибора для проведения психологических экспериментов и демонстрации экспериментально-психологических методов. Патент на изобретение был заявлен в 1926 г., выдан в 1930 г. Авторское свидетельство было получено в 1933 г. Первые серийные образцы этого аппарата были изготовлены в 1936 г. на заводе «Физэлектроприбор». К настоящему времени ни один из этих образцов не сохранился.

Г.И. Челпанов скончался 13 февраля 1936 г. в Москве.

Психологический институт при Московском университете: новая эпоха в развитии университетского образования

Общая позиция Г.И. Челпанова в психологии была направлена *на сохранение и развитие традиций*. Изучая философию и психологию в Новороссийском университете в Одессе под руководством Н.Я. Грота,

он проявил особый интерес к проблеме восприятия пространства. Проблемы пространства и времени были предметом обсуждения в лекциях Н.Я. Грота в связи с их пониманием в различных философских учениях. Челпанов испытал влияние К. Штумпфа, но особенно В. Вундта (во время стажировки в 1897—1898 гг. в вундтовском Психологическом институте в Лейпциге и позже в связи с работой над проектом своего Психологического института). Он находился в творческом контакте с О. Кюльпе, К. Бюлером, Э. Титченером, Г. Мюнстербергом и другими выдающимися психологами. Он следовал наиболее распространенному в психологии *эмпирическому направлению*. Согласно Г.И. Челпанову, психология — это опытная эмпирическая наука, которая, в отличие от философии, не выходит за пределы непосредственно данного. Изучение душевных явлений и их законов ведется методом самонаблюдения, а также с помощью эксперимента, аналитического и других методов. Но это не был плоский эмпиризм. Важнейшее требование Г.И. Челпанова: полученные с помощью различных методов факты должны быть приведены в связь с теорией; исследование не должно ограничиваться описанием психических явлений. Именно взаимодействие с теоретической психологией — залог научности знаний о психике. *Опора на философию — неизменная особенность эмпиризма Г.И. Челпанова*. Он боролся против философского невежества в психологии, считал, что психология пользуется философскими терминами и понятиями. Теоретическая психология и философия занимали важнейшее место в его семинариях в Киевском и Московском университетах. Обсуждались труды Канта, Юма, Локка, Беркли, по их концепциям не только писались рефераты, но и защищались диссертации. Темой занятий целого учебного года был избран «Психофизический монизм у Спинозы и в современной философии». Ученик Г.И. Челпанова Г.О. Гордон неоднократно выступал на эту тему и по поручению учителя вел семинар с первокурсниками-философами по чтению и толкованию Спинозы. Серию своих брошюр о марксизме в психологии Г.И. Челпанов завершил работой «Спинозизм и материализм» (Челпанов, 1927). Свой университетский курс по психологии он начинал с лекции «Об отношении психологии к философии» (Челпанов, 1909). Этому же вопросу он посвятил свою лекцию при вступлении в должность профессора и заведующего кафедрой философии в Московском университете (19 сентября 1907 г.). Лекция носила программный характер. Челпанов подчеркнул, что является единомышленником своего предшественника С.Н. Трубецкого, который признавал необходимость философии для развития науки, и понимает непреходящую важность этого положения для психологии. Свою лекцию он завершил словами: «...психология должна оставаться философской наукой, ибо ее связь с философией естественна и необходима» (Челпанов, 1999а, с. 332).

В творчестве Г.И. Челпанова следование традициям сочеталось с чутким отношением ко всему новому в области теории и методов. Вместе

с тем новое мыслилось не как уничтожение прошлого, а как дальнейшее развитие науки на его фундаменте. В период, когда в отечественной науке преобладала умозрительная философская психология, он одним из первых в России *осознал научную важность экспериментального метода*. Первая научная работа Г.И. Челпанова «Общие результаты психометрических исследований и их значение для психологии» (статья и доклад на заседании МПО в марте 1888 г.) была посвящена, по его собственным словам, «*пропаганде экспериментальной психологии*» и ввиду важности такой пропаганды включена в 1912 г. в сборник «Психология и школа». В первом номере журнала «Вопросы философии и психологии», который начал выходить в 1889 г., он опубликовал рецензию на только что вышедшую 2-м изданием книгу Г. Фехнера «Элементы психофизики», процитировав слова основателя экспериментальной психологии В. Вундта о том, что эта книга прокладывает новые пути в науке. 6 ноября 1908 г. Челпанов выступил на заседании МПО с докладом «Об экспериментальных исследованиях высших умственных процессов», в котором раскрыл философское, психологическое и методическое значение исследований мышления, проводимых в вюрцбургской школе. «Экспериментальные исследования природы мышления знаменуют собой, на мой взгляд, — сказал Г.И. Челпанов, — целый переворот в области психологии и именно в методах психологического исследования». Признавая исключительное значение экспериментального метода для развития психологии, он не устал разоблачать ошибочность распространённого среди психологов-экспериментаторов положения об отождествлении всей психологии с экспериментальной и утверждал, что «продолжает существовать психология, которую можно назвать общей или теоретической и положения которой добыты не экспериментально-объективным путем, а путем самонаблюдения» (Челпанов, 1917, с. 3). В связи с дискуссиями по вопросу о соотношении экспериментального метода с другими методами (традиционным для психологии методом самонаблюдения, а также с новым аналитическим методом, о котором заявила феноменология Гуссерля) Челпанов в двух больших статьях (1917, 1918) раскрыл сущность аналитического метода. Он доказывал, что «систематизирование, классификация психических переживаний, психологическая терминология — всем этим мы обязаны применению аналитического метода» (Челпанов, 1918, с. 468). В то же время, по мнению Г.И. Челпанова, «аналитический метод есть существенный признак всякого интроспективно-психологического исследования... Аналитический метод применялся в психологии с того времени, как она начала существовать» (Челпанов, 1917, с. 4). Вот это сочетание в аналитическом методе традиционных приемов психологического познания с новыми подходами и вызвало «необходимость объяснить, в чем он (аналитический метод. — А.Ж.) заключается и какие есть основания для применения его в психологии» (там же).

Г.И. Челпанов не только пропагандировал экспериментальный метод, но и развернул огромную организаторскую деятельность по созданию условий для проведения экспериментальных исследований. Начало этой деятельности положила организация психологических семинариев в Киевском (1897—1907) и Московском (1907—1913) университетах. В семинариях проводились лабораторные исследования, для которых Г.И. Челпанов написал руководство «Курс экспериментальной психологии», изданное литографированным способом в 1909 г. Вершиной деятельности по внедрению эксперимента в психологию стало создание в 1912 г. Психологического института при Императорском Московском университете. Официальное открытие, состоявшееся в 1914 г., превратилось в грандиозный праздник науки. Приветственные телеграммы (около 150) прислали многие выдающиеся ученые — В. Вундт, К. Штумпф, О. Кюльпе, К. Марбе, Э. Титченер, В. Штерн, О. Зельц, И.П. Павлов и др. Г.И. Челпанов выступил с речью «О задачах Московского психологического института». Он назвал в качестве важнейших две функции института. Первая связана с задачами *образования*, с необходимостью приведения университетского психологического образования в соответствие с требованиями времени: университет должен не только *учить* науке, но и *созидать* науку. Профессор современного университета не может ограничиться простой передачей знаний. Он должен научить студентов самостоятельному научному исследованию. Усвоение знаний должно происходить путем ознакомления с методами научного исследования. Институту принадлежит *еще одна функция огромной научной важности*. Он нужен, говорил Г.И. Челпанов, для *удержания единства психологии*. В силу процесса дифференциации психология распалась на отдельные отрасли, не связанные друг с другом. Институт должен способствовать *объединению психологических наук* при условии, если в нем первенствующее место отводится *общей психологии*.

Сказанное в 1914 г. в значительной степени актуально и сегодня, когда дифференциация психологических наук достигла невиданных масштабов и этот процесс продолжается, при этом положение о руководящем значении общей психологии, которое ей отводил Г.И. Челпанов, недооценивается современным психологическим сообществом, в том числе и в процессе подготовки психологов.

Свою речь Г.И. Челпанов завершил благодарственным словом Сергею Ивановичу Щукину, на средства которого был построен институт.

В 1917 г. Психологический институт начал издавать журнал «Психологическое обозрение» (редакторы Г.И. Челпанов и Г.Г. Шпет) — первый в России специальный психологический журнал, предназначенный для публикации статей по всем отраслям психологии. В статье «От редакции» в первом номере этого журнала говорилось (1917, с. 2): «Объединением в журнале различных видов психологического исследования и объединением работы различных научных сил мы надеемся хотя бы в

некоторой мере послужить великому делу развития русской научной психологии».

Величайшей заслугой Г.И. Челпанова является создание *системы университетского образования психологов-профессионалов*, основанной на следующих положениях: а) высокий уровень теоретической подготовки; б) владение экспериментальными методами исследования; в) неразрывная связь преподавания с исследовательской деятельностью преподавателя и студента. «Усвоение знаний должно происходить путем ознакомления с методами научного исследования. Студент должен знать, как научная истина добывается» (Челпанов, 1992, с. 41). Г.И. Челпанов создал продуманную организацию занятий, при которой каждый курс был связан с другими, дополнявшими и расширявшими его. Большое внимание уделялось самостоятельной домашней работе студентов. В работе со студентами сочеталась внимательность к студенту с высокой требовательностью, с воспитанием у студентов добросовестного ответственного отношения к занятиям.

Написанные Г.И. Челпановым учебники — по психологии (16 прижизненных изданий), логике (10 изданий) для гимназий и самообразования, по философии для вузов (7 изданий) — были образцовыми с дидактической стороны и отвечали задаче систематического ознакомления с основами этих областей знания. Примечательно, что учебник логики, предназначенный автором для гимназий и самообразования, переизданный в 1994 г., был рекомендован Комитетом по высшей школе в качестве учебного пособия для высших учебных заведений! Опубликованный в 1915 г. учебник по экспериментальной психологии «Введение в экспериментальную психологию» (Челпанов, 1915) стал основным учебным пособием, которым пользовались студенты. Книга оценивалась как лучшее руководство среди аналогичных зарубежных изданий. Созданная Г.И. Челпановым система университетского психологического образования составляет и сегодня фундамент подготовки психологических кадров в высшей школе в нашей стране.

Г.И. Челпанов создал первую научную школу отечественной психологии — школу научно-образовательного типа. В творчестве Г.И. Челпанова преобладала педагогическая направленность на подготовку психологических кадров. В Московском университете, так же как до этого в Киевском, он читал лекции и проводил семинары по основным психологическим курсам: по введению в психологию, психологии, теоретической психологии, общей психологии, экспериментальной психологии. Он проводил занятия также и по непсихологическим дисциплинам: общей педагогике, введению в философию, семинары по этике и по гносеологии. Специальные курсы были посвящены чтению «Этики» Спинозы и «Монадологии» Лейбница. Он вел также курс «О задачах университетского образования». Его учениками были известные русские философы Г.Г. Шпет, А.Ф. Лосев, В.В. Зеньковский. Из школы

Г.И. Челпанова вышли многие известные психологи, впоследствии ставшие крупными организаторами нашей науки, основателями собственных научных школ: А.А. Смирнов, Б.М. Теплов, С.В. Кравков, А.Н. Леонтьев и другие. В предисловии к сборнику статей по философии и психологии, изданному в честь 25-летия научно-педагогической деятельности Г.И. Челпанова, ученики высказали «благодарность за пройденную под его руководством школу» (Георгию..., 1916, с. 3).

Заключение

Всей своей творческой деятельностью Г.И. Челпанов создавал и завещал нам образ отечественной психологической науки как органичной части мировой психологической мысли. Он создал нормальный образ психологии, в которой национальные достижения не противопоставлялись зарубежным и в целом русская психология не противопоставлялась западной. Различалось только научное и ненаучное в понимании психических явлений. Г.И. Челпанов задал высокий уровень психологической науки и культуры взаимоотношений внутри психологического сообщества. По мнению его учеников, в своей личности он воплотил лучшие черты профессора-наставника: «Георгий Иванович Челпанов воспитывал нас и своей личностью. Мы видим в нем пример энергии, работоспособности, педагогического и организаторского таланта. Мы видим в нем пример сознания долга перед наукой и философской культурой родины. Мы ценим в нем внимательность к его ученикам» (Георгию..., 1916, с. 1). Г.Г. Шпет в предисловии к своей книге «История как проблема логики» (1916) в проникновенных словах выразил благодарность Георгию Ивановичу Челпанову, «чей исключительный педагогический дар я испытывал не только в пору своего образования, но и при всякой самостоятельной пробе, когда так неизбежны сомнения, колебания и неуверенность, и когда снисходительность — лучшая помощь и поддержка. Моя книга выходит в год, который отмечает его двадцатипятилетнее служение нашей науке и нашему философскому образованию. Я гордился бы, если бы он захотел признать в моей работе один из плодов своей собственной деятельности» (Шпет, 2002, с. 40).

Почему мы сегодня обращаемся к Г.И. Челпанову?

Прошло 76 лет после смерти Г.И. Челпанова. В начале XX в. он был одной из центральных фигур в научной жизни Москвы. Потом в силу известных причин его имя оказалось забытым. С 1990-х гг. началось его возвращение в нашу науку. Много сделал для этого В.П. Зинченко. Свою книгу «Человек развивающийся. Очерки российской психологии» (Зинченко, Моргунов, 1994) он посвятил светлой памяти Георгия Ивановича Челпанова, создателя Психологического института. Особо следует сказать о В.В. Рубцове, директоре Психологического института (с 1992 г.), по инициативе которого с 1994 г. проводятся ежегодные

Челпановские чтения, издаются труды Г.И. Челпанова. Они изучаются, защищаются диссертации. При этом очевидно, что психологии, которую развивал Г.И. Челпанов, уже нет. Обращение к Челпанову вызвано прежде всего нравственными мотивами, связанными с желанием восстановить справедливость по отношению к ученому, так много сделавшему для отечественной психологии, что само по себе важно и необходимо. Но дело не только в этом.

Мы и сегодня *учимся у Г.И. Челпанова* культуре научного мышления, научного труда, извлекаем нравственные уроки из его жизненного опыта, учимся ответственному отношению к работе психолога, что особенно актуально в современном «психологическом обществе», когда от психолога ждут помощи в решении разного рода жизненных проблем.

Георгий Иванович Челпанов остается нашим современником, нашим «заслуженным собеседником».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богданчиков С.А. Происхождение марксистской психологии: Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов. Саратов, 2000.

Геorgию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве. 1891—1916: Статьи по философии и психологии. М., 1916.

Ждан А.Н. Содружество искусствознания и психологии: Опыт совместной работы в ГАХН // Искусствознание. 1998. № 1. С. 295—302.

Зеньковский В.В. История русской философии. Л., 1991. Т. II. Ч. 1.

Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся: Очерки российской психологии. М., 1994.

Из трудов психологического института им. Л.Г. Шукиной при Императорском Московском университете. Т. 1. Вып. 1—2. С. 273—279. Психологический институт при Московском университете. История // Вопр. психологии. 1992. № 3—4. С. 43—46.

Обозрение преподавания наук в Императорском Московском университете. М., 1906—1907.

От редакции // Психологическое обозрение. М., 1917. Т. 1. Кн. 1, 2.

Роменец В.А., Маноха И.П., Бреусенко А.А. Г.И. Челпанов: период профессорства в университете Св. Владимира (г. Киев). 1892—1907. Киев, 2000.

Челпанов Г.И. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. 1. Представление пространства с точки зрения психологии. Киев, 1896.

Челпанов Г.И. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. 2. Представление пространства с точки зрения гносеологии. Киев, 1904.

Челпанов Г.И. Психология. Основной курс, читанный в Московском университете в 1908—1909 гг. М., 1909.

Челпанов Г.И. Памяти проф. Н.Я. Грота // Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. СПб., 1911.

Челпанов Г.И. Введение в философию. М., 1912а.

Челпанов Г.И. О положении психологии в русских университетах: Доклад на заседании Московского психологического общества. Март 1912 // *Вопр. философии и психологии.* 1912б. Кн. 114 (4). С. 211—223.

Челпанов Г.И. Введение в экспериментальную психологию. М., 1915.

Челпанов Г.И. Об аналитическом методе в психологии: Статья 1-я // *Психологическое обозрение.* 1917. Т. 1. № 1—2. С. 3 — 18.

Челпанов Г.И. Об аналитическом методе в психологии: Статья 2-я // *Психологическое обозрение.* 1918. Т. 1. № 3—4. С. 451—468.

Челпанов Г.И. Психология и марксизм. М., 1924.

Челпанов Г.И. Объективная психология в России и Америке: (Рефлексология и психология поведения). М., 1925.

Челпанов Г.И. Психология или рефлексология? (Спорные вопросы психологии). М., 1926а.

Челпанов Г.И. Социальная психология или условные рефлексы? М., 1926б.

Челпанов Г.И. Спинозизм и материализм: (Итоги полемики о марксизме в психологии). М., 1927.

Челпанов Г.И. О задачах Московского психологического института // *Вопр. психологии.* 1992. № 5—6. С. 41—43.

Челпанов Г.И. Об отношении психологии к философии // *Челпанов Г.И. Психология. Философия. Образование.* М.; Воронеж, 1999а. С. 321—332.

Челпанов Г.И. К постановке преподавания философской пропедевтики в средней школе // *Челпанов Г.И. Философия. Психология. Образование.* М.; Воронеж, 1999б. С. 286—296.

Челпанов Г.И. О преподавании философской пропедевтики в Германии // *Челпанов Г.И. Философия. Психология. Образование.* М.; Воронеж, 1999в. С. 297—309.

Челпанов Г.И. Очерки психологии. М., 2009.

Шпет Г.Г. История как проблема логики. Критическое и методологическое исследование: Материалы: В 2 ч. / Под ред. В.С. Мясникова. М., 2002.

Поступила в редакцию
11.01.12

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. В. Знаков

МНОГОМЕРНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА: ТИПЫ РЕАЛЬНОСТИ, ПОНИМАНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

В статье анализируются три реальности, в которых живет человек, — эмпирическая, социокультурная и экзистенциальная. Каждой реальности сопоставлены домены социального знания, с помощью которых они описываются, — моральный, конвенциональный и персональный. Обосновано положение о том, что реальности понимаются людьми по типам понимания-знания, понимания-интерпретации и понимания-постижения. Показано, что человек одновременно существует в разных реальностях, понимает их на неодинаковых психологических основаниях и использует для описания различные типы социального знания.

Ключевые слова: многомерный мир, реальность, знание, понимание.

In article three realities in which their lives the person — empirical, sociocultural and existential are analyzed. Each matched the reality of social knowledge domains with which they are described — the moral, conventional, and personal. It is proved that realities are understood by people on types of understanding-knowledge, understanding-interpretation and understanding-comprehension. It is shown that the person at the same time exists in different realities, understands them on the unequal psychological bases and uses various types of social knowledge for the description.

Key words: multidimensional world, reality, knowledge, understanding.

Категория «мир» принадлежит к основополагающим понятиям современной психологии. Мир — это совокупность вещей и явлений, соотнесенных с людьми, представляющая собой организованную иерархию различных способов человеческого существования (Рубинштейн, 1997). Мир человека многомерен, он состоит по меньшей мере из трех реальностей — эмпирической, социокультурной и экзистенциальной. *Цель* статьи — проанализировать эти реальности, типы понимания их субъектом, а также типы социального знания, используемые для описания каждой из них.

Знаков Виктор Владимирович — докт. психол. наук, гл. науч. сотр. ИП РАН, профессор кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* znakov50@yandex.ru

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 11-06-00738а).

Три реальности

1. *Эмпирическая реальность* воспринимается и понимается людьми как совокупность фактов, допускающих опытную проверку. При знании соответствующих измерительных процедур субъект без труда может оценить истинность описывающих ее суждений. Например, опираясь на метрическую систему мер, любой образованный человек выберет истинное высказывание из пары: «Кит весит больше карася» и «Расстояние от Москвы до Владивостока не превышает тысячу километров». Изучая эмпирическую реальность, ученые получают знания о ней, которые с полным правом можно характеризовать как истинные или ложные. В частности, при исследовании интеллекта ответы испытуемых на вопросы методики Д. Векслера: «Кто написал “Илиаду”?» и «Назовите столицу Италии» — могут быть только истинными или ложными. В соответствии с корреспондентной теорией истины истинным называется суждение о том, что действительно существует и что можно проверить опытным путем. Практически это означает приоритет утверждений, относящихся к фактам: если ученый ищет то, что существует, он открывает знания для себя так же, как геолог отыскивает новый минерал в горной породе. Такая научная позиция хорошо известна из экспериментов Ж. Пиаже по обнаружению ранее сокрытого, в которых ребенок находил или, наоборот, не обнаруживал конфету в закрытой коробочке.

Следует заметить, что только небольшая часть психологических исследований, преимущественно в рамках когнитивной традиции, направлена на изучение закономерностей формирования и развития психики в процессе взаимодействия человека с эмпирической реальностью. Большинство исследований (фрустрации, оптимизма, понимания и переживания террористической угрозы и др.) в основном связано с социальным миром.

2. *Социокультурная реальность* возникает в результате объективации содержания индивидуального и группового сознания. В социальной среде взаимодействующие субъекты не отражают, а порождают, конструируют значения, смыслы и ценности. Такая реальность представляет собой «не статическое состояние, а динамический процесс, она происходит, а не существует, она состоит из событий, а не из объектов» (Штомпка, 1996, с. 266). В отличие от исследований эмпирической реальности фокус внимания ученых смещается с описания фактов на анализ событий. Ценностно-смысловые основания одних и тех же событий у разных людей неодинаковы, поэтому они понимают их по-разному. Специфика понимания определяется характером интерпретации. Любое понимание многовариантно, оно потенциально содержит в себе несколько возможных интерпретаций одних и тех же событий и ситуаций. Интерпретация — это непрменный атрибут социокультурной реальности и ведущий метод исследования в гуманитарных науках, в частности в герменевтической традиции научного анализа знания.

Внутри герменевтической традиции доминируют два способа понимания — тезаурусный и нарративный (Знаков, 2011). Данная научная традиция не сводится к познанию истины, она ориентирована, скорее, на ценностно-смысловую интерпретацию действительности. Применительно к пониманию это означает, что при его анализе на передний план выступают не достоверные знания о понимаемом объекте, а ценностное отношение к нему. Последнее определяет субъективный характер интерпретации фактов, событий, ситуаций, т.е. ее зависимость от личного знания, опыта, пристрастий и точек зрения. Следовательно, интерпретация и понимание включены в социокультурную реальность, являются ее существенными составляющими.

3. *Экзистенциальная реальность* человеческого бытия основана на таком единстве познания и переживания, в результате которого порождается опыт, имеющий смысл для субъекта. Экзистенциальная реальность включает в себя ценности людей, а также их духовный мир, который трудно выразить словами и описать в категориях достоверного знания. В современной психологии большое внимание уделяется анализу событий и феноменов, которые нельзя понять только на основе рационального знания, когнитивного и ментального опыта. Важным условием понимания становится актуализация экзистенциального опыта понимающего субъекта. В опыте и через опыт мы понимаем все, что связывает нас с людьми и событиями. На экзистенциальном уровне понимание оказывается не столько одной из познавательных процедур (наряду с объяснением, предсказанием и др.), сколько способом бытия человека в мире, дающим ему возможность связывать различные типы знания через неявное знание.

Нет сомнения в том, что три описанные выше реальности объективно существуют. Вместе с тем я ясно осознаю, что различие трех реальностей относится не столько к онтологии их существования, сколько к гносеологическому уровню анализа, логико-аналитическому описанию признаков и характеристик. В действительности в многомерном мире человека реальности нередко настолько взаимосвязаны, что их трудно расчленишь, отделить одну от другой. Пример — ключевое для описания эмпирической реальности понятие «факт». Простая констатация существования объектов, явлений, событий, полученных в исследовании результатов, не означает признания их фактами. В науке фактами называют только те результаты, которые теоретически осмыслены и так соотнесены с другими данными, что становится очевидным существенное отличие одних от других. Любая наука строится на проинтерпретированных, понятых учеными фактах. В частности, А.Ф. Лосев полагал, что история как наука — это только понятые факты: «Факты сами по себе глухи и немые. Факты непонятые даже не суть история. История всегда есть история понятых или понимаемых фактов (причем понятых или понимаемых, конечно, с точки зрения личного бытия)» (Лосев,

1991, с. 129). Кроме понятности есть еще один признак: в науке фактами становятся только такие описания объектов, явлений, событий, которые верифицируемы, допускают проверку.

Аналогичные трудности возникают, к примеру, при обосновании суждения о том, что метод интерпретации и герменевтический подход надо относить исключительно к социокультурной реальности, игнорируя реальность экзистенциальную. Понимание человеком экзистенциальных событий и ситуаций, разумеется, тоже основано на их интерпретации. Правда, в этой плоскости человеческого бытия интерпретация нередко труднее поддается рефлексивному осознанию и осмыслению. Однако трудность различения реальностей не означает, что это различение нельзя и не нужно осуществлять. Напротив, на первых ступенях психологического анализа сложных проблем мира человека всегда необходима аналитическая ясность, хотя она и чревата упрощением предмета исследования. Это в полной мере касается соотношения реальностей, их понимания учеными, а также соотношения типов привлекаемых для этого знаний.

Три типа понимания

Анализ понимания в современной науке включает его исследование в рамках когнитивной, герменевтической и экзистенциальной традиций научного познания. Названные исследовательские традиции, по существу, направлены на изучение трех принципиально разных сфер человеческого бытия, отражающих существование человека в эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностях.

Современные люди живут в многомерном мире, и это отражается не только на исследованиях понимания, но и на том, как мы определяем этот феномен. Понимание имеет большое значение на разных уровнях человеческого бытия. Под многомерностью я имею в виду отражение того факта, что события и ситуации окружающего нас природного и социального мира таковы, что их понимание не может всегда строиться на одинаковых психологических основаниях. В одних ситуациях оно основано главным образом на знании, в других — на интерпретации, связанной с психологической реконструкцией духовного мира людей; наконец, есть ситуации, которые психологу невозможно понять без вдумчивого анализа глубин бессознательного и экзистенциального опыта испытуемых.

Основания понимания проанализированы и в науке и в философии. В частности, как отмечает А.П. Огурцов, в различных философских дискурсах понимание используется, во-первых, для характеристики познавательной способности субъекта, которая представлена в деятельности рассудка, противопоставляемой деятельности разума. Во-вторых, пониманием называют процедуры герменевтического истолкования смысла текстов, расшифровки значения языковых и речевых практик и

вообще постижения смысла культурных формообразований. В-третьих, понимание — это специфический для человека способ бытия в мире, основанный на осознанном или неосознаваемом выборе одной из возможностей существования. «Этим трем формам интерпретации понимания соответствуют три этапа в трактовке понимания в истории философии — от трактовки понимания как одной из познавательных способностей в рационализме через отождествление понимания с процедурами герменевтики как специфической методологии гуманитарных наук (или наук о духе) к онтологической трактовке понимания, исходящей из изначальной герменевтичности существования и имманентности понимания и пред-понимания бытию человека в мире», — пишет А.П. Огурцов (2001, с. 279).

Сравнение философских и психологических трактовок понимания обнаруживает хотя и не тождественность, но явное их сходство. В психологии также выявлены три типа понимания проблем, методов и результатов исследований — понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение. Типы понимания соответствуют трем сферам человеческого бытия и традициям исследования психики субъекта — когнитивной, герменевтической и экзистенциальной. О типе понимания в психологическом исследовании можно судить по оценкам истинности, правильности или правдивости высказываний, понимаемых людьми в коммуникативных ситуациях.

1. *Понимание-знание* возникает у субъекта тогда, когда понимание основано преимущественно на оценках истинности высказываний о фактах, событиях, ситуациях. В некоторых (но далеко не во всех) изучаемых психологами ситуациях человеческого бытия люди делают истинные или ложные утверждения. Несомненно, что в общении случаются высказывания, которые можно характеризовать только в категориях истинности/ложности. Например: «Невский проспект находится в Москве». Или если кто-нибудь скажет, что у меня по плечу ползет скорпион, то я поверну голову и смогу убедиться, так ли это. Истинность или ложность высказываний в таких ситуациях проверяется путем их сопоставления с объективной действительностью: в соответствии с принципом корреспондентности каждое высказывание должно быть эмпирически подкреплено. Анализ знаний, необходимых для понимания, — распространенный методический прием в современных когнитивных науках. Вследствие этого неудивительно, что понимание-знание — это не только психологический, но и лингвистический феномен, представленный в семантике русского языка. Например, Б.Л. Йомдин (2006), разрабатывая языковую модель понимания, различает понимание-мнение и понимание-знание.

2. *Понимание-интерпретация* возникает тогда, когда бессмысленно оценивать истинность высказываний, понимаемых людьми в коммуникативных ситуациях. В человеческом мире люди постоянно попадают в

ситуации, описания которых невозможно характеризовать как истинные или ложные. Например, мы говорим: «Эта женщина красивая» или «Этот человек добрый». Такие суждения являются мнениями, в которых присутствуют и объективные и субъективные компоненты. Мнения можно характеризовать только как правильные или неправильные. В основе квалификации высказывания как правильного лежит согласованное мнение людей о должном, о правилах и нормах поведения. «Правильность» и «неправильность» никогда не бывают абсолютными, они возникают в результате согласования мнений многих людей и зависят от способов интерпретации. В соответствии с принципом когерентности в герменевтической традиции высказывания о мире человека должны быть непротиворечиво согласованными с ранее установленными теоретическими положениями и эмпирическими утверждениями, относящимися к тому же фрагменту реальности.

В психологии типичными, выполненными в рамках герменевтической традиции являются работы В.А. Лабунской (2009), посвященные интерпретации невербальных признаков поведения. С психологической точки зрения интерпретация — это способ понимания, порождения субъектом смысла понимаемого. Понимание всегда включает в себя потенциальную возможность разных типов интерпретации содержания понимаемого, т.е. рассмотрения его с разных точек зрения. Неудивительно, что понимание одних и тех же высказываний в диалоге, текстов, социальных ситуаций оказывается неодинаковым при их интерпретировании преимущественно на основе знаний, установок автора или читателя, говорящего или слушающего.

3. *Понимание-постижение.* Экзистенциальная традиция исследования психической реальности проявляется в направленности ученых на анализ вариантов порождения опыта, имеющего смысл для субъекта. В жизни каждого человека бывают периоды экзистенциальных размышлений, связанных с пониманием себя в реальных ситуациях человеческого бытия. В бытийном плане смысложизненные ориентации имеют для каждого из нас не только конкретное адаптационное значение, но и более глубокий экзистенциальный смысл. К «пониманию себя в мире», «экзистенциальным размышлениям о себе» субъект приходит благодаря ретроспективному и антиципирующему интересу к своему внутреннему миру. Он направлен на поиск смысла своего существования, поступков и мысленный выход за пределы не только конкретной коммуникативной ситуации, но и собственной жизни, включение ее в иную систему координат, в которой жизнь наделяется смыслом.

В современной психологии большое внимание уделяется анализу событий и феноменов, которые нельзя понять только на основе рационального знания. К ним относятся пиковые переживания, смысл жизни и смерти, надежда как метаценность человеческого бытия, поведенческие проявления мудрости и т.п. Описания субъектом таких

феноменов и оценки своего понимания уже невозможно характеризовать в категориях истинности или правильности. Для каждого из нас рассказ о них либо правдив, либо нет. Понимание таких событий и феноменов основывается главным образом не на знании или интерпретации, а на постижении глубокого смысла фундаментальных проблем человеческого бытия. Понимание-постижение характеризуется направленностью на формирование глубинного смысла событий и ситуаций, которые субъект не имеет возможности ясно осознать и вербально описать. Человек может понимать или не понимать и сложные и простые объекты. Однако если предмет психологического анализа сложен (как, к примеру, самообман), то следует говорить о его понимании на основе постижения.

Научный анализ, завершающийся пониманием-постижением, представлен, в частности, в публикациях, посвященных образу «экзистенциального Другого» (Шапинская, 2009). Другой, утверждающий свой субъектный статус путем противопоставления окружающим (членам коллектива, представителям власти и т.п.), — это, как правило, человек с драматической судьбой. «Утверждая себя через оппозицию “Я” и “Не-Я”, этот субъект рассматривает весь мир как тотальное “Не-Я”, являясь в свою очередь вечным Другим по отношению к коллективному субъекту. Такой Другой — личность, не вписывающаяся в общество, противопоставляющая себя общепринятой системе норм и творящая свой собственный универсум по своим собственным правилам, — всегда был основой многочисленных репрезентаций. В основе противопоставления такой необычной личности культуре большинства лежит оппозиция “Мы” и “Я”, коллективная или групповая идентификация в противовес индивиду, который находит в себе смелость остаться за пределами сообщества» (там же, с. 49).

В наше время ярким, привлекающим всеобщее внимание примером «экзистенциального Другого» является выдающийся российский математик Г. Перельман, первым доказавший гипотезу Пуанкаре. В 1996 г. он был удостоен премии Европейского математического общества для молодых математиков, но отказался ее получать. В 2006 г. он отказался от медали Филдса, в 2010 г. — от премии в размере миллиона долларов за решение одной из семи проблем тысячелетия. Перельман не проявляет интереса к научной карьере, живет в одной квартире с матерью, ведет замкнутый образ жизни, игнорирует прессу. Не поддающаяся рациональному объяснению неординарность мышления и выходящая за рамки повседневного опыта «инаковость» поведения выдающегося ученого привлекли к нему повышенное внимание СМИ и многих обывателей. Недавно М. Гессен была предпринята интересная и весьма правдоподобная попытка описания личности и объяснения мотивов поступков Г. Перельмана (Гессен, 2011). Однако ее книга только подтвердила очевидное: имея дело с «экзистенциальным Другим»,

невозможно достичь понимания, основанного на знании. В результате исследователю приходится довольствоваться во многом интуитивным постижением.

Итак, в рамках когнитивной традиции психологи стремятся к получению истинных знаний о психике испытуемого, которую они понимают на уровне понимания-знания. В герменевтической традиции ключевую роль играет понимание-интерпретация правильных или неправильных суждений, высказываемых партнерами по коммуникации. Экзистенциальная исследовательская традиция характеризуется направленностью психологов на понимание-постижение правдивых или неправдивых высказываний испытуемых.

Вместе с тем следует признать, что, так же как и типы реальности, типы понимания в психологическом исследовании не всегда поддаются четкой дифференциации. Это происходит потому, что иногда в одной и той же ситуации люди выделяют разные ее стороны и приходят к неодинаковым типам понимания. Даже десятилетние дети считают, что понимание в различных школьных дисциплинах строится на неодинаковых основаниях. При изучении школьных предметов дети осознают необходимость конструирования различных видов понимания, одни из которых являются описательными, а другие объяснительными, причинными. В 1588 г. во время шторма испанская военная флотилия затонула у берегов Шотландии и Ирландии. При изучении этого исторического факта на уроке естествознания первостепенную значимость приобретают выводы, связанные с физическими свойствами материалов и законами гидродинамики. Юристы акцентируют внимание на выводах о связи установления вины и ответственности. Историков интересуют прежде всего мотивы, намерения и склонности людей, которые были вовлечены в военные действия (Newton, Newton, 1999).

Показательный пример разноплановости понимания одной и той же ситуации — крушение в январе 2012 г. круизного лайнера «Коста Конкордиа», на котором в момент катастрофы находились 4234 человека. Корабль подошел слишком близко к острову Джильо, напоролся на риф и получил пробоину, что и привело к крушению судна. Итальянские следователи, ориентированные на получение фактов, объективной картины произошедшего, выясняли, каков размер пробоины, действительно ли судно слишком близко подошло к берегу из-за сбоя в электронной системе навигации, проверяли бортовые регистраторы записей, не было ли в крови капитана наркотических средств и т.д. Собранные эмпирические факты позволяют им ответить на вопросы и понять случившееся по типу понимания-знания. Другая группа вопросов, до сих пор обсуждаемых в СМИ, относится к разным версиям, интерпретациям событий. Очевидцы утверждают, что отклонение от курса произошло из-за того, что капитан Ф. Скеттино хотел показать остров старшему стюарду — единственному члену команды,

который был родом с Джильо. Сам капитан и представители судовладельца заявили, что «Коста Конкордия» от заданного курса не отклонялась. Спасшиеся пассажиры обращают внимание на растерянность и бездействие команды судна, тогда как члены экипажа настаивают на том, что сделали все возможное, чтобы минимизировать потери. Следователи обвиняют Скеттино в непреднамеренном убийстве, а также в том, что он покинул судно до завершения эвакуации пассажиров. Капеллан с лайнера заявил, что капитан никуда не бежал с судна, а его подчиненные действовали, как герои. Каждой из перечисленных версий соответствует свое понимание-интерпретация событий.

Капитан Скеттино согласился с тем, что действительно прошел слишком близко от берега, выполняя маневр, известный как «Салют» (приветствие островитянам), однако уверенно заявил, что не это стало причиной крушения судна. На допросе он сказал, что допустил ошибку в навигации, так как находился в состоянии глубокой задумчивости. В ходе следствия также выяснилось, что вскоре после аварии Скеттино по телефону уведомил ремонтную компанию о «небольшой поломке», тем самым солгал о масштабах повреждений. Позднее капитан признался в целой серии ошибок, включая несвоевременную постановку теплохода на якорь после аварии. Состояние задумчивости, мотивы противоречий в показаниях, ложь — все это психологические факторы, требующие специального изучения. Без психологического исследования трудно рассчитывать на достижение понимания-знания или понимания-интерпретации — в этом случае возможно только понимание-постижение.

Типы социального знания

С точки зрения современной методологии социогуманитарного познания важно отметить содержательное сходство типов понимания и типов социального знания. В теории доменов социального знания выделяются три области — моральная, конвенциональная и персональная (Nucci, 1996).

1. *Моральный домен* очень напоминает понимание-знание. Моральные действия и знания о них понимаются как обязательные, формально-нормативные и потому положительно оцениваемые всеми членами общества вне зависимости от обстоятельств. Нормативная заданность базовых моральных норм, их общечеловеческая значимость — это проявление объективности существования морали. С этой точки зрения мораль, несомненно, так же объективна, как факты эмпирической реальности. У морали и понимания есть общий базис — долженствование. Мораль как форма общественного сознания включает зафиксированные в нормах обобщенные представления о том, как можно и как нельзя вести себя в обществе. В свою очередь, психологические механизмы понимания неразрывно связаны с долженствованием. Один из двух

главных отличительных признаков этого феномена состоит в том, что понимание — это всегда процесс и результат сопоставления существующего с должным (другой признак — выход за непосредственные границы содержания понимаемого и включение его в более широкий контекст личностного знания). Неудивительно, что понимание морали как должного можно рассматривать как применимое прежде всего к моральному домену социального знания.

Мораль наряду с правом и обычаями принадлежит к основным типам нормативной регуляции действий человека. Принципы морали не допускают исключений и претендуют на абсолютность. В общении принятый субъектом «абсолютизм» моральных ценностей проявляется у некоторых людей в предрасположенности к морализированию, т.е. в склонности смотреть на мир сквозь призму моральных норм, оценивать вещи как морально «хорошие» и «плохие». Морализирование всегда основывается на доводах типа хорошо/плохо и обращается к чувству ответственности каждого человека по отношению к другим. Морализирование включает моральные высказывания, категории хорошего и плохого, вины и невиновности. Непоколебимая уверенность в правоте таких правил приводит морализирующего субъекта к чрезмерному осуждению тех, кто не соглашается с ним. «Морализаторы» одновременно и слишком уверены, и слишком резки в своих суждениях о других (Keenan, 2002).

Предрасположенность к морализированию может быть выражена в поведении не только отдельного человека, но и больших социальных групп и даже государств. В частности, после теракта 11 сентября 2001 г. США стали «морализирующей нацией» (Janoff-Bulman, Sheikh, 2006). Дискурс морализирования стал в американских СМИ повседневным. Это проявилось в росте выступлений против проституции, аборт, геев и т.п. В этой стране явно усилилась тенденция смотреть на мир сквозь призму моральных критериев, что стало особенно очевидным на президентских выборах 2004 г. Во многих газетах тогда писали, что Буш победил главным образом вследствие апелляции к моральным ценностям (Lovett, Jordan, 2005).

2. *Конвенциональный домен* явным образом соотносится с социокультурной реальностью, герменевтической традицией и пониманием-интерпретацией проблем, методов и результатов научных исследований. Конвенциональные знания возникают в результате согласования множества мнений. Такие знания используются при оценке поступков как «правильных» или «неправильных». Признаваемая многими людьми правильность/неправильность оказывается зависимой от местных норм, обычаев и конкретных обстоятельств. Примером может служить правостороннее или левостороннее движение на дороге, принятое в разных странах.

Современные психологические исследования позволяют утверждать, что человеческое знание — порождение не только индивидуального со-

знания, но и коллективного разума. Устремленность субъекта (особенно группового) и объекта навстречу друг другу образуют между ними такое единство, в том числе чувственное и интеллектуальное, которое дает основание говорить о конвенциональном пространстве коллективного знания и понимающем себя бытии как об онтологически существующих данностях. Основания для такого утверждения можно найти в разных и даже очень отличающихся друг от друга областях психологии.

К. Герген (Gergen, 1985) полагает, что знание следует анализировать не как то, что находится в головах людей, а как нечто, что они совместно создают в ходе языкового взаимодействия. Н.Е. Максимова и И.О. Александров (2009, с. 376) экспериментально обосновывают существование надындивидуальных структур знания, формирующихся у групп людей, взаимодействующих в какой-либо предметной области. М.Г. Ярошевский (1998) считал, что научное творчество невозможно без представленности в жизни отдельного ученого надындивидуальных форм объективно и закономерно развивающегося знания. Надсознательное движение научной мысли осуществляется при незримом присутствии множества конкретных исследователей — союзников, противников, оппонентов и критиков. Вследствие этого надсознательное является по своей сути коллективно-надсознательным. Сегодня в различных областях психологии (социальной, кросс-культурной, трансперсональной, психологии личности) развивается теоретическое и концептуальное представление о метаперсональной самоинтерпретации субъекта. Она определяется как идентичность, выходящая за пределы индивидуального Я и охватывающая более широкие аспекты бытия, такие, как человечество, жизнь, психика или космос. При метаперсональной самоинтерпретации субъект ощущает свою неразрывную связь со всем человечеством и осознает себя как часть природного и социального мира (DeCicco, Stroink, 2007).

Очевидно, что описанные выше интересные и научно-продуктивные направления психологических исследований ищут истоки формирования конвенционального знания не только во внутреннем мире человека, но и в пространстве межсубъектных взаимодействий, на стыке разных ценностно-смысловых позиций общающихся людей. Результатом взаимодействий становится обогащение научных представлений о конвенциональном домене социогуманитарного знания.

3. *Персональный домен*, связанный преимущественно с экзистенциальной реальностью, включает знания, на основе которых субъект предпринимает действия, оказывающиеся результатом личного предпочтения или вкуса (любит яблоки и не ест груши). Индивидуальное знание не подлежит рассмотрению с позиций правильности или неправильности и обычно не поддается вербальному осознанию и рациональному объяснению. Субъект понимает ситуацию по типу понимания-постижения: он может только постичь глубинный смысл происходящих событий, их суть.

Итак, человек одновременно существует в разных реальностях, понимает их на неодинаковых психологических основаниях и использует для описания различные типы социального знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гессен М. Совершенная строгость. Григорий Перельман: гений и задача тысячелетия. М., 2011.

Знаков В.В. Ценностное осмысление человеческого бытия: тезаурусное и нарративное понимание событий // Сибирский психол. журн. 2011. № 40. С. 118—128.

Иомдин Б.Л. Языковая модель понимания // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2006. С. 517—612.

Лабунская В.А. Интерпретация невербального поведения как социальная способность // Познание в структуре общения / Под ред. В.А. Барабанщикова, Е.С. Самойленко. М., 2009. С. 203—210.

Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.

Максимова Н.Е., Александров И.О. Феномен коллективного знания: согласование индивидуальных когнитивных структур или формирование надиндивидуальной психологической структуры? // Психология человека в современном мире: Мат-лы Всеросс. юбил. науч. конф., посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна (Москва, 5—16 октября 2009 г.) / Отв. ред. А.Л. Журавлев и др. М., 2009. Т. 3. С. 368—376.

Огурцов А.П. Понимание // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С. Степин, зам. предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин; уч. секр. А.П. Огурцов. М., 2001. Т. 3. С. 279—283.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1997.

Шапинская Е.Н. Образ Другого в текстах культуры: политика репрезентации // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4. С. 49—55.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

Ярошевский М.Г. Надсознательное // Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М., 1998. С. 80—98.

DeCicco T.L., Stroink M.L. A third model of self-construal: The meta-personal Self // Int. J. of Transpersonal Studies. 2007. Vol. 26. Is. 1. P. 82—104.

Gergen K.J. The social constructionist movement in modern psychology // American Psychologist. 1985. N 40. P. 266—275.

Janoff-Bulman R., Sheikh S. From national trauma to moralizing nation // Basic and Applied Social Psychology. 2006. Vol. 28. N 4. P. 325—332.

Keenan A. Generating a virtuous circle: Democratic identity, moralism, and the languages of political responsibility // The politics of moralizing / Ed. by J. Bennett, M.J. Shapiro. N.Y., 2002. P. 27—61.

Lovett B.J., Jordan A.H. Moral values, moralism, and the 2004 presidential election // Analyses of Social Issues and Public Policy. 2005. Vol. 5. N 1. P. 165—175.

Newton D.P., Newton L.D. Knowing what counts as understanding in different disciplines: Some 10-year-old children's conceptions // Educational Studies. 1999. Vol. 25. N 1. P. 35—54.

Nucci L. Morality and the personal sphere of actions // Values and knowledge / Ed. by E. Reed, E. Turiel, T. Brown. Hillsdale, NJ, 1996. P. 41—60.

Поступила в редакцию
08.02.12

Л. В. Бороздина

САМООЦЕНКА И ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРОГНОЗЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Исследовалась эффективность учебной деятельности в связи с величиной коэффициента интеллекта (IQ), высотой самооценки и ее сочетаниями с уровнем притязаний. Показано, что средний балл успеваемости достоверно упорядочивается по параметру высоты самооценки: при ее снижении продуктивность учебной деятельности падает. Подъем притязаний над уровнем самооценки способствует улучшению академических успехов, обратное расхождение конструкторов — ухудшению. Самооценка оказывается значимым предиктором эффективности учения, однако показатель IQ не теряет своей прогностической силы.

Ключевые слова: эффективность учебной деятельности, самооценка, уровень притязаний, коэффициент интеллекта.

Academical achievements are investigated in connection with IQ, self-evaluation and its combinations with level of aspirations. It is found lowering of academical achievements with reduction of self-evaluation. In case level of aspirations was higher of level self-evaluation academical achievements increased, in contrary case achievements diminished. Self-evaluation is very reliable predictor of studies efficacy, but IQ did not lose its prognostic power as yet.

Key words: academical achievements, self-evaluation, level of aspirations, IQ.

В современной психологии среди множества тем интенсивно разрабатываемой проблемы самооценки существенное место занимает ее связь, а точнее, влияние на продуктивность деятельности. С конца 70-х годов XX в. в психологической литературе закрепилось понятие «самоэффективность» (англ. *self-efficacy*) — уверенность человека в возможности справляться с различными затруднениями, вызовами ситуации, приобретенная способность преодолевать их (Bandura, 1977). Смысловое ядро неологизма составляет идея, которая в общем виде может быть сформулирована следующим образом: результативность отдельного акта поведения, его более крупного фрагмента или деятельности в целом зависит не только от наличия релевантных данной деятельности качеств человека, но и от их субъективной оценки, выраженной при

Бороздина Лидия Васильевна — докт. психол. наук, профессор кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* lv_bor@mail.ru

ее позитивности в ощущении уверенности и компетентности индивидуума. Идея эта далеко не нова, на ней и ранее настаивал и продолжает настаивать значительный ряд исследователей (Бернс, 1986; Шварцер и др., 1996; Branden, 1969; и мн. др.). Выясняется, например, что люди с низкой самооценкой менее успешны в выполнении интеллектуальных заданий, чем индивиды с высокой оценкой себя при одинаковых показателях интеллекта. Отдельные авторы (Hollinger, Fleming, 1992) рассматривают самооценку в качестве центрального конструкта для реализации потенциала одаренных лиц.

Р. Бернс (1986), анализируя школьную успеваемость, приходит к выводу о том, что если прежде наибольшая прогностическая сила применительно к академическим достижениям приписывалась коэффициенту интеллекта учащихся, то теперь она смещается на самооценку. Автор утверждает, что, поступая в школу, ребенок уже обладает некоторой оценкой себя, в соответствии с чем он формирует ожидания относительно своих успехов и ведет себя согласно этим ожиданиям. Если самооценка высока, ребенок по обыкновению имеет хорошую успеваемость, в противном случае наоборот, и такая закономерность действует, как некое «самосбывающееся пророчество».

Заклучений подобного рода можно найти немало, но опыт изучения эффективности учебной деятельности (Бороздина, 2011; Бороздина, Рощина, 1987) показывает, что вопрос этот сложнее, чем кажется, а круг личностных факторов результативности учения заметно шире.

В сообщаемом исследовании прослеживалась связь уровня самооценки и значения IQ с продуктивностью учебной деятельности в высшей и средней школе. Поскольку самооценку нередко реконструируют по уровню притязаний, а параметры высоты этих конструктов могут как совпадать, так и расходиться (Бороздина, 2011), притязания респондентов также подвергались диагностике.

Методика

Высота самооценки устанавливалась с помощью модифицированной техники Дембо—Рубинштейн (Бороздина, 2011; Бороздина, Видинска, 1986). Уровень притязаний исследовался по методике Хоппе—Юкнат, стимульным материалом в которой служили матрицы Равена. Для оценки IQ испытуемым давался их полный набор. Вычисление IQ осуществлялось по схеме, предложенной в «Практикуме по психодиагностике...» (1989). Продуктивность учебной деятельности выявлялась на основании балла успеваемости, усредненного по всем изучаемым дисциплинам, и педагогических характеристик, отражавших степень подготовки учащихся и стиль их работы. В эксперименте участвовали 66 студентов московских вузов в возрасте 17—27 лет и 27 учеников московского Лицея информационных технологий при ЮНЕСКО в возрасте 16 лет (профиль лицея — вычислительная математика и кибернетика).

Все обследуемые отбирались по признаку равновысоких специальных способностей к освоению избранной профессии (группа студентов) и к усвоению профильной дисциплины (группа лицеистов), а также наличия высокой мотивации учения.

Результаты и обсуждение

В соответствии со значением коэффициента интеллекта группа студентов разделилась на две подгруппы: с особо высоким IQ (95—99%) — 29 человек и IQ выше среднего (75—94%) — 41 человек. В каждой из подгрупп можно было выделить лиц с высокой и средней самооценкой. Для прояснения вопроса о ее влиянии на результативность учебной деятельности необходимо рассмотреть случаи, при которых оценка себя человеком и его притязания оказываются равноуровневыми. Эти данные приведены в табл. 1.

Таблица 1

Соотношение показателей IQ, самооценки (СО)
и академической успеваемости

IQ	СО	Средний балл успеваемости
Особо высокий — 95—99% (n=13)	Высокая (n=7)	4.9
	Средняя (n=6)	4.6
Выше среднего — 75—94% (n=16)	Высокая (n=10)	4.8
	Средняя (n=6)	4.3

Как следует из табл. 1, со снижением самооценки уменьшается средний балл успеваемости, что происходит в обеих подгруппах, разделяющихся по IQ. Различия значимы (крит. Манна—Уитни, $p < 0.05$). Таким образом, люди равнооснащенные со стороны интеллектуальных и специальных способностей, с выраженной учебной мотивацией показывают ухудшение академических достижений при падении ранга самооценки. Эти данные полностью повторяют ранее полученный результат (Бороздина, 2011; Бороздина, Рошина, 1987). Помимо того, сравнение в настоящем материале показателей подгрупп с особо высоким IQ, но средней самооценкой (академический балл 4.6) и с IQ выше среднего, но высокой самооценкой (академический балл 4.8) делает очевидным тот факт, что менее одаренные обследуемые обнаруживают лучшую успеваемость, чем более высокоинтеллектуальные респонденты со снижением самооценки. Полученный парадокс находит подкрепление в педагогических характеристиках.

Преподаватели описывают студентов с высокой самооценкой как лиц с широкими, глубокими и прочными знаниями. Таким учащимся свойственна самостоятельность и активность в изучении материала,

стремление найти и занять собственную позицию, умение отстоять ее или корректно аргументировать. Студенты отличаются высоким творческим потенциалом и вносят мощную струю креативности в процесс учения. Их называют наиболее способными и считают «первым номером во всем», «самыми сильными на курсе».

Лица со средней самооценкой получают характеристики не творческих и одаренных, а усидчивых и добросовестных, дисциплинированных и прилежных, имеющих хорошие знания, но проявляющих склонность к репродуктивности, скорее к пересказу, чем к анализу материала. Иногда их именуют робкими, не совсем уверенными в себе или недостаточно знающими себя. В целом изображаемые портреты этой субвыборки как-то тускнеют на фоне предыдущих, становясь менее яркими и более стереотипными.

Можно видеть, что параллельное снижение самооценки и успеваемости учащихся высшей школы сопровождается общим изменением качества знаний и стиля учения.

Таблица 2

**Соотношение показателей IQ, самооценки (СО),
уровня притязаний (УП) и академической успеваемости**

IQ	СО	Соотношение СО и УП	Средний балл успеваемости
Особо высокий 95—99% (n=25)	Высокая (n=10)	СО=УП (n=7)	4.9
		СО>УП (n=3)	4.7
	Средняя (n=15)	СО=УП (n=6)	4.6
		СО<УП (n=6)	4.8
		СО>УП (n=3)	4.7
Выше среднего 75—94% (n=41)	Высокая (n=18)	СО=УП (n=10)	4.8
		СО>УП (n=8)	4.4
	Средняя (n=23)	СО=УП (n=6)	4.3
		СО<УП (n=15)	4.7
		СО>УП (n=2)	4.5

В табл. 2 приведены более широкие данные, включающие результаты и тех испытуемых, у которых уровни оценки себя и притязаний были дивергированы так, что последние либо превышали самооценку, либо не достигали ее. Поскольку феномен диссоциации высотных параметров самооценки и уровня притязаний не только найден, но и многократно подтвержден (Бороздина, 1999, 2000, 2006, 2011; Бороздина, Видинска, 1986; Бороздина, Залученова, 1993; Бороздина, Кубанцева, 2008; Бороздина, Пукинска, 2009, 2011), интерес представляет вопрос о том, какие модификации вносит рассогласование конструкторов в эффективность учебной деятельности.

Как видим, подъем притязаний над самооценкой сопровождается увеличением балла успеваемости (4.8 и 4.7) в сопоставлении с идентичностью конструкторов (баллы 4.6 и 4.3 соответственно). Различия достоверны (крит. Манна—Уитни, $p < 0.05$) для обеих субвыборок, дифференцирующихся по IQ. Падение целевого выбора относительно оценки себя субъектом связано с двунаправленными изменениями академических достижений: если уровень притязаний занижается относительно высокой самооценки, успеваемость ухудшается (баллы 4.7 против 4.9 и 4.4 против 4.8 — последнее изменение значимо: крит. Манна—Уитни, $p < 0.05$). Если ранг целевого выбора оказывается меньше средней оценки себя, наблюдается небольшой рост успеваемости (баллы 4.7 против 4.6 и 4.5 против 4.3). Эти данные также согласуются и даже получают некоторое разъяснение в педагогических характеристиках.

По описаниям преподавателей, группу «сверхпритязающих» ($CO < UP$) составляют достаточно амбициозные студенты с претензией на «покорение вершин», но явной неспособностью к реализации задуманного из-за свойственной им манеры покорения — «рывком». Избирая сложные темы рефератов, докладов, практических заданий, исполнители одновременно и горячо желают преуспеть, и явно опасаются неудачи, нередко сразу же предупреждая педагогов о возможном сбое. Эти учащиеся обеспокоены, озабочены, тревожны, работают в большом напряжении. Они могут обладать хорошими знаниями, однако последние даются им со значительной функциональной и эмоциональной нагрузкой.

Испытуемые из категории «перестраховщиков» ($CO > UP$) получают крайне скупые характеристики, ибо, стараясь быть «незаметными», они мало проявляют себя на занятиях. Но во время экзаменов эти студенты способны удивить преподавателей как отличными, так и крайне неудовлетворительными ответами.

Насколько подтверждаются вскрытые закономерности при обучении в средней школе?

По тесту Равена 27 лицеистов разделились на две группы — с высоким и средним IQ. Внутри каждой из групп оказалось возможным выделить по три подгруппы — с высокой, средней и низкой самооценкой. Таким образом, продуктивность учебной деятельности рассматривалась для шести подгрупп, которые формировались в зависимости от соотношения высоты оценки себя и индекса IQ. Результаты приведены в табл. 3, куда включены данные относительно IQ, самооценки, уровня притязаний, а также активности и самостоятельности школьников, оцененные учителями по пятибалльной системе.

Как показано, у студентов с высоким IQ по мере понижения самооценочной позиции наблюдалось ухудшение всех показателей

Сводные данные по выборке лицестов

№ исп., n=27	IQ	СО	УП	Средний балл успеваемости	Оценка преподавателей	
					активность	самостоятельность
1	в	в	в	4.8	5	5
2	в	в	в	4.7	4	5
3	в	в	в	4.9	5	5
n=3				m=4.8	4.7	5
4	в	с	в	4.7	5	4
5	в	с	в	4.5	5	5
6	в	с	в	4.6	4	4
7	в	с	с	4.2	3	3
8	в	с	с	4.5	4	4
9	в	с	с	4.3	3	5
10	в	с	с	4.3	3	3
11	в	с	с	4.2	5	3
n=8				m=4.4	4	4.8
12	в	н	с	4.0	3	3
13	в	н	с	4.2	3	2
n=2				m=4.1	3	2.5
14	с	в	в	4.3	4	4
15	с	в	с	4.6	3	4
16	с	в	с	4.8	5	3
17	с	в	с	3.8	5	5
n=4				m=4.4	4.2	4
18	с	с	с	3.6	4	4
19	с	с	с	4.2	3	3
20	с	с	с	3.8	3	4
21	с	с	в	4.0	3	4
22	с	с	с	3.7	4	3
23	с	с	с	4.3	3	3
24	с	с	с	3.5	3	4
n=7				m=3.9	3.6	3.5
25	с	н	с	3.3	3	4
26	с	н	с	3.5	3	2
27	с	н	с	3.2	3	2
n=3				m=3.3	3	2.6

Примечание: в — высокий; с — средний; н — низкий IQ, уровень СО и УП.

эффективности учебной деятельности. Аналогичный результат регистрируется у школьников, при этом выявленная закономерность прослеживается и в группе испытуемых с высоким IQ, и в группе с его средним значением.

Обращает на себя внимание тот факт, что медиальный балл успеваемости для подгруппы лицеистов с высоким IQ и средней самооценкой полностью совпадает с таковым для подгруппы школьников со средним IQ и высокой самооценкой (4.4). Разброс значений в пределах второй подгруппы несколько больше, однако по критерию Вилкоксона—Уайта статистически значимых различий между рассматриваемыми подгруппами нет, и это *чрезвычайно важное обстоятельство*. Оно означает, что человек с высоким интеллектом, но средней СО оказывается равнопродуктивным с тем, кто имеет средний интеллект, но высокую СО. На подобную тенденцию указывает и малое различие между академическими показателями подгрупп с высоким IQ и низкой самооценкой и средним IQ и средней самооценкой (4.1 и 3.9).

Несмотря на неравномерное и мелкое дробление выборки, изменение успеваемости по параметру высоты самооценки регистрируется, и оно представляется особенно существенным ввиду присутствия достоверных различий (крит. Манна—Уитни, $p < 0.05$) медиального балла академической успеваемости в субгруппах с разным уровнем самооценки для группы школьников со средним IQ. У лицеистов с высоким IQ та же тенденция прослеживается, но не достигает степени значимости из-за слишком большой числовой дифференциации субгруппы (3.8 и 2 человека).

Относительно качественного анализа учебной деятельности лицеистов надо отметить, что учащимся с высокой оценкой себя помимо отличной или весьма хорошей успеваемости свойственна активность и самостоятельность. Педагоги называют этих детей очень способными и творчески одаренными. По табл. 3 можно проследить, как при понижении самооценки в группе с высоким IQ ухудшаются все показатели учебной деятельности обследуемых: падает средний балл успеваемости, уменьшается активность и самостоятельность на занятиях (оценки 3—2).

Ухудшение продуктивности учения по мере снижения уровня оценки себя мы находим и у лицеистов со средним IQ. Продолжает падать балл успеваемости, активности и самостоятельности в учении.

Если в целом характеризовать учащихся со средней самооценкой, то в описании учителей эти дети скорее очень старательны, нежели способны или активны и самостоятельны. Испытуемые с низкой оценкой себя отличаются посредственной успеваемостью и получают оценки несамостоятельных и неактивных. В наибольшей степени это относится к представителям подгруппы со средним интеллектом и низкой самооценкой.

По итогам обследования (см. табл. 3) далеко не у всех школьников высота самооценки совпадает с уровнем притязаний. Средние баллы успеваемости внутри каждой группы с учетом названного соотношения приведены в табл. 4.

Таблица 4

Средние значения успеваемости лицеистов с разным соотношением уровней самооценки (СО) и притязаний (УП)

IQ	СО	Соотношение СО и УП	Успеваемость (средний балл)
Высокий	Высокая	СО=УП (3 чел.)	4.8
	Средняя	СО=УП (5 чел.)	4.3
		СО<УП (3 чел.)	4.6
	Низкая	СО<УП (2 чел.)	4.1
Средний	Высокая	СО=УП (1 чел.)	4.3
		СО>УП (3 чел.)	4.4
	Средняя	СО=УП (6 чел.)	3.8
СО<УП (1 чел.)		4.0	
	Низкая	СО<УП (3 чел.)	3.3

Полученные данные свидетельствуют о том, что примерно у половины школьников (12 из 27) имеет место рассогласование уровней самооценки и притязаний, когда первая либо не достигает вторых, либо превосходит их. В подгруппе с высоким IQ и средней самооценкой из восьми человек, ее составляющих, трое используют целевой выбор, превышающий самооценку. Средний балл их успеваемости значимо выше, чем у остальных пяти (крит. Вилкоксона, $p < 0.05$). Та же картина некоторого подъема балла успеваемости при расхождении высотных параметров самооценки и притязаний в сравнении с их согласованностью фиксируется в подгруппе лицеистов со средним IQ и высокой оценкой себя, а также в подгруппе со средними IQ и самооценкой. К сожалению, эти варианты сопоставлений трудно проверять на статистическую достоверность из-за малочисленности одной из попарно соотносимых субвыборок. Можно лишь отметить, что характер успеваемости при «сверхпритязаниях» и «перестраховке» соответствует ранее описанному, исключая случаи низкая самооценка — средний УП.

Заключение

Подводя итог, необходимо выделить три следствия, вытекающие из анализа материала проведенного эксперимента: самооценка действительно обладает значительной прогностической валентностью, позволяющей по высоте оценки себя субъектами достоверно упорядочить баллы их академических достижений и антиципировать их; разрыв уровней самооценки и целевого выбора по типу гиперпритяз-

заний продуцирует рост успеваемости, который, однако, сопряжен с функциональными и эмоциональными перегрузками, что также можно заранее предвидеть, обратное разведение конструкторов чаще приводит к ухудшению учебных показателей, и последнее тоже предсказуемо; но вместе с тем очень важным в прогностике учения остается коэффициент интеллекта, ибо при его высоком индексе медиальный балл успеваемости колеблется в пределах 4.8—4.2, а при среднем IQ — в пределах 4.4—3.3 (см. табл. 3).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бернс Р.* Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986.
- Бороздина Л.В.* Теоретико-экспериментальное исследование самооценки: Дис. ... докт. психол. наук. М., 1999.
- Бороздина Л.В.* Исследование уровня притязаний. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2000.
- Бороздина Л.В.* «Триада риска» и состояние здоровья человека // Уч. зап. кафедры общей психологии МГУ. Вып. 2 / Под общ. ред. Б.С. Братуся, Е.Е. Соколовой. М., 2006. С. 359—367.
- Бороздина Л.В.* Уровень притязаний: классические и современные исследования. М., 2011.
- Бороздина Л.В., Видинска Л.* Притязания и самооценка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1986. № 3. С. 22—30.
- Бороздина Л.В., Залученова Е.А.* Увеличение индекса тревожности при расхождении уровней самооценки и притязаний // Вопр. психологии. 1993. № 1. С. 104—113.
- Бороздина Л.В., Кубанцева С.Р.* Коэффициенты интеллекта и невербальной креативности при совпадении и расхождении высоты самооценки и притязаний: Учеб. пособие. М., 2008.
- Бороздина Л.В., Пукинска О.В.* Манифестация «триады риска» в онтогенезе и социальный интеллект // Мат-лы 6-й Междунар. конф. «Психолого-педагогические проблемы одаренности: теория и практика» (Иркутск, 11—13 сентября 2009 г.). С. 248—257.
- Бороздина Л.В., Пукинска О.В.* Характеристики интеллекта в связи с «триадой риска» // Вопр. психологии. 2011. № 4. С. 3—12.
- Бороздина Л.В., Рощина Е.С.* Влияние уровня самооценки на продуктивность деятельности // Новые исследования в психологии. 1987. № 2. С. 17—28.
- Практикум по психодиагностике: Конкретные психодиагностические методики / Под ред. А.Н. Зелichenko и др. М., 1989. § 4.3. Прогрессивные матрицы Равена.
- Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В.* Русская версия шкалы общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностр. психология. 1996. № 7. С. 24—40.
- Bandura A.* Self-efficacy: Toward an unifying theory of behavioral change // Psychol. Rev. 1977. N 2. P. 191—215.
- Branden N.* The psychology of self-esteem. Los Angeles, 1969.
- Hollinger C.L., Fleming E.S.* A longitudinal examination of life choices of gifted and talented young women // Gifted Child Quart. 1992. N 4. P. 17—28.

Поступила в редакцию
18.11.11

С. И. Симоненко

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ СПОСОБНОСТЯМИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ ЛИДЕРСКОГО ПОВЕДЕНИЯ МЕНЕДЖЕРА

В статье приводятся результаты исследования, основанного на оценке 211 топ-менеджеров ряда крупнейших российских компаний с помощью тестов интеллектуальных способностей и «центров оценки». Описывается характер взаимосвязи уровня интеллекта и эффективности (успешности) лидерского поведения. Обсуждается прогностический потенциал тестов интеллектуальных способностей при отборе кандидатов на позиции топ-менеджеров.

Ключевые слова: уровень интеллекта, лидерство, эффективность (успешность) менеджера, модели компетенций, тесты интеллектуальных способностей, «центры оценки».

This article outlines results of a research based on the assessment of 211 top-managers of several large Russian companies by the ability tests and Assessment Centers. Author describes specific character of a relationship of intellectual level and leadership effectiveness. Also, predictive potential of ability tests as personnel selection method for managerial positions is discussed.

Key words: intellectual level, leadership, manager's effectiveness (success), models of competencies, intellectual ability tests, assessment centers.

На протяжении последних 40 лет вопрос о том, какие качества наиболее значимы для эффективного (успешного) менеджера (руководителя), неоднократно поднимался в научной литературе (Кетс де Врис, 2004; Парыгин, 1973; Тихомиров, Спэнглер, 2005; Bennis, 1989; Blake, Mouton, 1964; Boyatzis, 1982; Fiedler, Garcia, 1987). В исследованиях, проведенных как независимыми авторами, так и крупными международными консалтинговыми компаниями, предлагались различные списки ключевых личностных характеристик или компетенций (Den Hartog et al., 1999; Dulewicz et al., 2005; Handy, 1985; Stogdill, 1974). В большинстве этих списков содержатся характеристики, связанные с интеллектуальными способностями — умом, интеллектом или аналитическими навыками. После выхода в свет работ о трансформационном лидерстве и эмоциональном интеллекте влияние интеллектуальных способностей на эффективность менеджера было поставлено под сомнение (Bass, Avolio, 1994;

Симоненко Светлана Игоревна — канд. психол. наук, доцент кафедры рекламы Государственного университета управления (Москва). *E-mail:* simonenko@detech-group.com

Blanchard, Hodges, 2003; Goleman, 1995; Goleman et al., 2002). Однако следует признать, что до сих пор мы не имеем веских аргументов ни за, ни против вклада интеллекта в успешность менеджера в силу недостатка экспериментальных данных. Этот вывод обусловил проведение нами собственного исследования, направленного на проверку гипотезы о существовании взаимосвязи между интеллектуальными способностями и эффективностью менеджера.

Теоретическую основу нашего исследования составил подход, согласно которому нельзя стать эффективным руководителем, не будучи лидером (Кетс де Врис, 2004; Мескон и др., 1997). Иными словами, лидерство и успешное руководство рассматриваются нами как идентичные феномены. Эффективные руководители играют две основные роли — харизматическую и «архитектурную». Первая заключается в способности предвидеть будущее, мотивировать и воодушевлять сотрудников с опорой на это предвидение; вторая — в решении вопросов, связанных со структурой организации, планированием, системой контроля и поощрения подчиненных. Руководитель не может существовать только в одной из этих ипостасей, каждая из них имеет большое значение в ситуации управления.

Под эффективным руководством мы понимаем специфическое лидерское поведение менеджера, которое приводит к высоким эффективным результатам работы группы и позитивно оценивается окружающими (вышестоящими менеджерами, коллегами, подчиненным и пр.). Каждая компания, имеющая свои особенности организационной культуры, цели бизнеса и пути их достижения, будет требовать от менеджера определенного стиля лидерства, который может отличаться от стиля, желательного в другой компании.

Для установления того, какой же стиль руководства будет более эффективным, мы должны опереться на какую-либо типологию лидерства. Однако любая попытка сделать это приводит нас к выводу, что большинство лидерских стилей вне зависимости от конкретной теории полезны и весьма эффективны для управления лишь некоторыми типами подчиненных, или для достижения результата в определенных условиях бизнеса, или на каком-то этапе развития организации. При типологическом подходе мы упускаем индивидуальный образ организации и лишаемся возможности «тонких настроек» в перечне критериев эффективности, которые столь важны при найме новых сотрудников, продвижении и, безусловно, развитии и обучении персонала. Поэтому мы указываем на необходимость использования нетипологического подхода к описанию лидерского поведения, который позволит варьировать критерии эффективности в зависимости от особенностей организации.

На сегодняшний день наиболее точным признается метод описания лидерского поведения через так называемую модель компетенций, т.е.

набор компетенций, которые, будучи проявленными на достаточном уровне, определяют эффективность (успех) руководителя в достижении поставленных целей в рамках той или иной организационной культуры (Симоненко, Хренов, 2010). Такая модель не может быть составлена раз и навсегда, так как на эффективность лидерского поведения влияет социальная ситуация на трех уровнях — макро, мезо и микро. Микроситуации — это ситуации взаимодействия, которые наиболее широко описаны в научной социально-психологической литературе; мезоситуации — это организационная культура, которая создает контекст для микроситуаций и проявляется в их совокупности; макроситуации — это влияние таких факторов, как политика, экономика, экология, и других глобальных составляющих жизни человека как в рамках одной страны, так и в масштабах международного сообщества (Симоненко, 2010). Непрерывное изменение социальной ситуации на всех трех уровнях объясняет исправления, периодически вносимые авторами в модели лидерства (Alimo-Metcalfe, 2006; Alimo-Metcalfe, Alban-Metcalfe, 2005).

Модель эффективного лидерства должна иметь трехкомпонентную структуру: универсальные компетенции (не зависящие от изменений социальной ситуации), вариативные компетенции (зависящие от мезоситуации) и динамические компетенции (зависящие от макроситуации). Зная цель, которая поставлена перед лидером и его последователями, и проанализировав условия социальной ситуации на всех уровнях, мы можем составить перечень компетенций, которыми должен обладать руководитель, т.е. описать поведение, которое он должен демонстрировать, чтобы добиться успеха. Описанный подход получил название «динамической концепции лидерства» и лег в основу оценки эффективности менеджера, проводимой в данном исследовании.

Цель данного исследования состояла в фактическом подтверждении влияния уровня интеллекта на успешность лидерского поведения и выявлении характера этого влияния. Задачи исследования: 1. Определить интеллектуальный уровень участников исследования при помощи тестов способностей. 2. Определить уровень развития компетенций участников исследования при помощи «центров оценки». 3. Оценить эффективность руководителей посредством сравнения их профилей компетенций с разработанной моделью эффективного лидера. 4. Провести статистический анализ с целью выявления связи между уровнем интеллектуальных способностей и эффективностью руководителя.

Выборка. В исследовании участвовали 211 топ-менеджеров (32 женщины и 179 мужчин в возрасте 27—62 лет) трех крупных российских компаний из таких разных секторов бизнеса, как нефтехимическая промышленность, металлургия и горнодобывающая отрасль, розничная торговля.

Методика и процедура исследования

Интеллектуальные способности респондентов выявлялись с помощью тестов «Анализ числовой информации» и «Анализ вербальной информации», предоставленных российской компанией ONTARGET, которая специализируется на разработке и адаптации зарубежных психометрических методик оценки персонала. Эти тесты предназначены для оценки кандидатов на позиции топ-менеджеров, а также менеджеров и специалистов, участвующих в выработке стратегических решений. При создании данных тестов был проведен анализ многочисленных описаний работы и функциональных обязанностей менеджеров российских и мультинациональных компаний. В зависимости от профиля организации и функционала конкретных позиций от сотрудников могут требоваться различные способности, знания и навыки. Однако практически все позиции предполагают, что руководитель будет работать с информацией, представленной в виде текста и чисел. Это могут быть служебные записки, приказы, статьи в прессе, информация из Интернета, прайс-листы, аналитические заметки, годовые отчеты и т.п. Именно такие материалы были положены в основу тестов. Тест «Анализ числовой информации» (19 вопросов, время тестирования 24 мин.) направлен на оценку способности кандидата работать с информацией, представленной в виде таблиц, графиков и диаграмм, анализировать ее и делать правильные выводы. Тест «Анализ вербальной информации» (32 вопроса, время тестирования 22 мин.) направлен на оценку способности кандидата анализировать текстовую информацию и делать выводы на основе прочитанного.

Эффективность лидерского поведения менеджера оценивалась по *моделям эффективного лидера* (МЭЛ), уникальным для каждой компании. Для составления этих моделей в каждой организации проводился анализ работы руководителя высшего уровня, выявлялись стратегические задачи компании, способы их решения и необходимые действия менеджеров, а также изучались социальные, экологические, экономические и политические факторы внешней среды. В каждой МЭЛ было по 6 компетенций, например: 1) нацеленность на результат; 2) взаимодействие с другими; 3) ответственность; 4) управление людьми; 5) готовность к изменениям; 6) стратегическое видение.

Для оценки данных компетенций менеджеры участвовали в «центрах оценки» (ЦО). ЦО — это структурированная процедура наблюдения за людьми в ситуациях, максимально приближенных к рабочим. Цель данной процедуры — объективно оценить компетенции участника. В ходе ЦО группа участников выполняет разнообразные упражнения под наблюдением команды экспертов, которые оценивают каждого участника по набору заранее определенных, непосредственно связанных с работой образцов поведения (компетенций). При этом заведомо

известно, как следует правильно поступить в ситуациях, моделируемых упражнениями, и что является ошибкой. Каждый эксперт выставляет оценки по компетенциям по итогам каждого упражнения согласно матрице оценки (табл. 1). Окончательное решение о том, насколько результаты участников соответствуют заранее определенным компетенциям, принимаются в ходе сведения результатов (интегральной сессии) путем анализа всех полученных данных. Эксперты приходят на интегральную сессию с заполненными протоколами, где подробно описано, за что поставлена та или иная оценка по каждой компетенции в конкретном упражнении. Ведущий эксперт интегральной сессии фиксирует в единой таблице подкрепленные фактами поведения участника оценки каждого из экспертов. Любой участник интегральной сессии может задать вопрос с требованием привести дополнительные факты в пользу той или иной оценки. Только после того, как все приходят к единому мнению, выставляется финальная оценка по обсуждаемой компетенции. Подобная процедура вынесения оценок — залог максимально объективных суждений относительно уровня развития компетенций участников (Simonenko, 2011).

Таблица 1

Матрица оценки компетенций

Компетенции	Упражнения					Интервью по компетенциям
	Групповая дискуссия	Беседа с подчиненным	Беседа с клиентом	Анализ бизнес-ситуации	Сбор информации	
Нацеленность на результат	***	*	***	*	***	***
Взаимодействие с другими	***	***	***	0	0	***
Ответственность	0	*	***	*	***	***
Управление людьми	***	***	0	0	0	***
Готовность к изменениям	*	*	*	*	***	***
Стратегическое видение	*	***	*	***	***	***

Условные обозначения: *** — компетенция оценивается как основная; * — компетенция оценивается как дополнительная; 0 — компетенция не оценивается.

Упражнения для ЦО, проводимых в рамках нашего исследования, подбирались так, чтобы каждая компетенция могла быть оценена как минимум двумя разными способами. В каждой компании использовался свой набор из 4—5 упражнений, так как модели компетенций в каждой компании были разные. По содержанию упражнения были следующие: проведение групповой дискуссии, имитация беседы с подчиненным, имитация беседы с клиентом, проведение анализа бизнес-ситуации на основе представленной информации и принятие решения, сбор информации по проблеме и принятие решения в условиях ограниченного времени. В некоторых ЦО дополнительно использовалось интервью по компетенциям (особый вид структурированного интервью, направленного на определение уровня развития компетенций респондента на основании его предыдущего опыта). Уровень развития каждой компетенции оценивался по 5-балльной шкале: 1 балл — низкое развитие компетенции: позитивных индикаторов в демонстрируемом поведении крайне мало или они отсутствуют. 2 балла — недостаточное развитие компетенции: в демонстрируемом поведении не наблюдается большинства позитивных индикаторов; продемонстрировано больше негативных индикаторов, чем позитивных. 3 балла — достаточное развитие компетенции: сочетаются поведенческие проявления, соответствующие отдельным позитивным и негативным индикаторам. 4 балла — хорошее развитие компетенции: поведенческие проявления соответствуют больше чем половине необходимых позитивных индикаторов. 5 баллов — превосходное развитие компетенции: поведенческие проявления соответствуют всем необходимым позитивным индикаторам.

В проекте участвовали эксперты, имеющие опыт проведения ЦО не менее 3 лет, сертифицированные по стандарту британской компании *A&DC* в соответствии с рекомендациями Британского психологического сообщества (*BPS*).

Результаты

Мы получили следующие данные: 1) индивидуальные оценки менеджеров по каждой компетенции, полученные в ходе ЦО, выраженные в баллах от 1 до 5; 2) результаты по двум тестам интеллектуальных способностей (ИС), выраженные в Т-баллах (стандартная шкала, применяемая в психометрике) от 20 до 80. Статистический анализ корреляций (по Пирсону) выявил устойчивую, но слабую связь между результатами тестов и суммарными оценками по компетенциям ($r=0.2$; $n=211$; $p\leq 0.01$). Это говорит о том, что само по себе наличие у менеджера высоких ИС не может свидетельствовать о его эффективности как лидера. Кроме того, суммарный Т-балл по двум тестам варьировался от 133 (высокий уровень ИС) до 64 (довольно низкий уровень).

Получив результаты, свидетельствующие о наличии связи между ИС менеджера и его успешностью как лидера, мы задались вопросом

о характере этой связи. Весь предыдущий исследовательский опыт и здравый смысл подсказывают нам, что высокий интеллект далеко не всегда является определяющим для успешности человека как лидера. Кроме того, даже если такая зависимость и присутствует, было бы крайне важно определить необходимый и достаточный уровень ИС, который мог бы стать индикатором для прогнозирования будущей успешности лидера. Этот вопрос встает перед нами особенно остро, когда мы пытаемся решить проблему определения лидерского потенциала человека.

Таблица 2

Распределение менеджеров по группам на основе результатов тестов интеллектуальных способностей (ИС)

№ группы	Уровень ИС	Сумма Т-баллов	Количество человек
1	Высокий	120—133	22
2	Выше среднего	106—119	45
3	Средний	91—105	59
4	Ниже среднего	78—91	57
5	Низкий	64—77	28

Итак, для вычленения того, какой вклад вносят ИС в эффективность лидера, мы разделили тестовые результаты всех респондентов на 5 групп (табл. 2). Для проверки предположения о том, что обладание высоким уровнем ИС критически важно для менеджера, мы объединили группы по результатам в два кластера. Первый кластер включает в себя группы 5, 4, 3 (низкая—средняя группа). Второй кластер включает группы 3, 2, 1 (средняя—высокая группа). Статистическое подтверждение нашего предположения заключалось бы в следующем: связь между результатами тестов и оценкой компетенций будет ослабевать в низкой—средней группе. Однако при исключении из расчетов двух верхних групп по результатам тестов, вопреки нашим ожиданиям, коэффициент корреляции повысился до 0.310 при сохранении уровня значимости 0.01 ($r=0.310$; $n=144$; $p\leq 0.01$). Такая динамика изменения корреляций свидетельствует о том, что высокий уровень ИС не является определяющим для успешности менеджера. Повторив ту же процедуру расчетов в средней—высокой группе, мы не получили корреляции: $r=0.056$; $n=126$; $p\leq 0.5$. Таким образом, мы видим, что связь интеллекта и оценки компетенций усиливается, когда мы рассматриваем группы со средними и низкими результатами по тестам способностей, и исчезает, когда мы рассматриваем группы со средними и высокими результатами.

Обсуждение

Полученные данные позволяют прийти к заключению, что взаимосвязь интеллекта менеджера и его эффективности как лидера явно существует. Однако она носит нелинейный характер и указывает на то, что низкие ИС негативно влияют на эффективность лидерского поведения менеджера. Причем это влияние настолько значимо, что мы можем рассматривать результаты тестов ИС как индикатор наличия лидерского потенциала и строить прогнозы относительно успешности того или иного индивида как лидера. Вместе с тем высокий уровень развития ИС не оказывает влияния на повышение эффективности лидера и не увеличивает его шансы на большую успешность по сравнению с менеджерами, имеющими средний уровень интеллекта.

Следовательно, мы вправе утверждать, что интеллект вносит существенный вклад в эффективность лидерства и может быть признан универсальным качеством, необходимым руководителю. При этом уровень интеллекта, необходимый для лидера, должен быть не ниже среднего значения, которое с точки зрения статистики определяется в стандартных баллах промежутком от 40 до 60 Т-баллов или от 16 до 84 перцентилей (%о, приводятся с округлением). Однако для лучшей дифференциации результаты тестов способностей распределяются по группам таким образом: 1. Низкий: ниже 40 Т-баллов (0—16%о); 2. Ниже среднего: 40—45 Т-баллов (16 — 30%о); 3. Средний: 45—55 Т-баллов (31—70%о); 4. Выше среднего: 55—60 Т-баллов (71—84%о); 5. Высокий: выше 60 Т-баллов (84—99%о).

Таким образом, группа средних значений в нашем исследовании представлена более узким промежутком от 45 до 55 Т-баллов (31—70%о) по сравнению с общестатистическим нормативом (40—60 Т-баллов). Общестатистический норматив ниже среднего (от 30 до 40 Т-балла) соотносится с экспериментальной группой «низкие баллы», а результаты экспериментальной группы «ниже среднего» соотносятся со «средними» баллами по стандартным нормам статистики. Аналогичным образом распределяются группы баллов «выше среднего» (55—60 Т-баллов, 71—84%о) и «высокие» (выше 60 Т-баллов, 84—99%о).

Говоря об уровне интеллекта, мы обязаны учесть тот факт, что результаты тестов ИС, выраженные в Т-баллах, носят не абсолютный, а, скорее, относительный характер. Дело в том, что при переводе сырых баллов (количества правильно решенных задач) в стандартную шкалу мы сравниваем результаты конкретных менеджеров с показателями нормативной группы, т.е. с результатами других менеджеров, выполнивших данные тесты ранее. Нормативная группа схожа с нашими респондентами по ключевым признакам (пол, возраст, профессия, стаж работы и т.п.). Таким образом, мы сравнивали уровень ИС наших респондентов с уровнем ИС топ-менеджеров в других компаниях, работающих в России.

Очевидно, что феномен лидерства гораздо шире, чем определенный управленческий уровень в организационной иерархии, и далеко не все успешные лидеры способны получить средние и высокие результаты по тестам для старших менеджеров. Было бы неверно утверждать, что мы можем использовать единую универсальную шкалу для оценки интеллекта людей, занимающих разные позиции в организации, имеющих разное образование, принадлежащих к разным профессиям и, возможно, имеющих разный социальный статус. Уровень ИС может использоваться как индикатор для прогнозирования лидерского потенциала человека только в том случае, если соблюдены следующие условия: 1) оцениваемые способности значимы для выполнения той деятельности, в которой индивид реализует себя как лидер; 2) их уровень определяется в сравнении с уровнем этих способностей у тех людей, которые окружают данного человека и могут быть его последователями (Симоненко, 2011).

* * *

Проведенное нами исследование позволило прийти к следующему **выводу**: низкий уровень ИС может существенно снизить вероятность успешности менеджера; высокий уровень ИС не обязательно является конкурентным преимуществом по отношению к интеллектуальному уровню выше среднего при составлении прогноза успешности менеджера. Практическая польза данных результатов состоит в важности применения тестов ИС при оценке потенциальных и действующих менеджеров. Результаты этих тестов помогут с высокой вероятностью прогнозировать эффективность менеджеров не только при найме на работу, но и при обучении и продвижении сотрудников на руководящие позиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кетс де Врис М. Мистика лидерства. Развитие эмоционального интеллекта / Пер. с англ. М., 2004.

Кричевский Р.Л. Психология лидерства. М., 2007.

Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента / Пер. с англ. Общ. ред. и вступ. статья Л.И. Евенко. М., 1997.

Парыгин Б.Д. Руководство и лидерство // Руководство и лидерство / Под ред. Б.Д. Парыгина. Л., 1973. С. 5—13.

Симоненко С.И. Влияние макросоциальной ситуации на успешность лидера. 2010. URL: <http://www.detech-group.com/vliyanie-makrosocialnoy-situacii-na-uspeshnost-lidera>

Симоненко С.И. Вклад интеллектуальных способностей в успешность менеджера: взаимосвязь результатов тестов способностей и центров оценки // Тезисы конф. «Организационная психология: люди и риски»: Сб. материалов II российско-американской науч. конф. (г. Саратов, 13—14 мая 2011 г.) / Под ред. Л.Н. Аксеновской. Саратов, 2011. С. 159—162.

Симоненко С., Хренов Д. Сказки и были о методах оценки персонала. М., 2010.

Тихомиров А.А., Спэнглер У.Д. Стили лидерства и успешность слияний: трансформационно-транзакционная концепция лидерства // Рос. журн. менеджмента. 2005. Т. 3. № 2. С. 71—98.

Alimo-Metcalfe B. From “charismatic” to “engaging” leadership: A new model and its impact // Paper presented to the 33rd Intern. Congress on Assessment Center Methods. London, September 26—28, 2006.

Alimo-Metcalfe B., Alban-Metcalfe J. Leadership: Time for a new direction? // Leadership. 2005. Vol. 1. N 1. P. 51—71.

Bass B.M., Avolio B.J. Improving organizational effectiveness through transformational leadership. Thousand Oaks, CA, 1994.

Bennis W. On becoming a leader. N.Y., 1989.

Blake R., Mouton J. The managerial grid: The key to leadership excellence. Houston, TX, 1964.

Blanchard K., Hodges P. The servant leader. Nashville, TN, 2003.

Boyatzis R. The competent manager: A model for effective performance. N.Y., 1982.

Den Hartog D., Konrad E., Koopman P. et al. National culture and leadership profiles in Europe: Some results from the GLOBE study // Eur. J. of Work and Organizat. Psychology. 1999. Vol. 8. Is. 4. P. 503—520.

Dulewicz C., Young M., Carden J. A study of similarities and differences between management and leadership: Implications for assessment centers // Presentation of research findings at the 33rd Intern. Congress on Assessment Center Methods. London, September 26—28, 2006.

Fiedler F.E., Garcia J.E. New approaches to leadership, cognitive resources and organizational performance. N.Y., 1987.

Goleman D. Emotional Intelligence: Why it can matter more than IQ. N.Y., 1995.

Goleman D., Boyatzis R., McKee A. The primal leadership: Realizing the power of emotional intelligence. Harvard Business School Press, 2002.

Handy C. Understanding organizations. L., 1985.

Simonenko S. The use of assessment and development centres in Russia // Assessment centres and global talent management / Ed. by N. Povah, G.C. Thornton. Surrey, UK, 2011. P. 429—439.

Stogdill R.M. Handbook of leadership: A survey of theory and research. N.Y., 1974.

Поступила в редакцию

28.11.11

Н. И. Зенцова, Н. В. Каклюгин

ДИНАМИКА СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ У ЛИЦ С ОПИЙНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ, УЧАСТВУЮЩИХ В РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ ПРОГРАММАХ РЕЛИГИОЗНОГО И НЕРЕЛИГИОЗНОГО ТИПА

В статье приводятся результаты исследования динамики смысложизненных ориентаций (СЖО) у лиц с опийной зависимостью, участвующих в реабилитационных программах религиозного и нерелигиозного типа. Выявлено, что качественно организованная стационарная духовно ориентированная реабилитационная программа (ДОРП) позволяет изменить СЖО наркозависимой личности в разделах общей осмысленности жизни, значимости цели и процесса в жизни, удовлетворения процессом, осмысленности прошлого, настоящего и будущего, а также результативности жизни в большей степени, чем программа нерелигиозных терапевтических сообществ. Отсутствие у участников ДОРП выраженной положительной динамики показателей по субшкалам «локус контроля—Я» и «локус контроля — жизнь» свидетельствует о необходимости подключения программ, направленных на развитие у наркозависимых самоконтроля и ответственности за проработку и реализацию жизненных целей и задач.

Ключевые слова: опийная наркомания, духовно ориентированные реабилитационные программы (ДОРП), экзистенциальная психотерапия, смысложизненные ориентации.

The paper presents the results of studying the dynamics of life meaning orientations in individuals with opioid dependence involved in the rehabilitation programs of religious and secular type. The study revealed that the process of qualitatively organized inpatient spiritually oriented rehabilitation program (SORP) allows you to change the individual drug addicts in the general sections of the meaningfulness of life, purpose and significance in the process of living, meeting process, the meaningfulness of the past, present and future, as well as the impact of life to a greater extent than would be possible to make a non-religious therapy communities. In the SORP the dynamics of subscales “locus of control — I” and “locus of control — the life” are poorly expressed, in some cases negative, indicating a need to connect the programs aimed at developing participants rehabilitants rehabilitation programs and degree levels of self-responsibility for the study and solution of life’s goals and objectives.

Key words: opium addiction, spiritually oriented rehabilitation programs (SORP), existential psychotherapy, life meaning orientations.

Зенцова Наталья Игоревна — канд. психол. наук, рук. отделения психотерапии, психологической коррекции и ресоциализации отдела реабилитации ФГБУ «Национальный научный центр наркологии» Минздрава России (г. Москва). *E-mail:* nataliezentsova@mail.ru

Каклюгин Николай Владимирович — психиатр-нарколог, сотр. научно-методического отдела Душепопечительского православного центра святого праведного Иоанна Кронштадтского (г. Москва). *E-mail:* psihodocotr@narod.ru

По данным наркологической службы РФ, за период с 2004 по 2010 г. количество больных наркоманией и лиц, употребляющих наркотические средства и психотропные вещества, возросло в нашей стране с 500 508 до 547 081 человека (на 9.3%); из них потребителей инъекционных наркотиков — с 369 649 до 393 534 человек (Кошкина, 2011). Каждый потребитель наркотиков ежегодно вовлекает в их потребление от 10 до 20 человек (Дмитриева, 2006). Медико-социальная реабилитация больных опийной наркоманией (Дудко и др., 2006), направленная на восстановление их физического, психического и духовного здоровья, личностного и социального статуса, ведется как в медицинских стационарах, так и в центрах, созданных под эгидой традиционных для России религиозных организаций, в первую очередь Русской православной церкви (РПЦ) (Дмитриева, Игонин, 2006).

В условиях **нерелигиозной реабилитационной программы**, функционирующей на принципах терапевтического сообщества, развитие личности происходит в соответствии с нормативными правилами регламентированного личностного роста в рамках специальным образом структурированной иерархии участников того или иного этапа реабилитационного процесса. На каждом этапе ставятся определенные цели и задачи, преодолевая которые человек допускается к переходу на следующий этап (Валентик и др., 2001; Каклюгин, 2008). Базовыми ценностями, заложенными в такую программу, являются честность, ответственность, делание добра другим. В большинстве случаев задачей процесса оздоровления в рамках этих моделей является реабилитация и восстановление физического и психического состояния до того уровня, с которого зависимый человек будет способен восстановить связи с обществом через изменение своего жизненного стиля. Этот процесс не предполагает навязывания новой идентичности, но восстанавливает позитивные базовые ценности участников и приводит их к трансформации в процессе жизненного опыта с последующим постепенным обратным вхождением в социум — ресоциализацией. Развивающие методы направляются на мобилизацию ресурсов и развитие личности пациента, т.е. адресуются к нормативно-компенсаторным личностным процессам. Они характеризуются недирективным, партнерским стилем общения, апелляцией к диалогу, разуму, пониманию, критическому анализу, максимальным использованием эффектов группового и межличностного взаимодействия. Пациент рассматривается как субъект позитивных перемен, цель которых — рост личности в индивидуальном и социальном плане (Валентик и др., 2002).

По некоторым данным, количество лиц, прошедших реабилитацию по программам центров социальной реабилитации при РПЦ и прекративших потребление наркотиков, более чем в 10 раз превышает соответствующие показатели наркологических стационаров (Бельков, 2010; Берестов, 2009). Однако специфические особенности этих программ пока не исследованы.

Рассмотрим **основные принципы реализации духовно ориентированных реабилитационных программ (ДОРП) для наркозависимых лиц.** Экзистенциальная психотерапия, или терапия смыслом жизни (логотерапия, по В. Франклу), применяемая в ДОРП, исходит из положения о том, что терапия может быть причиной личностного изменения лишь постольку, поскольку она приводит пациента к принятию нового способа поведения (Дмитриева и др., 2004; Франкл, 1990). При анализе экзистенциальных проблем упор делается на то, что «существование не может быть отложено», «удовлетворенность жизнью обратно пропорциональна страху смерти» (Ялом, 2000, с. 94).

Как известно, ценностно-смысловая сфера личности складывается в процессе социализации в результате сопоставления собственных потребностей, мотивов, интересов, убеждений человека с общественными требованиями, нормами, идеалами. По мнению ряда отечественных исследователей, содержание ценностно-смысловой сферы, определяет центральную позицию личности, оказывает влияние на направленность и содержание социальной активности, общий подход к окружающему миру и самому себе, придает смысл и направление деятельности человека, определяет его поведение и поступки (Абульханова-Славская, 1981; Леонтьев, 1997; Серый, Яницкий, 1999).

В. Франкл (2011) и К. Ясперс (1996) выделили и описали ноогенные экзистенциальные депрессии и неврозы, возникающие в результате формирования «духовного вакуума» с переживанием смыслоутраты, которое развивается вследствие неудовлетворения потребности в понимании, признании, уважении. К. Юнг (Yung, 1966) пришел к заключению, что утрата смысла жизни играет критическую роль в развитии многих неврозов. В. Франкл (2011) считает, что предпринимаемая в процессе экзистенциальной психотерапии проработка проблемы смысла и бессмысленности существования направлена на разрешение одного из наиболее значимых и сущностных кризисов наркозависимого — экзистенциального кризиса. По данным В. Франкла (1990), около 20% неврозов возникает в результате потери смысла жизни. В этих случаях неврозу предшествует духовный кризис с состоянием фрустрации, нарастающим эмоциональным напряжением и накоплением отрицательных эмоций. Затем наступает расстройство адаптации личности с развитием депрессивных и тревожно-депрессивных реакций. Логотерапия В. Франкла направлена на формирование новых личностных смыслов взамен утраченных. На потребность личности в упорядоченности ценностно-смысловой сферы указывали и другие авторы (Бассин и др., 1979; Ялом, 2000).

Опираясь на работы В. Франкла (1990, 2011), можно утверждать, что наиболее частым мотивом включения наркотика в систему ценностей человека и становления наркотического поведения является ощущение бессмысленности существования, образование экзистенциального вакуума. Это состояние и формирует аддиктивный тип девиантного

поведения, так как именно при нем отмечается стремление уйти от реального осмысления собственной жизни и ответственности за нее путем искусственного изменения своего психического состояния (Самыкина, Серебрякова, 2007).

Центральная особенность личностного смысла — его производность от места человека в системе общественных отношений и от его социальной позиции (Хекхаузен, 2003). Стремление к смыслу выступает одной из важнейших потребностей человека, удовлетворение которой определяется способностью взять на себя ответственность, верой в собственную способность осуществлять контроль над своей судьбой. Ключевым показателем наличия личностного смысла является осмысленность жизни, которая определяется как осмысленность прошлого, настоящего и будущего, наличие цели в жизни, переживание индивидом значимости жизни (там же). Таким образом, осмысленность жизни характеризует личность как субъекта творческой активности, направленной на самосовершенствование и изменение реальности. В отечественной психологии личностный смысл принято определять как «индивидуализированное отражение действительного отношения личности к тем объектам, ради которых разворачивается ее деятельность, осознаваемое как “значение-для-меня” усваиваемых субъектом безличных знаний о мире, включающих понятия, умения, действия и поступки, совершаемые людьми, социальные роли, ценности и идеалы» (Леонтьев, 1975, с. 192). Личностные смыслы создают и выражают субъективное, эмоциональное отношение человека к миру, определяют его ценности, мнения, суждения. «Совокупность основных отношений к миру, людям и себе образует в своем единстве свойственную человеку нравственную позицию. Такая позиция особенно прочна, когда она осознанна. Причем чем выше в системе находится смысловое образование, тем сложнее идет работа по его осознанию, поскольку все шире и неопределеннее становится область смыслопорождающей действительности, все сложнее и опосредованнее становятся связи и отношения внутри личности. Осознанные смысловые образования, носящие предельно общий характер, называются личностными ценностями. Исповедание этих ценностей закрепляет единство и самоидентификацию личности в значимых отрезках жизни, надолго определяя моральный и нравственный дух личности» (Братусь, 1988, с. 126). Процесс осознания личностных смыслов и их последующего исповедания труден и нередко происходит болезненно для личности на начальном этапе приобщения к православной религиозной традиции, однако именно он является наиболее важным в процессе реализации ДОРП.

Как известно, высшим уровнем смысловой сферы личности является духовный. Он выражает главные смыслы человеческой жизни, ее цели, идеалы, мировоззрение (Братусь, 1999). Формирование духовной сферы личности в значительной мере представляет собой развитие

многоуровневой системы личностных смыслов в процессе воспитания и социализации человека. Именно на эту систему и воздействуют программы социальной реабилитации наркозависимых лиц, используемые в стационарных реабилитационных учреждениях, созданных под эгидой РПЦ. И именно трансформацию их личностных смыслов целесообразно изучать через призму динамики ценностно-смысловой ориентации и мотивационной тенденции к поиску смысла жизни.

Задачи нашего исследования состояли в следующем: 1) выявить и сравнить динамику смысложизненных ориентаций у лиц с опийной зависимостью, участвующих в ДОРП и в программах социальной реабилитации нерелигиозного характера; 2) оценить эффективность тех и других программ на основании динамики смысложизненных ориентаций в процессе реабилитации.

Методика. В исследовании использовался тест смысложизненных ориентаций (СЖО) (Леонтьев, 1992). Тест включает 20 пар утверждений, отражающих альтернативные варианты отношения человека к жизни, а также 5 субшкал (цели в жизни, процесс жизни, результативность жизни, локус контроля — Я, локус контроля — жизнь) и общий показатель осмысленности жизни. Мы предположили, что динамика показателей по субшкалам СЖО позволит выявить особенности реабилитационного процесса в исследуемых группах и степень его влияния на ценностно-смысловую сферу наркозависимой личности.

Выборку составили участники реабилитационных программ в четырех субъектах РФ — 112 больных опийной наркоманией мужского пола в возрасте 17—54 лет, преимущественно с неполным средним и средним, а также с высшим образованием и стажем употребления наркотиков от 2 до 17 лет (средний стаж 9.16 года). Критерии включения участника в исследование: 1) наличие синдрома зависимости от наркотических веществ опийной группы (героин, раствор ацетилованного опия, извлекаемый из маковой соломы или семян условно-кондитерского мака, комбинированные кодеинсодержащие препараты, дезоморфин — наркотический раствор, извлекаемый из данной группы препаратов); 2) доступность реабилитанта катamnестическому наблюдению не менее чем в течение 1 года. Критерии исключения: 1) наличие хронических психических расстройств; 2) наличие клинически выраженного органического расстройства. К моменту вхождения в реабилитационную программу у 71 человека (63.4%) диагностировалась II стадия синдрома зависимости от наркотических веществ опийной группы, у 41 (36.6%) — III стадия.

Все обследованные были разделены на 3 группы.

Группа 1 (46 человек, 41%) — участники программы социальной реабилитации в православных общинах *динамического* типа¹, в которых

¹ Городская религиозная организация «Ставропольское Православное братство Святого Духа» Ставропольской и Невинномысской епархии РПЦ Московского Патриархата и Ростовская областная общественная организация «Ростов без наркотиков».

после 2—3 месяцев пребывания в программе участники начинают привлекать к антинаркотической профилактической работе с населением, учащимися общеобразовательных школ, средних специальных и высших учебных заведений с использованием практики так называемого «свидетельствования» (описания истории собственного освобождения от наркотической зависимости). Для данной программы характерно регулярное с интервалом в 3 месяца перемещение участников из одного реабилитационного центра в другой с целью формирования у них навыков социальной адаптации. Общая продолжительность периода реабилитации — 12 месяцев, постреабилитационный период — до 12 месяцев и более в составе волонтерского объединения. Программа раздельная — мужская и женская; осуществляется на добровольные пожертвования родственников. Средний возраст 30.62 года. В браке не состояли 81.7% из общего числа обследованных в данной группе. Не работали и не учились 51.5%. 36.7% было занято неквалифицированным трудом (разнорабочие). Стаж употребления наркотиков составил в среднем 9.77 года.

Группа 2 (37 человек; 33%) — участники программы социальной реабилитации в православных общинах *стационарного* типа², в которых все реабилитационные мероприятия проводятся на базе одного реабилитационного центра, выезды за пределы общины допускаются редко. После завершения основной реабилитационной программы (до 12 месяцев) ее участники проживают совместно в условиях социальной гостиницы (до 6 месяцев), трудоустраиваются либо становятся руководителями, помощниками руководителей структурных подразделений организации. Программа социальной реабилитации раздельная — мужская и женская; осуществляется на добровольные пожертвования родственников. Средний возраст 30.77 года. 82.35% не состояли в браке. 64.7% не имели постоянного места работы и не обучались ни в каких учебных заведениях. Стаж употребления наркотиков в группе 2 — 9.83 года.

Группа 3 (29 человек; 25.89%) — участники реабилитационной программы нерелигиозных терапевтических сообществ для наркозависимых лиц³. Данные сообщества представляют собой общины с иерархической структурой, функционирующие согласно принципам больших и малых психотерапевтических групп. Программа социальной реабилитации совместная для мужчин и женщин; реализуется как платная услуга. Средний возраст 26.89 года. В браке не состояли 80%. 68.96% не работали и не учились. Стаж употребления наркотиков в группе 3 — 7.89 года.

² Сеть центров социальной реабилитации наркозависимых во имя преподобного Серафима Саровского Новосибирской и Бердской епархии РПЦ Московского Патриархата.

³ Калининградская региональная общественная организация «Центр ресоциализации наркозависимых» (пос. Лагерное, Неманский р-н) и Центр реабилитации и социальной адаптации наркозависимых «Орехово» (пос. Орехово, Красногвардейский р-н Калининградской обл.).

Результаты и обсуждение

Первое измерение СЖО проводилось на этапе вхождения участника в реабилитационную программу (до 1 месяца), второе — на завершающем этапе (через 10—14 месяцев). Данные второго измерения сравнивались с данными контрольной группы, представленной условно здоровыми лицами, не употребляющими наркотические вещества, — 30 студентами 2-го и 3-го курса факультета антропологии Московского государственного гуманитарного университета. Результаты двух замеров СЖО в трех группах наркозависимых представлены в табл. 1. Результаты контрольной группы — в табл. 2.

Таблица 1

Показатели по шкалам СЖО в трех группах наркозависимых, проходящих реабилитацию по разным программам. Приводятся результаты в начале (измерение 1) и в конце (измерение 2) программы

Шкалы СЖО	Измерение 1	Измерение 2	Динамика	Значимость различий
ГРУППА 1 (n=46)				
<i>Духовно ориентированная программа динамического типа</i>				
Общая осмысленность жизни	84.62	85.44	+0.82	нет
1. Цели в жизни	25.79	26.33	+0.54	нет
2. Процесс жизни	24.21	24.94	+0.73	нет
3. Результативность жизни	19.91	21.11	+1.20	нет
4. Локус контроля — Я	18.70	18.05	-0.65	нет
5. Локус контроля — жизнь	23.04	22.61	-0.43	нет
ГРУППА 2 (n=37)				
<i>Духовно ориентированная программа стационарного типа</i>				
Общая осмысленность жизни	79.82	91.7	+11.88	p<0.003
1. Цели в жизни	22.65	26.79	+4.14	p<0.041
2. Процесс жизни	24.77	26.57	+1.80	нет
3. Результативность жизни	18.47	21.36	+2.89	нет
4. Локус контроля — Я	16.35	18.21	+1.86	нет
5. Локус контроля — жизнь	23.47	24.79	+1.32	нет
ГРУППА 3 (n=29)				
<i>Программа нерелигиозных терапевтических сообществ</i>				
Общая осмысленность жизни	86.23	93.36	+7.13	p<0.028
1. Цели в жизни	26.23	28.55	+2.32	нет
2. Процесс жизни	26.60	26.73	+0.13	нет
3. Результативность жизни	20.46	22.73	+2.27	нет
4. Локус контроля — Я	19.76	20.09	+0.33	нет
5. Локус контроля — жизнь	24.38	27.90	+3.52	p<0.068

Примечание. Значимость различий оценивалась по критерию W Вилкоксона.

Показатели по шкалам СЖО в контрольной группе

Шкалы СЖО	Показатели контрольной группы
Общая осмысленность жизни	104.62
1. Цели в жизни	30.73
2. Процесс жизни	32.13
3. Результативность жизни	26.10
4. Локус контроля — Я	20.60
5. Локус контроля — жизнь	32.46

Первое измерение обнаружило наиболее низкие показатели СЖО в группе 2, особенно по «общей осмысленности жизни» и субшкале «цели в жизни». Участники группы 1 продемонстрировали наибольшее неверие в свои силы контролировать события собственной жизни, фатализм и убежденность в том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю, свобода выбора иллюзорна, и бессмысленно что-либо загадывать на будущее (низкие баллы по субшкалам «Локус контроля — Я» и «Локус контроля — жизнь»). У участников ДОРП в целом показатель по шкале «Локус контроля — Я» достоверно ниже, чем у участников программы нерелигиозных терапевтических сообществ (U Манна—Уитни, $p < 0.037$). У участников группы 3 обнаружены изначально более высокие показатели по всем субшкалам СЖО. Соответственно можно сделать вывод, что в ДОРП входят чаще лица, неспособные в полной мере обеспечивать контроль происходящих с ними событий, утратившие навыки социального функционирования в большей степени, чем участники программы в группе 3. Они склонны к планированию, к поиску смысла в будущем, но без приложения каких-либо усилий. Ожидают, что в далекой перспективе все проблемы разрешатся сами собой. Для них характерны неудовлетворенность прожитой частью жизни, низкая осмысленность своей жизни в настоящем, отсутствие целей в будущем и, следовательно, дискретное восприятие своей жизни в целом. Личностные смыслы индивида здесь лишены направленности и временной перспективы.

Во многом это связано с тем, что в ДОРП обращаются пациенты более социально дезадаптированные, чьи семьи не имеют достаточного материального статуса для оплаты высококачественных реабилитационных программ. Многие из них имеют стаж потребления наркотических средств более 10 лет, неоднократно (от 2 до 4 раз) судимы за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, кражи, грабежи. Участие в программах реабилитации по программе терапевтического сообщества в Центре ресоциализации наркозависимых и Центре реабилитации и социальной адаптации наркозависимых «Орехово» стоит намного дороже, чем участие в ДОРП. Поэтому в данные нерелигиозные программы были включены лица с

более высоким социальным статусом, в меньшей степени социально дезадаптированные, с меньшим стажем употребления наркотиков, с менее отягощенным криминалом прошлым и соответственно с более четко выраженной общей осмысленностью жизни.

Второе измерение СЖО продемонстрировало повышение уровня большинства показателей в сравнении с исходным уровнем, однако в сравнении с контрольной группой они остались на более низком уровне (см. табл. 1, 2).

В группе 1 динамика СЖО по всем параметрам выражена слабо. Наблюдается незначительная положительная динамика по общей осмысленности жизни, субшкалам «Цели в жизни» и «Результативность жизни». По субшкале «Процесс жизни» динамика выражена слабо. Зафиксирована незначительная отрицательная динамика по субшкалам «Локус контроля — Я» и «Локус контроля — жизнь», что свидетельствует об увеличении степени убежденности участников данной реабилитационной программы в том, что их жизнь неподвластна сознательному контролю. Таким образом, можно говорить о картине сохраняющегося смыслового/экзистенциального кризиса у лиц, проходящих реабилитацию в группе 1: наблюдается дефицит четких, осознанных целей, неудовлетворенность как своим прошлым, так и жизнью в настоящий момент.

В группе 2 статистически достоверно выявлена положительная динамика показателей «Общая осмысленность жизни» и «Цели в жизни». Динамика остальных показателей статистически недостоверна, однако заметно, что показатели группы 2 выросли в большей степени, чем показатели групп 1 и 3. Это может свидетельствовать о том, что в религиозных общинах стационарного типа процесс реабилитации организован более качественно.

У участников обеих ДОРП (группы 1 и 2) показатель по субшкале «Локус контроля — жизнь» достоверно ниже в сравнении с группой 3 ($p < 0.03$, U Манна—Уитни). Низкие баллы свидетельствуют о фатализме, убежденности в том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю. Данный результат связан с тем, что ДОРП обучают своих участников большому полаганию на промысел Божий при решении поставленных задач, чем на свои собственные силы. Состояния тотального смирения и покорности, терпения, участие в церковных таинствах создают эффект духовно-психологической защиты, играют протекторную (профилактическую) роль перед лицом психотравмирующих воздействий. Верующий человек воспринимает их по-другому, чем неверующий, не драматизирует их, считает, что на все воля Божия. С этой религиозной стратегией совладания с болезненными расстройствами верующего пациента, отличающейся от нерелигиозных техник развития навыков стрессоустойчивости, должны быть знакомы психологи, психиатры-наркологи и психотерапевты (Семенова, 1999).

Здесь следует отметить, что одной из основных задач реабилитационного процесса является изменение локуса контроля с внешнего на внутренний. Внешний локус контроля наркомана обнаруживается в процессе обращения за помощью в избавлении от зависимости. Он склонен искать способы терапии, ответственность за результативность которых целиком возлагает на врача, священника и психолога и не согласен принять на себя часть ответственности за излечение. При изменении локуса контроля на интернальный, внутренний в процессе реабилитации индивид принимает на себя ответственность за все события, происходящие с ним, что повышает вероятность сохранения его в ремиссии. Такого рода процессы, как показывает исследование, более выражены в группе 3 (динамика +3.52).

Выводы

1. Разные типы реабилитационных программ в разной степени оказывают влияние на ценностно-смысловую сферу наркозависимой личности: в *стационарной* ДОРП положительная динамика СЖО выражена в большей степени, чем в *динамичной*, более краткосрочной программе.

2. Процесс качественно организованной стационарной духовно ориентированной реабилитации позволяет изменить СЖО наркозависимой личности в разделах общей осмысленности жизни, значимости цели и процесса в жизни, удовлетворения процессом, осмысленности прошлого, настоящего и будущего, а также результативности жизни в большей степени, чем это возможно сделать в нерелигиозных терапевтических сообществах.

3. В ДОРП субшкалы теста СЖО «Локус контроля — Я» и «Локус контроля — жизнь» имеют слабо выраженную динамику, в ряде случаев отрицательную, что свидетельствует о необходимости подключения программ, направленных на развитие у участников реабилитационных программ уровня самоконтроля и степени ответственности за проработку и реализацию жизненных целей и задач.

4. Исследование СЖО в духовно ориентированных реабилитационных общинах свидетельствует о целесообразности изучения данного направления в дальнейшем и подключения дополнительных психодиагностических батарей, позволяющих более детально исследовать изменение ценностно-смысловой ориентации у наркозависимых в процессе реабилитации как одного из базовых критериев оценки качества реабилитационных услуг и программ постреабилитационной, противорецидивной психотерапии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абульханова-Славская К.А. Развитие личности в процессе жизнедеятельности // Психология формирования и развития личности / Под ред. Л.И. Анцыферовой. М., 1981. С. 19—45.

Бассин Ф.В., Рожнов В.Е., Рожнова М.А. Психическая травма (к современному пониманию ее природы и общих принципов ее психотерапии) // Руководство по психотерапии / Под ред. В.Е. Рожнова. 2-е изд., доп. и перераб. Ташкент, 1979. С. 24—43.

Бельков С. Духовно-ориентированная психотерапия патологических зависимостей (на основе эмпирического опыта православных реабилитационных центров Санкт-Петербургской епархии) // Наркология. 2010. № 11. С. 86—91.

Берестов А. Сравнительный анализ методик реабилитации алкоголь- и наркозависимых — православной и программы «12 шагов» // Наркология. 2009. № 5. С. 73—86.

Братусь Б.С. Аномалии личности. М., 1988.

Братусь Б.С. Смысловая вертикаль сознания личности // Вопр. философии. 1999. № 1. С. 81—89.

Валентик Ю.В., Вострокнутов Н.В., Герши А.А. и др. Модель реабилитационной помощи несовершеннолетним, злоупотребляющим психоактивными веществами. М., 2001.

Валентик Ю.В., Вострокнутов Н.В., Герши А.А. и др. Концептуальные основы реабилитации несовершеннолетних, злоупотребляющим психоактивными веществами // Наркология. 2002. № 1. С. 43—47.

Дмитриева Т.Б. Актуальные проблемы помощи наркологическим больным в России на этапе социальной стабилизации в стране // Наркология. 2006. № 3. С. 6—18.

Дмитриева Т.Б., Игонин А.Л. Современные возможности медицины в лечении лиц, страдающих наркологическими заболеваниями // Наркология. 2006. № 1. С. 56—60.

Дмитриева Т.Б., Игонин А.Л., Клименко Т.В. и др. Директивные методы психотерапии, применяемые при лечении больных с зависимостью от психоактивных веществ // Наркология. 2004. № 4. С. 34—37.

Дудко Т.Н., Райзман Е.М., Белокрылов И.В. и др. Реабилитация наркологических больных в условиях стационаров: Метод. рекомендации. М., 2006.

Каклюгин Н.В. Нерелигиозная методика коррекции зависимого поведения потребителей наркотиков в терапевтических сообществах «Монар» (Польша) и «Знаменка» (Калининградская область) // Наркология. 2008. № 11. С. 70—80.

Кошкина Е.А. Основные показатели деятельности наркологической службы в 2010 году. М., 2011.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М., 1992.

Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М., 1997.

Самыкина Н.Ю., Серебрякова М.Е. Динамика ценностно-смысловой сферы личности в процессе наркотизации. Самара, 2007.

Семенова А.Н. Дорога к храму — дорога к здоровью. СПб., 1999.

Серый А.В., Яницкий М.С. Ценностно-смысловая сфера личности. Кемерово, 1999.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

Франкл В. Страдания от бессмысленности жизни. Актуальная психотерапия. Новосибирск, 2011.

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. СПб., 2003.

Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М., 2000.

Ясперс К. Собр. соч. по психопатологии: В 2 т. СПб., 1996.

Yung C. Collected works: The practice of psychotherapy. N.Y., 1966.

Поступила в редакцию
10.02.12

Д. Д. Барабанов

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОЛЕВОЙ РЕГУЛЯЦИИ И МОТИВАЦИОННО- СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ У СТУДЕНТОВ РАЗНЫХ КУРСОВ

В статье представлены результаты сравнительного анализа особенностей волевой регуляции и мотивационно-смысловой сферы личности у студентов 1-го и 5-го курсов разных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова (n=443). По результатам применения комплекса методик обнаружены возрастные, гендерные и индивидуальные различия. Выявлена связь между показателями волевой регуляции и характеристиками мотивационно-смысловой сферы личности студентов.

Ключевые слова: волевая регуляция, мотивационно-смысловая сфера личности, волевые качества личности, самоконтроль, ориентация на действие, ориентация на состояние, студенческий возраст.

The article presents results of the comparative analysis of the features in volitional regulation and motivational-meaningful sphere of personality of students from 1st and 5th courses of different faculties Lomonosov Moscow State University (n=443). According to results of using techniques the age, gender and individual differences were established. The link between indicators of volitional regulation and characteristics of motivational-meaningful sphere of student's personality was established.

Key words: volitional regulation, motivational-meaningful sphere of personality, volitional traits of personality, self-control, action orientation, state orientation, student age.

Волевая регуляция (ВР) поведения человека остается актуальным предметом исследований психологов в России и за рубежом. В зарубежной психологии одной из наиболее разработанных теорий ВР является теория контроля за действием (*Action Control Theory*) Ю. Куля. Автор выделяет два типа ВР процесса реализации намерения в действии — самоконтроль и саморегуляцию. Склонность человек к самоконтролю определяется ориентацией на состояние (ОС-диспозиция), а к саморегуляции — ориентацией на действие (ОД-диспозиция) (Kuhl, 1996). По-

Барабанов Даниил Дмитриевич — аспирант кафедры психологии личности ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* fireshield@mail.ru

Работа выполнена под руководством докт. психол. наук В.А. Иванникова.

казано, что люди с ОС-диспозицией в целом менее успешно реализуют свои намерения в действии, так как они в большей степени подвержены интерферирующему влиянию со стороны конкурирующих намерений и негативного опыта. Люди с ОД-диспозицией более успешно реализуют свои намерения в действии, так как они способны дольше удерживать их в активном состоянии и защищать от конкурирующих тенденций. Они лучше усваивают новую информацию и быстрее трансформируют ее в навыки (Diefendorff et al., 2000).

В отечественной психологии изучению волевой сферы посвящены в основном эмпирические исследования волевой регуляции у детей, учащихся и спортсменов. Однако происходит развитие и теоретических исследований. Одной из наиболее разработанных теорий ВР в отечественной психологии является деятельностьно-смысловая концепция В.А. Иванникова. Опираясь на идеи Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева, В.А. Иванников разрабатывает представления о ВР как о намеренной регуляции побуждения к действию, сознательно принятому по необходимости (внешней или внутренней) и выполняемому человеком по своему решению. ВР в этом случае проявляется в волевых действиях, исходно обладающих дефицитом мотивационного побуждения. Механизм восполнения этого дефицита В.А. Иванников видит в изменении или создании дополнительного смысла действия. В таком случае действие выполняется не только ради мотива, который исходно существовал, но и ради определенных личностных ценностей или других мотивов. Таким образом, ВР трактуется как особый процесс, осуществляемый разными способами и с помощью определенных средств. Воля с этих позиций понимается как высшая психическая функция (ВПФ) — системная и опосредствованная по строению, социальная по происхождению и произвольная по способу функционирования (Иванников, 2006).

Особой проблемой в психологии ВР является построение классификации волевых качеств личности, что связано с трудностями выбора критерия такой классификации. Изучением волевых качеств личности занимались С.Л. Рубинштейн (2009), В.И. Селиванов (1974), А.Ц. Пуни (1969), П.А. Рудик (1976), В.К. Калинин (см.: Эмоционально-волевая регуляция..., 1983), Е.П. Ильин (2001). Большинство авторов к основным волевым качествам относят следующие: спокойствие, целеустремленность, терпеливость, дисциплинированность, инициативность, выдержку, обязательность, выносливость, принципиальность, упорство, смелость, энергичность, самостоятельность, ответственность, деловитость, решительность, настойчивость, организованность, уверенность в себе (Иванников, Эйдем, 1990).

Большое число работ в области психологии ВР было посвящено исследованию онтогенеза ВР. Важность изучения онтогенеза ВР

подчеркивал еще Л.С. Выготский (1982). Циклы исследований, посвященных развитию воли в раннем детстве, дошкольном, школьном и подростковом возрастах были выполнены Л.И. Божович (1997), В.К. Котырло (1971), Е.О. Смирновой (1990), Т.И. Шульгой (Шульга, 1994; Быков, Шульга, 1999). А.В. Быков (2003) подчеркивает, что ВР развивается во всех возрастах. Им были проведены исследования ВР в зрелом возрасте. В целом развитие ВР личности идет по траектории, включающей как периоды плавных изменений, так и напряженные переходные моменты особо интенсивных трансформаций.

Развитие ВР в студенческом возрасте на данный момент остается неизученным. Этот возраст находится на стыке периодов поздней юности и ранней зрелости, что говорит о его специфике и о специфике развития ВР в этот период. Как отмечают И.Ю. Кулагина и В.Н. Колюцкий (2009), для юности характерны три основных варианта жизненного пути — обучение в вузе, поиски работы и для юношей служба в армии. Г. Крайг (2000) утверждает, что для юности в наше время характерны возрастная сегрегация, длительная экономическая зависимость, нестабильность в мире и влияние средств массовой информации. По Э. Эриксону (1996), на стадии юности, продолжающейся примерно до 19 лет, проявляется особый кризис, представленный как альтернатива «эго-идентичность—диффузная идентичность». На следующем возрастном этапе ранней зрелости (молодости) перед человеком встают новые нормативные задачи, наиболее важными из которых являются вступление в брак и рождение детей, а также выбор профессионального пути (Психология..., 2002). Кроме того, во время обучения в вузе происходит освоение новой по форме и содержанию учебной деятельности. Если студенты младших курсов только начинают адаптироваться к учебной деятельности в вузе (а некоторые начинают освоение и трудовой деятельности), то студенты старших курсов уже заканчивают пребывание в этой системе и готовятся к дальнейшим изменениям в жизни (Гришанов, Цуркан, 1990).

На основе анализа вышеприведенной литературы можно выдвинуть предположение о том, что в студенческом возрасте ВР претерпевает ряд изменений как в ходе овладения вузовской формой обучения, так и в ходе перехода на новый возрастной этап развития.

Целью проведенного нами эмпирического исследования было выявление особенностей изменений ВР на разных этапах студенческого возраста.

В исследовании участвовали 443 студента обоих полов, учащиеся 1-х (225) и 5-х (218) курсов ряда факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова — социологического, химического, механико-математического, вычислительной математики и кибернетики (ВМиК) и психологии. Подробная информация о выборке представлена в табл. 1.

Информация о выборке исследования

Факультет	Курс	Пол		Ср. возраст	Всего по курсу
		М	Ж		
Социологический (n=86)	1	7	38	17.7	45
	5	2	39	20.8	41
Химический (n=84)	1	19	24	17.8	43
	5	13	28	20.9	41
Механико-математический (n=92)	1	25	22	17.2	47
	5	19	26	21.3	45
ВМиК (n=89)	1	33	14	17.5	47
	5	28	14	21.0	42
Психологии (n=92)	1	6	37	18.2	43
	5	7	42	21.6	49

Методика

Для комплексной диагностики особенностей ВР и мотивационно-смысловой сферы личности студентов использовались следующие методики.

1. «Формализованная модификация методики самооценки (СО) Дембо—Рубинштейн» (Иванников, Эйдман, 1990). Испытуемые оценивали себя по 20 предложенным качествам, давая оценки от 1 («совершенно не выражено») до 5 («максимально выражено»). Эти качества: ответственный, дисциплинированный, целеустремленный, принципиальный, обязательный, настойчивый, решительный, волевой, инициативный, выдержанный, самостоятельный, энергичный, терпеливый, упорный, смелый, спокойный, деловитый, уверенный, организованный, внимательный.

2. «Шкала контроля за действием при планировании» Ю. Куля (НАКЕМР-90) в адаптации С.А. Шапкина (1997). Опросник предназначен для диагностики индивидуальных особенностей ВР процессов реализации намерения в действии. Склонность человек к самоконтролю определяется ориентацией на состояние (ОС-диспозиция), а к саморегуляции — ориентацией на действие (ОД-диспозиция).

3. «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» Г.С. Никифорова, В.К. Васильева и С.В. Фирсова (Никифоров, 1989). Текст вопросника содержит 36 утверждений, к каждому из которых на выбор предлагаются три варианта ответа. Вопросник состоит из трех субшкал: эмоциональный самоконтроль, самоконтроль в деятельности и поведении, социальный самоконтроль.

4. Тест смысловых ориентаций (Леонтьев, 2000). Тест состоит из 20 вопросов, каждый из которых представляет собой два утверждения, между которыми находится симметричная шкала 3 2 1 0 1 2 3. Также тест имеет 5 субшкал: субшкала 1 (цели), субшкала 2 (процесс), субшкала 3 (результат), субшкала 4 (локус контроля — Я), субшкала 5 (локус контроля — жизнь). В итоге подсчитывается общий показатель — ОЖ (общая жизненная осмысленность). В данном исследовании показатель ОЖ представлял наибольший интерес, а отдельные баллы по субшкалам не учитывались.

Гипотезы исследования: 1. Существуют различия по показателям ВР и мотивационно-смысловой сферы личности у студентов, обучающихся на 1-м и 5-м курсе. 2. Существуют различия по показателям ВР и мотивационно-смысловой сферы личности у студентов, обучающихся на разных факультетах. 3. Существуют взаимосвязи между показателями самоконтроля, ВР и мотивационно-смысловой сферы личности. 4. Существуют индивидуальные стратегии ВР, связанные, в частности, с ориентацией на действие (ОД)/ориентацией на состояние (ОС) и уровнем осмысленности жизни. 5. Существует гендерная специфика ВР.

Результаты

1. При общем сравнении показателей ВР и мотивационно-смысловой сферы личности у студентов 1-х и 5-х курсов был выявлен ряд различий по показателям самооценки волевых качеств (непараметрический критерий Манна—Уитни). Так, студенты 5-х курсов оценивают себя как более ответственных ($p=0.01$), настойчивых ($p=0.01$), инициативных ($p=0.01$) и внимательных ($p=0.01$). В то же время студенты 1-х курсов оценивают себя как более спокойных ($p=0.01$). На данный момент однозначно интерпретировать эти результаты не представляется возможным.

Таблица 2

Показатели самооценки волевых качеств у студентов 1-го курса разных факультетов

Показатель	Факультет				
	Соц.	Хим.	Мех.-мат.	ВМиК	Псих.
Дисциплинированность	4.38	3.74	3.68	3.87	3.47
Принципиальность	4.22	3.95	3.96	3.43	3.98
Обязательность	4.27	4.12	3.96	3.74	3.60
Воля	4.13	3.74	3.38	3.55	3.53
Инициативность	3.87	3.84	3.81	3.68	3.31
Самостоятельность	4.02	3.84	3.49	3.23	3.91
Терпеливость	3.76	3.58	3.34	3.09	3.49
Деловитость	3.73	3.49	3.36	2.94	3.33
Внимательность	3.69	3.23	3.28	3.21	3.67

2. При сравнении показателей ВР и мотивационно-смысловой сферы личности у студентов разных факультетов был выявлен ряд значимых различий по показателям самооценки волевых качеств (критерий Краскела—Уоллиса). В табл. 2 приведены различия в показателях самооценки волевых качеств у студентов 1-го курса разных факультетов — социологического (соц.), химического (хим.), механико-математического (мех.-мат.), вычислительной математики и кибернетики (ВМиК) и психологии (псих.). Как видно из табл. 2, самые высокие самооценки оказались у студентов-социологов; у студентов-химиков, студентов-математиков и студентов-психологов самооценки находятся на среднем уровне; самые низкие — у студентов факультета ВМиК. При сравнении групп пятикурсников были получены следующие результаты (табл. 3). Самые высокие самооценки по волевым качествам личности также оказались у студентов-социологов; у студентов-химиков, студентов-математиков и студентов факультета ВМиК самооценки находятся на среднем уровне; самые низкие самооценки — у студентов-психологов.

Таблица 3

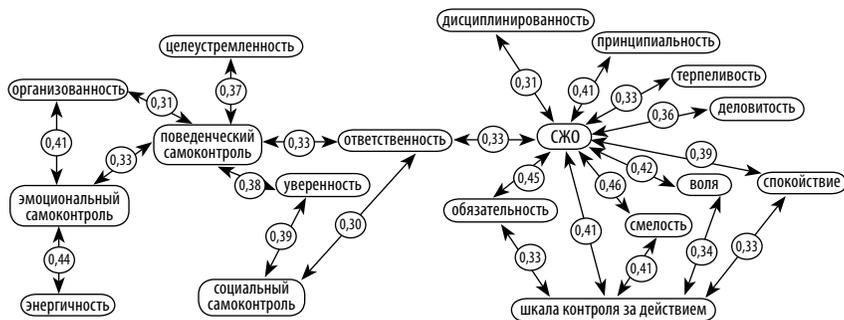
**Показатели самоконтроля и самооценки волевых качеств
у студентов 5-го курса разных факультетов**

Показатель	Факультет				
	Соц.	Хим.	Мех.-мат.	ВМиК	Псих.
Поведенческий самоконтроль	16.02	15.27	15.47	15.07	14.00
Ответственность	4.46	4.32	4.11	4.48	3.90
Целеустремленность	4.05	3.56	3.56	3.90	3.47
Инициативность	4.24	4.20	3.56	4.19	3.76
Уверенность	3.78	3.59	3.24	3.69	3.14

Таким образом, были выявлены значимые различия в показателях ВР на разных факультетах как на 1-х, так и на 5-х курсах. Однозначно интерпретировать, с чем могут быть связаны такие различия, на данный момент не представляет возможным. Следует учесть, что на представленных в исследовании факультетах неравномерен гендерный состав студентов, что может вносить свой вклад в полученные результаты. Также для корректной интерпретации этих результатов необходимо тщательно исследовать структуру учебного процесса на этих факультетах.

3. Основные результаты корреляционного анализа связей между показателями самооценки волевых качеств, различными видами самоконтроля, диспозициями ОД/ОС (по шкале контроля за действием) и показателем осмысленности жизни (тест СЖО) отображены на рисунке. Наличие такого количества значимых корреляций свидетельствует о взаимосвязи между волевой и мотивационно-смысловой сферами личности. Это напрямую соотносится с теорией В.А. Иванникова, согласно

которой основным механизмом ВР является изменение или создание дополнительного смысла действия. Однако стоит отметить, что выявленная взаимосвязь является умеренной (коэффициенты корреляции 0.3—0.4).

Структура корреляционных связей (коэффициент корреляции Спирмена, $p=0.01$)

Как показано на рисунке, корреляционные связи создают два самостоятельных центра, между которыми находится качество «ответственность». Его связанность как с отдельными видами самоконтроля (поведенческим, социальным), так и с общим показателем СЖО (осмысленностью жизни) свидетельствует о его сложной структуре. Более простой структурой обладают качества, связанные с отдельными видами самоконтроля («целеустремленность», «энергичность», «организованность», «уверенность»), а также качества, связанные преимущественно со смысловой сферой личности («дисциплинированность», «принципиальность», «терпеливость» и «деловитость»). Качества «обязательность», «смелость», «воля» и «спокойствие» связаны как со смысловой сферой личности (общий уровень осмысленности жизни), так и с волевой (индивидуальный стиль ВР — ОД/ОС-диспозиция).

Выявлено также большое количество значимых положительных корреляций между отдельными волевыми качествами. Это свидетельствует о сложных структурных взаимосвязях между ними. Точную природу этих взаимосвязей еще предстоит выявить в ходе дальнейших исследований.

4. Сравнительный анализ показателей ВР у студентов с высоким и с низким уровнем осмысленности жизни, а также с ОД/ОС-диспозицией (применялся непараметрический критерий Манна—Уитни) показал следующее. Студенты с высоким уровнем осмысленности жизни проявляют себя как более волевые. Это находит свое отражение и в более высоких показателях самоконтроля ($p=0.05$ для всех его трех видов — эмоционального, поведенческого и социального), и в более выраженной ОД-диспозиции ($p=0.01$). Они также оценивают себя более высоко практически по всем волевым качествам. Значимые различия

отсутствуют лишь по 2 из 20 качеств — «энергичности» и «организованности». По-видимому, эти качества находятся в наиболее слабой связи со смысловой сферой (значимые коэффициенты корреляции больше 0.3 между показателем осмысленности жизни и самооценками по данным качеств отсутствуют). Эти качества связаны с эмоциональным и поведенческим самоконтролем, т.е. входят в другой корреляционный центр (см. рисунок).

Студенты с ОД-диспозицией обладают более развитым эмоциональным, поведенческим и социальным самоконтролем ($p=0.00$ для всех трех видов самоконтроля), более высоким уровнем осмысленности жизни ($p=0.01$). Они также оценивают себя более высоко почти по всем качествам. Различия в ходе данного сравнения получены по тем же волевым качествам, что и в ходе сравнения студентов с высоким и низким уровнем осмысленности жизни (также отсутствуют различия по качествам «энергичность» и «организованность»). Таким образом, студенты с ОД-диспозицией обладают более продуктивным стилем ВР, что полностью согласуется с теорией контроля за действием Ю. Куля.

5. Сравнение специфики ВР в гендерных группах студентов (критерий Манна—Уитни) показало следующее. Производилось сравнение показателей самоконтроля, волевых качеств, ОД/ОС-диспозиции и уровня осмысленности жизни между студентами-мужчинами и студентами-женщинами на 1-м курсе, затем производилось сравнение этих же показателей у студентов-мужчин и студентов-женщин на 5-м курсе. Полученные результаты представлены в табл. 4 (М — результат выше у мужчин). На 1-м курсе студенты-мужчины имеют более выраженную по сравнению с женщинами ОД-диспозицию, более развитый эмоциональный самоконтроль и более высокие показатели самооценки по качествам «настойчивость», «спокойствие» и «организованность».

Таблица 4

Сравнение показателей студентов-мужчин и студентов-женщин на 1-м и 5-м курсах

Показатель	1-й курс	5-й курс
Ориентация на действие/Ориентация на состояние	М ($p=0.00$)	
Эмоциональный самоконтроль	М ($p=0.00$)	М ($p=0.00$)
Настойчивость	М ($p=0.05$)	
Спокойствие	М ($p=0.00$)	М ($p=0.01$)
Организованность	М ($p=0.00$)	
Энергичность		М ($p=0.01$)

Следует отметить, что ОС/ОД-диспозиция является индивидуальной характеристикой личности, которая практически не изменяется с возрастом. Таким образом, можно утверждать, что различие по данному

параметру связано с индивидуальными особенностями студентов, обучающихся в этом году на 1-м курсе, и не вносит значительного вклада в понимание гендерной специфики в развитии ВР. По данным корреляционного анализа, качеством, тесно связанным с ОД-диспозицией, является «спокойствие». Таким образом, различия по выраженности ОД-диспозиции и качеству «спокойствие» связаны со спецификой контингента студентов 1-го курса.

При сравнении студентов-мужчин и студентов-женщин на 5-м курсе выявлено меньшее количество гендерных различий. На 5-м курсе студенты-мужчины обладают более развитым эмоциональным самоконтролем и имеют более высокие показатели самооценки по качествам «спокойствие» и «энергичность», чем студенты-женщины. По данным корреляционного анализа, «энергичность» тесно связана с эмоциональным самоконтролем.

Таким образом, студенты-мужчины как на 1-м, так и на 5-м курсе демонстрируют более высокие показатели ВР. При этом их показатели мало изменяются от 1-го к 5-му курсу. Студенты-женщины исходно показывают менее высокий уровень показателей ВР. Однако у женщин уровень ВР активно повышается, и к 5-му курсу гендерная разница сглаживается.

Итак, в ходе комплексной диагностики особенностей волевой регуляции и мотивационно-смысловой сферы личности студентов разных курсов и факультетов был выявлен ряд возрастных, гендерных и индивидуальных различий. Помимо этого, была выявлена связь между показателями волевой регуляции и характеристиками мотивационно-смысловой сферы личности студентов. Объяснение причин полученных различий — задача дальнейшей работы в ходе новых исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1997.
- Быков А.В.* Генезис волевой регуляции: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2003.
- Быков А.В., Шульга Т.И.* Становление волевой регуляции в онтогенезе. М., 1999.
- Вygотский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1982.
- Гришанов Л.К., Цуркан В.Д.* Социологические проблемы адаптации студентов младших курсов // Психолого-педагогические аспекты адаптации студентов к учебному процессу в вузе / Отв. ред. В.А. Гаврилов. Кишинев, 1990. С. 3—17.
- Иванников В.А.* Психологические механизмы волевой регуляции. СПб., 2006.
- Иванников В.А., Эйрман Е.В.* Структура волевых качеств по данным самооценки // Психол. журн. 1990. Т. 11. № 3. С. 39—49.
- Ильин Е.П.* Психология воли. СПб., 2001.
- Котырло В.К.* Развитие волевого поведения у дошкольников. Киев, 1971.
- Крайг Г.* Психология развития. СПб., 2000.
- Кулагина И.Ю., Колюцкий В.Н.* Возрастная психология. Полный жизненный цикл развития человека. М., 2009.

- Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М., 2000.
- Никифоров Г.С.* Самоконтроль человека. Л., 1989.
- Психология человека от рождения до смерти / Под ред. А.А. Реана. М., 2002.
- Пуни А.Ц.* Волевая подготовка в спорте. М., 1969.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб., 2009.
- Рудик П.А.* Психология. М., 1976.
- Селиванов В.И.* Психология волевой активности. Рязань, 1974.
- Смирнова Е.О.* Развитие воли и произвольности в раннем онтогенезе // *Вопр. психологии.* 1990. № 3. С. 49—58.
- Шапкин С.А.* Экспериментальное изучение волевых процессов. М., 1997.
- Шульга Т.И.* Проблемы волевой регуляции в онтогенезе // *Вопр. психологии.* 1994. № 1. С. 105—111.
- Эмоционально-волевая регуляция поведения и деятельности: Тез. докл. Всесоюз. семинара молодых ученых / Под ред. В.К. Калина. Симферополь, 1983.
- Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
- Diefendorff J.M., Hall R.J., Lord R.G., Streat M.* Action-state orientation: Construct validity of a revised measure and its relationship to work-related variables // *J. Appl. Psychol.* 2000. Vol. 85. N 2. P. 250—263.
- Kuhl J.* Who controls whom when «I control myself»? // *Psychological-Inquiry.* 1996. Vol. 7. N 1. P. 61—68.

Поступила в редакцию
09.02.12

ОБЗОРНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. Матюшкина

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РЕШЕНИИ ТВОРЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В НАУЧНОЙ ШКОЛЕ А.М. МАТЮШКИНА

В статье освещаются три линии теоретико-экспериментальных исследований А.М. Матюшкина и его научной школы. Первая линия связана с изучением мотивационно-эмоциональной регуляции мышления, с разработкой идеи активности субъекта в постановке и решении мыслительной задачи, т.е. познавательной активности личности. Вторая посвящена исследованию интеллектуальных, творческих, личностных возможностей субъекта. Третья линия направлена на изучение условий, при которых становится возможным реальное творческое мышление, открытие субъективно и объективно нового.

Ключевые слова: творческое и продуктивное мышление, теория проблемных ситуаций (ТПС), творческая проблема, познавательная мотивация, интеллектуальные и творческие возможности субъекта.

The article presents three lines of theoretical and experimental research A.M. Matyushkin and his scientific school. The first line is connected with the study of motivational-emotional regulation of thinking, the development of the idea of the subject's activity in the formulation and solution of thinking tasks, his cognitive activity. The second line is devoted to the study of intellectual, creative, personal possibilities of subject. The third line is aimed at studying the conditions under which it becomes possible to a real creative thinking, opening the new (subjectively and objectively).

Key words: creative and productive thinking, the theory of problem situations, creative problem, researching motivation, intellectual and creative potential of the subject.

20 декабря 2012 г. исполняется 85 лет со дня рождения **Алексея Михайловича Матюшкина** (ум. 07.07.2004) — академика РАО, доктора психологических наук, профессора МГУ имени М.В. Ломоносова (1978—1981), директора НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР (1983—1990), главного редактора журнала «Вопросы психологии» (1981—1993), зав. лабораторией психологии одаренности Психологического института РАО (1992—2003), лауреата премии Правительства РФ в области образования (1998), кавалера медалей К.Д. Ушинского

Матюшкина Анна Алексеевна — канд. психол. наук, доцент кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* aam_msu@mail.ru

«За заслуги в области педагогических наук» (1998) и Г.И. Челпанова «За вклад в развитие психологической науки» (2002).

В психологии мышления и педагогике А.М. Матюшкин известен как автор *теории проблемных ситуаций* (ТПС). Развивая идеи ТПС, он сформулировал взгляды на решение творческой проблемы, субъективным основанием которой выступает проблемная ситуация мышления. Говоря о понятии творческой проблемы, следует отметить, что в рамках ТПС предметом исследования выступает продуктивное, творческое мышление. Продуктивность решения связывается с результативным и процессуальным критериями — субъективной и объективной (для творческой проблемы) новизной получаемого результата (продукта) решения и личностной включенностью субъекта в решение, его направленностью на открытие нового знания.

Остановимся кратко на основных положениях ТПС в мышлении. Будучи учеником С.Л. Рубинштейна, А.М. Матюшкин разрабатывал понимание мышления как процесса разрешения проблемных ситуаций. Понятие проблемной ситуации было введено С.Л. Рубинштейном для обозначения формы субъект-объектного взаимодействия (где объектом является мыслительная задача) в процессе решения. Это взаимодействие характеризуется тем, что при столкновении с мыслительным заданием, вызывающим интерес, у субъекта возникает особое состояние. «Начальным моментом мыслительного процесса обычно является проблемная ситуация. Мыслить человек начинает, когда у него появляется потребность что-то понять. Мышление обычно начинается с проблемы или вопроса, с удивления или недоумения, с противоречия. Этой проблемной ситуацией определяется вовлечение личности в мыслительный процесс... Разрешение задачи является естественным завершением мыслительного процесса. Всякое прекращение его, пока эта цель не достигнута, будет испытываться субъектом как срыв или неудача...» (Рубинштейн, 2000, с. 317). Таким образом, подчеркивается особая роль в мышлении мотивационно-эмоционального компонента, познавательной мотивации, обеспечивающей включенность личности в процесс решения задачи.

Идеи ТПС в мышлении были сформулированы А.М. Матюшкиным в кандидатской диссертации «Исследование психологических закономерностей процесса мышления (анализа и обобщения)» (выполнена под руководством С.Л. Рубинштейна в 1960 г.), затем окончательно представлены в 1973 г. в докторской диссертации «Проблемные ситуации в мышлении и обучении». Теоретическим результатом стало выявление психологической структуры проблемной ситуации и основных закономерностей ее разрешения. Психологическая структура проблемной ситуации включает три компонента — познавательную потребность, направленную на поиск неизвестного; интеллектуальные и личностные возможности субъекта, позволяющие решать проблему; открытие

субъективно нового, неизвестного. В научной школе А.М. Матюшкина прослеживаются три линии теоретико-экспериментальных исследований, направленных на изучение каждого из компонентов проблемной ситуации. Рассмотрим эти линии подробнее.

Первая линия связана с изучением мотивационно-эмоциональной регуляции мышления, с разработкой идеи активности субъекта в постановке и решении мыслительной задачи, т.е. познавательной активности личности. Значительное количество исследований в рамках данной тематики посвящено разработке вопросов порождения проблемы (Сидорова, 1988; Трифонова, 1989), актуализации познавательной мотивации (Наролина, 1985; Платонова, 1980), мотивационно-эмоциональной регуляции мышления (Усманова, 1986). Особое внимание в подходе А.М. Матюшкина уделяется начальному этапу решения задачи, основанному на возникновении познавательной потребности. В работе Т.А. Платоновой (1980) показано, что один из путей возникновения познавательной мотивации — это ее актуалгенез (порождение) в проблемной ситуации как ситуативно возникшей личностной потребности, предметом которой является будущее знание (на материале анализа возвращения к незавершенной интеллектуальной деятельности). При этом особо отмечается как наиболее существенная характеристика познавательной потребности ее «ненасыщаемость». В решении реальных творческих проблем данная характеристика может проявляться в феноменах, отражающих субъективную и объективную «бесконечность» поиска решения, а именно в субъективной незавершенности решения, переосмыслении решения как отражении глубины исследования в решении проблемы со стороны субъекта.

Вторая линия посвящена исследованию интеллектуальных, творческих, личностных возможностей субъекта. Следствием особого понимания продуктивности в мышлении, связанного с проявлением познавательной активности субъекта, явился интерес к творческой личности. Он привел к пониманию одаренности как творчества и к формулированию А.М. Матюшкиным в 1990-х гг. концепции творческой одаренности. Творческая одаренность личности связана с исследовательской позицией, в основе которой лежит мотивация познания, и проявляется в возможности оригинально и глубоко подходить к решению проблем в разных областях. Основой одаренности выступает творческий потенциал личности, который характеризуется доминантностью познавательной мотивации, исследовательской активностью, стремлением к творчеству.

Идеи этой концепции получили свое развитие в серии работ. Р.Е. Тафель (1974) проанализировала диагностические методики идентификации творческой личности; Н.Ф. Кузнецова (1989) изучила связь проявлений юмора с творческими способностями. В исследовании И.П. Ищенко (1993), посвященном вопросам соотношения

интеллектуальной и творческой одаренности, было показано, что у детей 5—6 лет возможны 4 типа соотношения уровней интеллектуального и творческого развития: высокий уровень интеллектуального развития (по тесту Равена, шкалам Стэнфорд—Бине, задачам Пиаже) соответствует высокому уровню творческого потенциала (П. Торренс); высокий уровень творческого потенциала возможен при среднем уровне интеллектуального развития; высокий уровень развития интеллекта — при невысоком уровне развития творческого потенциала; низкий уровень развития творческого потенциала сочетается с низким уровнем развития интеллекта. Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что творческий потенциал составляет предпосылку для развития одаренного ребенка. Работа А.И. Савенкова (1997) посвящена теоретическому и практическому выявлению педагогических основ развития продуктивного мышления одаренных детей. В исследовании Е.Л. Мельниковой (1998) предложена психологическая модель подготовки учителя к работе с одаренными школьниками. В исследовании Т.В. Доржиевой (2000), посвященном роли этнических традиций в развитии творческого потенциала детей (на материале этносов Бурятии), выявлены личностные типы на основе соотношения уровня развития интеллекта, отношения к этническим традициям и креативности. Так, креативный тип характеризуется высокими уровнями творческого развития и отношения к этническим традициям и невысоким уровнем развития интеллекта; интеллектуальный тип связан с высоким уровнем развития интеллекта и низкими уровнями развития креативности и отношения к традициям. Общая закономерность влияния этнических традиций состоит в преобладании позитивных тенденций по отношению к традициям у детей с более высоким уровнем креативности: они включают традиции этноса в свое творчество. В работах Е.В. Алфеевой (2000), С.В. Лезиной (2001) анализируется вклад личностных факторов в развитие одаренности. Показано, что на проявление и становление одаренности позитивно влияют такие детерминанты, как преобладающая мотивация достижения, доминантность познавательной мотивации, эмоциональная устойчивость, адекватная самооценка (в диапазоне «высокой»), низкий уровень тревожности. В исследовании Е.И. Щеплановой (2006) предложено рассмотрение одаренности как психологической системы; работа Н.Б. Шумаковой (2007) посвящена развитию общей одаренности детей в условиях школьного обучения.

Третья линия направлена на изучение условий, при которых становится возможным открытие субъективно нового. Как фактор, влияющий на возможности открытия нового знания в решении проблемной ситуации, рассматривается «прошлый опыт» (Казанская, 1976). Чем значительней кажущееся совпадение проблемного задания с ситуациями прошлого опыта, тем труднее в разрешении возникающая для

субъекта проблемная ситуация. Фиксация на «прошлом опыте», старых способах решения рассматривается как психологический барьер в достижении продуктивного решения. «Расхождение» между прошлым и «наличным» опытом выступает как одно из условий возникновения познавательной потребности. Особую роль в этом контексте приобретают исследования вопроса как стимула познавательной активности; диалога как средства творческого мышления, позволяющего «преодолевать» влияние прошлого опыта в поиске творческого решения. Изучение условий открытия неизвестного связано с контекстом опосредствованности мышления взаимодействием с другим субъектом в аспекте понимания мышления как субъект-объект-субъектного взаимодействия, приводя к выводу о диалогической природе мышления. При этом объектом мышления выступает задача, которая из внешне заданной преобразуется в проблемную для субъекта ситуацию. Показано, что другим субъектом, опосредствующим решение, может выступать особая позиция в мышлении — «диалог с собой» (Кучинский, 1980, 1983). Индивидуальное мышление может быть рассмотрено при этом как внутренний диалог, который представляет различные точки зрения в решении проблемы. Особое значение данные исследования приобретают в контексте решения реальных творческих проблем. «Мышление диалогично. Предполагает наличие собеседника или по крайней мере заинтересованного слушателя. Без этого не рождается мысль, облеченная в слово. Это нужно не для других, но также для автора и инициатора интеллектуального диалога» (Матюшкин, 2001, с. 139).

В работе Н.Б. Шумаковой (1985) показана особая роль вопроса в решении. Вопрос выступает как форма выражения проблемной ситуации, сначала обращенная к другому субъекту (в аспекте онтогенетического развития), затем — к самому себе. В исследовании обнаружены два типа познавательной активности в зависимости от задаваемых вопросов и способов их разрешения. Первый — проблемный — тип задает вопросы, направленные на понимание сути проблемы, обращает их к себе, решает их самостоятельно. Второй тип — описательно-практический — задает «формальные» для решения вопросы, носящие характер уточнения, обращает их к другому, не старается самостоятельно на них отвечать. В связи с полученными в исследовании данными возникает особая педагогическая задача поддержки и развития в детском возрасте познавательной активности, служащей личностным основанием для развития у взрослого творческого мышления, позволяющего самостоятельно формулировать и решать профессиональные проблемы.

Значительное количество исследований, проведенных в рамках разработки данной тематики, было посвящено исследованию влияния общения на регуляцию мышления в проблемной ситуации (Палагина, 1986), роли вопроса как «стимула» познавательной активности (Шумакова, 1985), диалогическому и совместному взаимодействию в процессе

решения мыслительных задач (Белова, 1990; Кудрина, 1987; Хашенко, 1989); исследованию мотивационно-эмоциональной регуляции мышления в разных условиях межличностного взаимодействия, включая кооперацию и конфликт (Усманова, 1986).

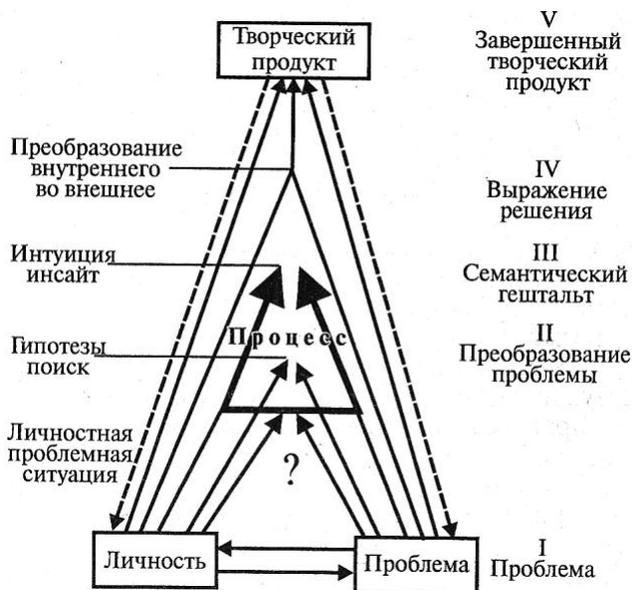
Самостоятельной линией изучения решения творческой проблемы выступает практическая реализация ТПС в обучении в звене средней (проблемный метод в обучении) и высшей школы. При этом, по мнению А.М. Матюшкина, важно различать те проблемные ситуации, с которыми сталкивается ученик в процессе обучения, и те проблемные ситуации, которые характеризуют процессы реального творческого профессионального мышления взрослого субъекта. «Организационная форма проблемного обучения, предполагающая непременно создание условий для “творческой” деятельности (а не условий для творческого усвоения знаний), имеет в своей основе... ошибку распространения форм творческой деятельности взрослого человека... на учебную деятельность ребенка» (Матюшкин, 2009, с. 140).

Так, по мнению А.М. Матюшкина, центральным новообразованием в звене высшей школы должно выступать формирование профессионального мышления, основанного на мотивации познания и высокой степени обобщения (в противоположность конкретному мышлению), позволяющего самостоятельно ставить и решать профессиональные проблемы (Егоров, 1973). По отношению к звену высшего образования ТПС привела к формулированию концепции профессионального творческого мышления (Кашапов, 2006) как базового новообразования, возникающего в ходе обучения в высшей школе. При этом по отношению к формированию профессионального мышления особо подчеркивается необходимость самостоятельной активности субъекта, направленной на постановку и формулирование проблемы, а не только на процесс решения задачи и его проверку (обоснование). Реализация ТПС в мышлении по отношению к обучению в средней школе связана с работами А.И. Савенкова (1997), в высшей школе — с работами, выполненными с опорой на идеи теории проблемного обучения А.А. Вербицкого (1991), В.И. Наролиной (1985), Е.В. Ковалевской (2000). Так, по мнению Е.В. Ковалевской, особую актуальность ТПС приобретает в современных методиках обучения иностранным языкам, так как обеспечивает условия для продуктивных процессов мышления в познании соответствующего типа культуры.

В конце 1990-х—начале 2000-х гг. в ряде работ А.М. Матюшкина (1996, 2001) актуализируется научный интерес к идеям решения мыслительных проблем в ходе реальной творческой деятельности взрослого субъекта. Однако работы, выполненные в русле данной темы, немногочисленны и малоизвестны. Вместе с тем они содержат положения, принципиально важные для понимания творческого мышления, и представляются перспективными в изучении процессов реального

творчества, творческого мышления, завершающегося созданием продукта, являющегося объективно новым, значимым, получающим высокую экспертную профессиональную оценку.

В работе «Психологические предпосылки творческого мышления», выполненной на основе автобиографических материалов о П. Флоренского, А.М. Матюшкин (2001) пишет, что психологическими предпосылками для развития творческого мышления в детском возрасте выступают любопытство, способность удивляться новому, особая чувствительность к мыслительным противоречиям. Последняя проявляется в возможности задать вопрос, увидеть проблему там, где большинство ее не замечает («таинственное в обычном», «мир как тайна»), или же сформулировать необычное как проблему и исследовать ее («неизвестное как необъясненное»). Особую предпосылку для развития творческого мышления составляют ранние возможности глобальной постановки и понимания проблемы, создание собственных понятий для ее решения, стремление к исследованию проблемы, где необходимым звеном ее решения выступает антиципация, предвосхищение «ключевых» моментов, обеспечивающих глобальность понимания. Следует отметить, что уже в одном из ранних диссертационных исследований, выполненных под руководством А.М. Матюшкина (Кестер, 1976), в качестве значимой детерминанты творческого решения рассматривается антиципация.

Структура решения творческой проблемы (Матюшкин, 2003, с. 213)

Предпосылкой к решению творческих профессиональных проблем взрослым субъектом выступает опора на те нравственные и эстетические критерии в интеллектуальной оценке событий, которые были сформированы в детском возрасте. Феноменологически в детстве это проявляется как особая «изысканность и впечатлительность» по отношению к значимым событиям жизни. Постановка и решение творческих проблем взрослыми людьми связывается А.М. Матюшкиным с возможностями возвращения к тем ярким впечатлениям, которые в детстве вызвали интерес, удивление, любопытство («роль детства у взрослых») и теперь служат психологическим источником реального творчества.

В работе «Интуиция и творчество» (Матюшкин, 1996) процесс решения проблемы представляется автору ТПС как реализующий последовательные этапы — от возникновения личностной проблемной ситуации (постановка проблемы) через интуитивное понимание смысла проблемы (для ее разрешения) до завершенного творческого продукта. На рисунке отражена структура решения творческой проблемы, позволяющая эксплицировать ее компоненты, этапы решения, их содержание, выявив отличия от проблемной ситуации в обучении. Так, на первом этапе решения творческой проблемы (I) личность сталкивается с ситуацией, которая вызывает удивление, интерес. Возникает личностная проблемная ситуация, приводящая к постановке и формулированию проблемы. При этом личность и проблема на этом этапе оказываются взаимосвязанными: постановка проблемы зависит от интереса и возможностей конкретной личности; в объективно сложном, неопределенном, противоречивом фрагменте реальности разные субъекты сформулируют разные проблемы. Личностным новообразованием данного этапа можно считать возникновение у субъекта устойчивого познавательного интереса к проблеме (проблемная доминанта), поддерживающего весь дальнейший ход решения. Именно с этим новообразованием связан феномен «чувствительности» творческой личности к внешним оценкам своей работы, проявляющийся как повышенная ранимость, обидчивость по отношению к внешним оценкам результата решения. Это связано с особой вовлеченностью личности в решение — возникновением личностно значимой проблемной ситуации. На следующем этапе (II) происходит преобразование проблемы, связанное с первыми попытками ответа на вопросы проблемы (поиск гипотезы). Этап интуитивного решения (III) является необходимым для творческой проблемы, предполагая особую (неосознаваемую или осознаваемую лишь частично) форму понимания смысла потенциального решения. Он приводит к переформулированию (переструктурированию) проблемы, основанному на догадке о принципе решения (семантический гештальт). Для данного этапа характерен феномен «невербализуемости» решения: субъект находит принцип, но не всегда может его объяснить. На следующем этапе (IV) происходит преобразование внутреннего, интуитивно понятного субъекту решения

во внешнюю форму, выраженную в общепринятой (для данного профессионального языка) системе значений. Последний этап (V) — создание завершенного творческого продукта субъектом. Его сложность состоит в поиске тех окончательных средств выражения, которые позволяют достичь экспликации решения в объективной системе значений, делая его не только понятным для другого, но и изящным, эстетичным и простым. При этом оказывается, что завершенный творческий продукт оказывает влияние на личность и на сформулированную им проблему. Так, феномен «субъективной незавершенности» творческого решения, заключающийся в трудности окончания работы над проблемой, может быть связан не только с поиском тех выразительных профессиональных средств, которые позволяют достигнуть простоты и изящества презентации творческого продукта (V этап), но и с побуждением субъекта к дальнейшему исследованию проблемы.

Анализ рисунка, таким образом, выявляет отличия между структурой и процессом разрешения проблемной ситуации и реальной творческой проблемы. Так, оказывается, что психологическая структура проблемы, в отличие от проблемной ситуации, носит более широкий характер, включая 5 компонентов. *Первым* компонентом выступает возникновение личностной проблемной ситуации; *вторым* — интеллектуальные и творческие возможности личности: это и специальные способности (талант, одаренность), и уровень подготовленности (включая уровень знаний и компетентности), позволяющие «присвоить» проблему; *третьим* компонентом выступает устойчивая познавательная мотивация по отношению к решению проблемы, особое мотивационное образование «проблемная доминанта»; *четвертый* компонент — семантический потенциал личности, обеспечивающий глубину понимания проблемы и ее решения и основанный на жизненном опыте личности и возможностях анализа и обобщения, — семантическое пространство творческой личности; *пятый* компонент представляет владение специальными средствами, обеспечивающими выражение решения, он основан на знании профессионального языка той области, в которой решается проблема. Этапы решения творческой проблемы также оказываются содержательно более широкими по отношению к процессу разрешения проблемной ситуации. Первый этап разрешения проблемной ситуации — этап «закрытого» решения — связан с использованием и исчерпыванием известных способов. На втором этапе — этапе «открытого» решения — происходит отказ от «старых» (как недостаточных) и поиск новых способов. Содержанием третьего этапа является нахождение нового отношения или необходимого для решения принципа; на четвертом и пятом этапах реализуется и проверяется найденное решение.

Содержательное отличие этапов разрешения проблемной ситуации и решения творческой проблемы связано с их структурными различиями и носит «степенной» характер. Так, возникновение «проблемной доми-

нанты» при решении творческой проблемы определяет более высокую степень самостоятельности субъекта в постановке и решении, чем в проблемной ситуации. Решению творческих проблем соответствует более высокий уровень обобщения, связанный с требованием открытия принципа, общей закономерности. Необходимость интуитивного этапа исходит из особой формы понимания смысла проблемы, составляющей ее «предрешение». Процесс решения проблемы предполагает самостоятельный этап — создание завершенного творческого продукта. Если в разрешении проблемной ситуации достаточно «догадаться» о принципе, то в реальных творческих проблемах его необходимо выразить, используя «профессиональный язык», обосновать и проверить.

* * *

Особые предмет, объект, методики исследования, глубокая теоретическая и экспериментальная разработка и решение ряда научных проблем психологии мышления, значительное количество проведенных исследований (более 25 кандидатских и докторских диссертаций, выполненных с опорой на идеи ТПС и под научным руководством А.М. Матюшкина) — все это позволяет говорить о продуктивности, эвристичности научной школы А.М. Матюшкина в изучении творческого мышления, единицей анализа которого выступают проблемная ситуация и творческая проблема.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алфеева Е.В.* Креативность и личностные особенности детей дошкольного возраста (4—7 лет): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2000.
- Белова Е.С.* Диалогическое взаимодействие в процессе решения школьниками мыслительных задач: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1990.
- Вербицкий А.А.* Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М., 1991.
- Доржиева Т.В.* Психологическое исследование роли этнических традиций в развитии творческого потенциала детей в младшем школьном возрасте: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2000.
- Егоров М.П.* Экспериментальное исследование процессов мышления в оценочной деятельности человека: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1973.
- Ищенко И.П.* Соотношение интеллектуальной и творческой одаренности у детей 4—6 лет: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1993.
- Казанская В.Г.* Исследование «психологических барьеров» прошлого опыта при выполнении логических заданий: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1976.
- Кашанов М.М.* Психология творческого мышления профессионала. М., 2006.
- Кестер Э.* К исследованию антиципации в процессе решения проблемных задач: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1976.
- Ковалевская Е.В.* Генезис и современное состояние проблемного обучения (общепедагогический анализ применительно к методике преподавания иностранных языков): Автореф. дис. ... докт. пед. наук. М., 2000.
- Кудрина Т.С.* Развитие логического мышления в диалоге: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1987.

Кузнецова Н.Ф. Психологические особенности проявления юмора у детей школьного возраста: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1989.

Кучинский Г.М. Диалог в процессе решения мыслительных задач: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1980.

Кучинский Г.М. Диалог и мышление. Минск, 1983.

Лезина С.В. Исследование роли личностных факторов в развитии одаренности (младшие школьники и подростки): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2001.

Матюшкин А.М. Интуиция и творчество // Мир психологии. 1996. № 4. С. 28—36.

Матюшкин А.М. Психологические предпосылки творческого мышления // Мир психологии. 2001. № 1. С. 128—141.

Матюшкин А.М. Мышление, обучение, творчество (серия «Психологи Отечества»). М.; Воронеж, 2003.

Матюшкин А.М. Психология мышления. Мышление как разрешение проблемных ситуаций: Учеб. пособие. М., 2009.

Мельникова Е.Л. Психологическая модель подготовки учителя к работе с одаренными школьниками: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.

Наролина В.И. Психолого-педагогические факторы стимулирования познавательной и коммуникативной активности в развитии понимания иноязычного научного текста: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1985.

Палагина И.В. Влияние общения на регуляцию мышления в проблемной ситуации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1986.

Платонова Т.А. Экспериментальное исследование процесса порождения познавательной мотивации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1980.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2000.

Савенков А.И. Педагогические основы развития продуктивного мышления одаренных детей: Автореф. дис. ... докт. пед. наук. М., 1997.

Сидорова Е.Н. Возрастная динамика и психологическая структура поиска решения проблемных задач у школьников: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1988.

Табель Р.Е. Диагностические методики для выявления (идентификации) творческих личностей в американской психологии: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1974.

Трифорова М.П. Психосемантическое исследование порождения проблемы в процессе мышления: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1989.

Усманова Э.З. Мотивационно-эмоциональная регуляция мышления в условиях межличностного взаимодействия: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1986.

Хащенко Т.Г. Психологические особенности включенности личности во взаимодействие при совместном решении мыслительных задач: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1989.

Шумакова Н.Б. Вопрос в структуре познавательной активности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1985.

Шумакова Н.Б. Развитие общей одаренности детей в условиях школьного обучения: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2007.

Щебланова Е.И. Одаренность как психологическая система: структура и динамика в школьном возрасте: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2006.

Поступила в редакцию
23.04.12

Е. Ю. Патяева

СИСТЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО МОТИВИРОВАНИЯ: «ЭТОС», «СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛЕ», «ДИСПОЗИТИВ»

Статья посвящена анализу сложных систем социокультурного мотивирования, описанных в таких смежных с психологией мотивации дисциплинах, как социология, социальная психология и культурология. Детально рассматриваются концепции «этоса» Макса Вебера, «социального поля» Курта Левина и «диспозитива» Мишеля Фуко.

Ключевые слова: мотивация, социокультурное мотивирование, этос, социальное поле, диспозитив, М. Вебер, К. Левин, М. Фуко.

The article deals with the complex social and cultural motivating systems, which were described in sociology, social psychology and the studies of culture but are hardly known within psychology of motivation. M. Weber's concept of "ethos", K. Levin's concept of "social field" and M. Foucault's concept of "dispositif" are analyzed in detail.

Key words: motivation, social and cultural motivating, ethos, social field, dispositif, M. Weber, K. Lewin, M. Foucault.

Социальные и культурные условия, в которых мы живем, способствуют возникновению у нас определенных желаний, намерений, чувств и мотивов. Очевидным примером здесь может служить феномен престижного потребления, когда человек покупает вещи, нужные ему не сами по себе, а как знак принадлежности к «современному поколению», «состоятельным людям» и т.п. Это мотивирующее влияние общества обычно складывается из множества отдельных «мелких» воздействий, каждое из которых может быть едва заметным, так что составляемые ими системы социокультурного побуждения во многом ускользают от внимания исследователей мотивации, ограничивающихся простой констатацией роли «факторов ситуации» в процессе побуждения (см., напр.: Хекхаузен, 2003). Однако эти системы были описаны и проанализированы (в разных терминах и разных содержательных контекстах) в таких смежных с психологией мотивации дисциплинах, как социология, социальная психология и культурология, что ставит перед психологией мотивации задачу освоения результатов этого анализа и

Патяева Екатерина Юрьевна — канд. психол. наук, ст. преп. кафедры психологии личности ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* patyayeva@ya.ru

включения сложных систем социокультурного мотивирования в свой категориальный аппарат.

В настоящей статье мы кратко остановимся на истории идеи социальной и культурной обусловленности человеческой мотивации, а затем детально рассмотрим три концепции, в каждой из которых выделяется и описывается сложная система социальных и культурных факторов и влияний, в значительной степени определяющих человеческие действия и мотивы, а именно концепции «этоса» Макса Вебера, «социального поля» Курта Левина и «диспозитива» Мишеля Фуко.

Рождение идеи социальной и культурной обусловленности человеческой мотивации: И.Г. Гердер, Ж.-А. Кондорсе, К. Маркс

Идею об обусловленности психики человека культурой¹, к которой тот принадлежит, впервые выдвинул и обосновал немецкий философ и писатель *Иоганн Готфрид фон Гердер* (1744—1803). В то время как ведущие философы эпохи Просвещения Юм и Вольтер продолжали верить в неизменность человеческой природы во все времена и во всех странах, «Гердер обнаружил, или, по меньшей мере, увидел более ясно, чем кто-либо до него, что это не так, — что люди разных исторических периодов и культур нередко чрезвычайно сильно разнятся между собой по своему мышлению, верованиям, чувствам, и другим психическим проявлениям» (Forster [эл. ресурс]).

Согласно Гердеру, «каждый человек лишь благодаря воспитанию становится человеком» и «специфическая черта человека состоит как раз в том, что мы рождаемся, почти лишенные даже инстинктов, и только благодаря продолжающемуся целую жизнь упражнению становимся людьми» (Гердер, 1977, с. 230). И далее: «Все человеческое в человеке связано со всеми обстоятельствами его жизни; через духовный генезис воспитание связано с родителями, учителями, друзьями, связано с народами и с предками народа, связано, наконец, с целой цепью рода» (там же; немецкий философ имеет здесь в виду род человеческий в целом. — *Е.П.*). При этом основой развития человеческого индивида Гердер считает, во-первых, ту культурную традицию, в которой он появился на свет и воспитывается, и, во-вторых, его «органические силы» (в переводе на современный язык — природные задатки). Завершается же становление индивида его самовоспитанием — тем, что он, «словно посторонний себе самому художник, воспитывает себя на чужих образцах» (там же). Решающими факторами этого культурного созидания людей выступают язык, фольклор и произведения искусства. Вместе с

¹ Более ранние (и многие более поздние) авторы обычно объясняли различие психического облика представителей разных народов либо различием природных условий их обитания (вроде климата и рельефа), либо врожденными и передаваемыми по наследству особенностями «национального духа» или «народной души».

природными условиями жизни того или иного народа они формируют «народный дух» и определяют психический облик представителей данного народа. Особую роль в создании «народного духа» он отводил поэтам, называя их истинными создателями народов. При этом, активно пользуясь категорией духа, Гердер рассматривает его не как некую имманентную сущность, а как результат повседневного воспитания, происходящего, в частности, при приобщении к народной культуре, знакомстве с примерами морального поведения, усвоении законов и восприятию произведений литературы. Непосредственным продолжателем идей Гердера стал *Вильгельм фон Гумбольдт* (1767—1835), разработавший и обосновавший концепцию влияния социального устройства и различия языков на духовное развитие людей (Гумбольдт, 1984а, б; 2009), а также предложивший идею возможности «самоформирования»² человека путем свободной деятельности, общения и «усвоения богатства другого» (Гумбольдт, 2009).

Параллельно Гердеру аналогичные идеи развивал его французский современник *Жан-Антуан Кондорсе* (1743—1794), который был не только выдающимся мыслителем, но и активным политическим деятелем времен Великой французской революции, попытавшимся воплотить некоторые свои идеи в действительность и заплативший за это жизнь. В его посмертно опубликованном «Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума» (Кондорсе, 1936) человек предстает как существо, формируемое историей и культурой. Автор «Эскиза...» убежден в том, что прошлое открывает нам картину последовательного развития человеческих качеств и способностей, что оказывается возможным благодаря изобретению разного рода культурных средств (научных понятий, математических обозначений, народных обычаев, правовых норм и общественных учреждений), которые аккумулируют интеллектуальные и моральные достижения и позволяют следующим поколениям их осваивать и идти дальше.

Следующим принципиально важным шагом в осмыслении социокультурного мотивирования стала разработанная *Карлом Марксом* (1818—1883) концепция «сущности человека» как ансамбля общественных отношений, выступившая в дальнейшем своего рода «точкой отсчета», относительно которой определяли свою позицию многие мыслители культурно-исторического направления (в частности М. Вебер, Э. Дюркгейм, Л.С. Выготский, М. Фуко и др.). Маркс отказался понимать сущность человека как некое природное качество, от рождения присущее каждому человеческому индивиду, противопоставив такому пониманию идею зависимости всех сколько-нибудь важных человеческих качеств, включая способности, потребности и представления о мире, во-первых,

² Впрочем, идея самоформирования человека была провозглашена еще в конце XV в. в знаменитой «Речи о достоинстве человека» Дж. Пико делла Мирандола (1962).

от уровня исторического развития общества и, во-вторых, от места, занимаемого данным индивидом в этом обществе. Еще одно важное нововведение Маркса состояло в переосмыслении гегелевской идеи об активности, самоопосредствовании и саморазвитии духа: Маркс понял все эти три характеристики как особенности человеческой деятельности (сначала материальной, а затем и идеальной), принципиально отличающие ее от непосредственной жизнедеятельности животного. Впоследствии эта идея была подхвачена Л.С. Выготским, предложившим концепцию знакового опосредствования высших психических процессов человека. Сам же Маркс анализировал прежде всего те крайне сложные формы опосредствования человеческой деятельности, которыми изобилует социальная действительность.

В частности, в статьях начала 1840-х гг. Маркс (1955а, б, в) осуществляет детальный анализ опосредствования деятельности людей таким сложноорганизованным «предметом», как *система бюрократического управления*, и показывает, что это опосредствование порождает в обществе целый ряд особых форм сознания и деятельности («мнимый либерализм», «нормативный образ чиновника», «официальная природа вещей», «служебное разумение» и ряд других), не зависящих от воли индивидов и не репрезентированных им, но побуждающих их действовать определенным образом. Такого рода формы характеризуются глобальностью по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, они определяют не восприятие того или иного конкретного объекта и не мотивацию какого-либо отдельного действия, а *образ мира* людей в целом, структурируют практически все рассматриваемые психологами частные формы регуляции индивидуальной деятельности: образ ситуации, я-концепцию, систему ценностей индивида, образ партнеров по действию, тип каузальной атрибуции и т.д. Во-вторых, во всех этих образованиях совершенно аналогично «коллективным представлениям» первобытных племен (см.: Леви-Брюль, 1994) абсолютно невозможно отделить друг от друга когнитивные, аффективно-оценочные и побудительные моменты (подробнее см.: Макаренко, 1985; Патяева, 1990). Осуществленный Марксом анализ ряда сложных форм сознания, порождаемых социальной жизнью, оказал влияние прежде всего на социологию и политологию, где культурно-историческое понимание человеческой мотивации стало в значительной мере само собой разумеющимся.

Принципиально важной гранью концепции Маркса выступает также положение о человеке как о постоянно «становящемся бытии», как о «переделывающем себя» существе, призванном снова и снова определять себя, в каждом своем действии вновь преодолевать «обезьяну» в себе и становиться человеком (подробнее см.: Библер, 1993). Гегелевская активность духа, опосредствующего и преобразующего себя самого, у Маркса стала (по крайней мере в возможности) активностью самого

человека. Необходимо отметить, что решающую роль в формировании человека Маркс отводил системе социальных отношений, которая, согласно его концепции, определяется развитием способа материального производства. Культура же оказывается фактором вторичным и несамостоятельным («надстройкой» над социально-экономическим «базисом»), хотя, безусловно, и вносит свой вклад в формирование индивида. Таким образом, его подход является, скорее, социально-историческим (а в ряде его работ даже социально-экономическим), чем культурно-историческим в собственном смысле слова.

Наметившийся разрыв между собственно «культурно-историческим» (Гердер, Гумбольдт, Кондорсе, отчасти Гегель) и «социально-историческим» (Маркс) вариантами понимания зависимости от общества психики человека в целом и его побуждений в частности был фактически преодолен в работе *Макса Вебера* (1864—1920) «Протестантская этика и дух капитализма»³.

«Этос» М. Вебера: строй жизни, предопределяющий поведение и чувства индивидов

Подобно Марксу, Вебер анализирует социальные отношения, в которые включены люди, но рассматривает их не как «чисто экономические», а в единстве их «объективного» экономического аспекта и их «субъективного» *смысла* для самих их участников. Иными словами, немецкий социолог делает акцент на идеях, «овладевших массами» и ставших действительными регуляторами поведения. Кроме того, он убедительно показывает, что сами «чисто экономические» отношения являются результатом определенного круга идей, определяющих сознание людей капиталистической эпохи.

Центральной понятием рассматриваемой работы (Вебер, 2002) оказывается «*этос*», или «*система практической этики*». Поставив перед собой задачу объяснить переход от «традиционалистского» способа жизни, унаследованного от Средневековья, к во многом противоположному ему «капиталистическому» способу жизни, М. Вебер выстраивает последовательный эволюционный ряд из четырех «этосов». Исходной точкой выступают (1) традиционалистский «этос» (или «дух традиционализма») и тесно с ним связанный католический «этос» (в двух своих разновидностях — мирской и монашеской). Характерной отличительной чертой этого «этоса» является равнодушное, пренебрежительное, порой

³ Категорию духа, активно использовавшуюся большинством его предшественников, Вебер лишает статуса особой субстанции и понимает, скорее, как «психический настрой» или «ментальность», характеризующие то или иное общество или социальную группу. Соответственно анализируемый им переход от «духа традиционализма» к «духу капитализма» оказывается результатом не «саморазвития духа» (как понимали аналогичные процессы Гегель, Лацарус и Штейнталь, Вундт, Дильтей и др.), а целого ряда детально отслеживаемых изменений в общественной и культурной жизни.

даже прямо подозрительное отношение к деньгам и их накоплению. Далее идут промежуточные ступени: (2) лютеранство как особый «этос» и (3) многочисленные направления аскетического протестантизма — кальвинизм, пуританство, пиетизм, методизм, баптизм и некоторые более мелкие секты. Конечной точкой всей этой эволюционной линии оказывается (4) капиталистический «этос» (или «дух капитализма»), ориентированный на деньги как на высшую ценность. Для каждого «этоса» Вебер описывает 5 групп социальных и культурных факторов, инициирующих и опосредующих мотивационные процессы людей.

1. *Принадлежность к определенному сообществу людей*: к общине, к церкви, к «избранным». Эта принадлежность выступает и переживается как абсолютная ценность, так что угроза какого бы то ни было исключения из сообщества — недопущение к причастию, исключение из общины, отрицание принадлежности к тем «избранным», которым предопределено «спастись», и т.п. — является реальной жизненной угрозой и мощным мотивирующим фактором.

2. *Социальная и ролевая структура данного сообщества*: авторитеты (главы церквей, протестантские «святые», «сделавшие себя» предприниматели) и простые члены сообщества, капиталистическое предприятие как система ролей и т.п.

3. *«Коллективные представления»⁴ о том, «что такое хорошо и что такое плохо»*: предписываемые обществом высшие цели жизни, идеальные и нормативные представления о подобающем каждому сословию образе жизни и поведении, система социально задаваемых оценок всевозможных явлений, людей, вещей, поступков и событий, т.е. весь, как говорит Вебер, «круг идей», характерный для каждого из рассматриваемых «этосов». Центральное место среди этих «коллективных представлений» занимают высшие цели, задаваемые данной «системой практической этики». Для католичества и всех направлений протестантизма это «спасение души и потустороннее блаженство», для «духа капитализма» — увеличение прибыли. Последнее Вебер иллюстрирует очень выразительным «поучением» Бенджамина Франклина (написанным в 1736—1748 гг. и обращенным к молодым людям) на тему «Время — это деньги, и их накопление есть главная жизненная задача человека» (Вебер, 2002, с. 32—34). Идеал этой «философии скупости», как пишет Вебер, — «кредитоспособный добропорядочный человек, долг которого рассматривать приумножение своего капитала как самоцель. Суть дела заключается в том, что здесь проповедуются не просто правила житейского поведения, а излагается своеобразная “этика”, отступление от которой рассматривается не только как глупость, но и как своего рода нарушение долга» (там же, с. 34). Иными словами,

⁴ В том смысле этого термина, который был выработан в трудах Э. Дюркгейма и Л. Леви-Брюля.

приумножение капитала принимает «характер этически окрашенной нормы, регулирующей весь уклад жизни» (там же, с. 36).

Другим принципиальным ценностным представлением, впервые появляющимся в лютеранстве и расширяющимся и обогащающимся в последующих «системах практической этики» (вплоть до социалистической включительно), выступает отношение к труду как к жизненному «призванию», абсолютной ценности и самоцели. Выполнение своих «мирских обязанностей» начинает восприниматься как высший долг человека в противоположность традиционному католическому противопоставлению «высшего» аскетического служения Богу «мирским занятиям» как «низким» формам жизни (там же, с. 57). Такого рода «нравственную квалификацию мирской профессиональной деятельности» Вебер считает «одной из самых важных идей, созданных Реформацией и, в частности, Лютером», именно ее «необычайно серьезными последствиями» и стали зарождение и расцвет «духа капитализма». Ибо на следующем этапе благодаря учению Кальвина о предопределении к спасению⁵ успех в выполнении этих обязанностей (а он стал измеряться «в денежном эквиваленте») начал интерпретироваться как «благословение Божье» и «знак избранности», что и дало старт продолжающейся по сей день «гонке» за успехом и за деньгами.

4. Повседневные «жизненные практики», т.е. деятельности, ритуалы и процедуры повседневной жизни, традиционно или рационально выстраиваемые «в свете» достижения предписанных высших целей и соответствия представлениям о хорошем и плохом. Каждый «этос» вырабатывает свою систему предписаний и эталонов поведения (напр., неуклонное следование своему профессиональному призванию или церковной дисциплине), ведущих к достижению высшей цели (или к уверенности в ее гарантированности для тебя), а также соответствующие психологические награды и наказания (чувство удовлетворения, угрызения совести и т.п.).

Важно отметить, что среди повседневных «жизненных практик» есть и такие, которые специально направлены на преобразование мотивации человека. Прежде всего, это «душеспасительные практики», нацеленные в конечном счете на спасение души и достижение вечного блаженства, а непосредственно имеющие дело с преодолением мучительного ощущения своей греховности и страха вечных мук. М. Вебер показывает, что если в католическом «этосе» душеспасительные практики заключались в участии в церковных таинствах и регулярной исповеди, снимавшей с верующего бремя грехов, то кальвинизм, лишивший церковные таинства функции спасения и отменивший исповедь, поставил верующего в существенно более сложную ситуацию, а именно в ту, когда

⁵ Спасение души нельзя «заработать» ни личным благочестием, ни добрыми делами, ни чем иным, ибо круг тех, кто будет спасен, предопределен Богом от сотворения мира.

в решающем для человека того времени вопросе о своей избранности либо неизбранности к вечному спасению никто не может ему помочь — ни церковь, ни священник, ни близкие. Только он сам может добиться той «устойчивости веры», которая служит доказательством благодати и предопределенности к спасению. В это время складываются два новых, тесно взаимосвязанных, типа душеспасительных назиданий. Первый состоит в том, что «верующему вменяется в прямую обязанность считать себя избранником Божиим и прогонять сомнения как дьявольское искушение, ибо недостаточная уверенность в своем избранничестве свидетельствует о неполноте веры и, следовательно, о неполноте благодати», так что «на смену смиренным грешникам, которым Лютер сулил Божью милость, если они, преисполненные веры и раскаяния, вверят себя Богу, теперь в лице непреклонных купцов героической эпохи капитализма приходят выпестованные пуританизмом “святые”» (Вебер, 2002, с. 117—118). Второй же способ заключается в том, что «в качестве наилучшего средства для обретения внутренней уверенности в спасении рассматривается неутомимая деятельность в рамках своей профессии. Она, и только она, прогоняет сомнения религиозного характера и дает уверенность в своем избранничестве» (там же).

5. Система внешнего и внутреннего контроля и специальных санкций (наград и наказаний) за «правильное» и «неправильное», т.е. соответствующее и не соответствующее коллективным представлениям, поведение. Спектр внешних санкций в религиозных «этосах» может простирается от простого порицания до недопущения к причастию или даже до исключения из общины. Характерным для большинства направлений аскетического протестантизма средством внутреннего контроля выступали религиозные дневники, куда методично заносились все сколько-нибудь важные поступки или помыслы. В уже сформированном капиталистическом «этосе» естественными санкциями выступают денежные вознаграждения и штрафы. Причем Вебер подчеркивает, что внешне одно и то же вознаграждение может иметь совершенно разный смысл в разных системах практической этики, например: увеличение расценок в сезон уборки урожая повышает выработку у «носителей духа капитализма» (можно много заработать за короткое время), однако снижает ее у «носителей духа традиционализма» (можно меньше работать, чтобы получить нужное для жизни количество денег) (там же, с. 41). Иными словами, «традиционалистский» рабочий снижает производительность, «довольствуясь» прежним заработком.

В целом работа Вебера показывает, как «из духа христианской аскезы» возникает рациональное жизненное поведение на основе идеи профессионального призвания, выступающее «одним из конституционных компонентов современного капиталистического духа, и не только его, но и всей современной культуры». А на языке психологии мотивации это означает рождение новых устойчивых мотивационных образова-

ний вроде «профессионального долга» и «потребности в достижении» или «мотива достижения»⁶, а также рождение новой мотивационной структуры действия — произвольного «целе-рационального» действия. В числе факторов, приводящих к рождению новых побуждений и мотивационных процессов, оказываются принадлежность к общине или социальному слою, социальные отношения (в масштабах церковного прихода, сельской общины или капиталистического предприятия), идеи, социальные санкции и разного рода повседневные практики.

«Социальное поле» К. Левина

Первым из представителей психологии мотивации, обратившимся к анализу сложных систем социального мотивирования, был Курт Левин (к сожалению, соответствующие его работы, стимулировав бурное развитие социальной психологии, практически не оказали влияния на психологию мотивации как таковую). Уже в последней большой работе немецкого периода «Психологическая ситуация награды и наказания» Левин (2001) вышел за рамки потребностной парадигмы мотивации, начав анализировать побудительные процессы человека в совсем иных понятиях, таких, как поле власти, давление взрослого на ребенка, социальные и идеологические барьеры. В последующие годы его интересы все больше смещаются в сторону анализа межиндивидуальных и социальных процессов, в том числе и мотивационных. Этому способствовал вынужденный переезд в Америку и практическое вхождение в жизнь общества, во многом отличного от того, которое Левин оставил в Германии. В работах американского периода мотивация перестала быть самостоятельной темой отдельных исследований, однако она никуда не исчезла: анализ мотивации стал органической частью изучения более сложной реальности, вроде психологической атмосферы в стране или процессов внутригруппового взаимодействия (Левин, 2000).

Понятия, выработанные еще в немецкий период жизни, — «протранство свободного движения личности» (ограниченное, с одной стороны, недостатком способностей и умений, с другой — социальными запретами), «степени свободы», «степень отчетливости границ» — Левин начинает использовать не только для описания жизненной ситуации ребенка, но и для анализа ситуации взрослого, живущего в той или иной культуре и являющегося членом разного рода групп (там же, с. 106—147). Общее положение о побудительном влиянии социального окружения («социального поля») он конкретизирует и развивает в двух направлениях, рассматривая, с одной стороны, создание «групповой атмосферы» и ее влияние на поведение членов группы, с другой — побудительные

⁶ Исследование исторического развития «индекса мотивации достижения», осуществленное Д. МакКлеllandом, подтвердило результаты анализа М. Вебера (см.: Хекхаузен, 1986, т. 1, с. 283—285).

«паттерны», свойственные той или иной культуре (в частности американской, германской догитлеровской и нацистской).

Побудительное влияние «групповой атмосферы» иллюстрируют классические эксперименты Левина, Липпита и Уайта по изучению влияния стиля лидерства на работу группы (там же, с. 198—214). Они строились как занятия школьного кружка по изготовлению масок, при этом в одной группе руководитель кружка целенаправленно пытался создать демократическую атмосферу, во второй — авторитарную. Таким образом, мы сталкиваемся здесь не с обычной для мотивационных исследований простой «актуализацией потребности» или «созданием квазипотребности» в виде готовности выполнять инструкцию экспериментатора, а с гораздо более сложной многоуровневой структурой мотивирования участников кружка. Во-первых, есть общая социальная рамка, очерчивающая содержание деятельности (кружок *по изготовлению масок*) и задающая определенную структуру мотивирования действий (кружок по изготовлению масок подразумевает, что его участники принимают определенные нормы совместной деятельности и взаимодействия друг с другом). Во-вторых, задается вполне определенная ролевая структура взаимодействия — один руководитель кружка и несколько участников. В-третьих, действиями руководителя создается групповая атмосфера (демократическая либо авторитарная), которая влияет на поведение участников, на их взаимодействие между собой и с руководителем. Наконец, в-четвертых, есть конкретные побудительные воздействия — предложения, просьбы, предоставление права выбора, задания, предписания, критика, похвалы и т.п.

В авторитарной группе направление работы задавал руководитель, и соответствующие цели и действия Левин назвал *вынужденными*. В демократической же группе руководитель поощрял *самостоятельный* выбор детьми направления их действий. Как известно, в серии экспериментов со стилями лидерства (по ходу исследования к двум исходным был добавлен еще и либеральный, или попустительский, стиль) было обнаружено, что навязываемый руководителем «стиль жизни и мышления» во многом определял поведение детей: авторитарная групповая атмосфера побуждает участников к враждебным действиям и поведению доминирования, демократическая — к сотрудничеству, дружелюбному поведению и конструктивным действиям.

Что касается общекультурных побудительных «паттернов» (или «культурального климата»), то объектом анализа Левина становится прежде всего немецкое общество, при этом он показывает как преемственность «культурных норм» в догитлеровской и нацистской Германии, так и существующие между ними различия (Левин, 2000, с. 160—178). Центральное место в присущем той или иной культуре побудительном паттерне Левин отводит высшим ценностям, утверждаемым в данной культуре, в сопоставлении с отвергаемыми ценностями (для нацистской

Германии высшими утверждаемыми ценностями выступают «власть и сила», отвергаемыми — «справедливость и равенство людей»). Для Левина принципиально важно, что ценности не только заявляются и пропагандируются, но в форме «традиций», «общепринятых способов действия» и «норм поведения» пронизывают все аспекты культуры, включая поведение в семье, в школе, в гостях, на производстве, в суде и т.п. Наконец, третьим принципиальным моментом «побудительного паттерна культуры» выступают политические силы как сплоченные группы людей, обладающие властью и стремящиеся ее удержать (или вернуть), а следовательно, имеющие возможность устанавливать режим террора и угнетения и силой навязывать тот или иной «социальный климат» (там же). Соответственно для «трансформации культуры» (а именно в этом видел Левин «пределный смысл» своих исследований) необходимо не только пропагандировать новые ценности и развенчивать старые, но и, что гораздо сложнее, внедрять новые нормы и способы поведения в повседневную жизнь, а также «трансформировать властные констелляции» (т.е. необратимо отстранять от власти прежние политические группы и создавать «политические силы нового порядка») (там же).

Социокультурный «диспозитив» М. Фуко

Если психологи до сих пор часто продолжают анализировать мотивацию исключительно в терминах индивидуальных мотивов и отдельных ситуативных воздействий, то «для большинства социологов самоочевидно», что наши действия побуждаются прежде всего социальными влияниями и воздействиями (Боглинд, 1992, с. 33—34). И одной из наиболее психологически проработанных концепций влияния общества на мотивационные процессы человека является концепция социокультурных диспозитивов *Мишеля Фуко* (см., напр.: Розин, 2003; Табачникова, 1996; Фуко, 1996). Диспозитив — это своего рода «очень большое средство», используемое обществом для создания мотивов и опосредствования мотивационных процессов своих членов. Фуко определяет диспозитив прежде всего как «некий ансамбль — радикально гетерогенный, — включающий в себя дискурсы, институты, архитектурные планировки, регламентирующие решения, законы, административные меры, научные высказывания, философские, но также и моральные, и филантропические положения, — стало быть: сказанное, точно так же, как и не-сказанное, — вот *элементы* диспозитива. Собственно диспозитив — это *сеть*, которая может быть установлена между этими элементами» (цит. по: Табачникова, 1996, с. 368).

Как и классические культурные средства вроде жребия и «узелков на память», диспозитив представляет собой форму социокультурного опосредствования человеческого поведения. Но если средство — это нечто, чем человек данной культуры *располагает и может сам воспользоваться* при необходимости (такими средствами могут быть амулеты, символы,

стихотворные строки и многое другое), то диспозитив, как и «социальное поле» в понимании Левина, — это нечто, *внутри чего мы находимся*, что *охватывает* или даже *захватывает» нас* и побуждает вести себя вполне определенным образом. Таковы, например, коллективный ритуал, система социальных статусов и государственной власти, потоки рекламы и массовой информации, религия как единство представлений о мире, норм поведения, символов, социальных позиций и т.п. Иными словами, диспозитивы — это тоже своего рода средства овладения поведением, но принадлежащие не отдельному человеку, а обществу и культуре как «надчеловеческим» образованиям, поэтому они существенно отличаются от культурных средств в трех отношениях. Во-первых, средства представляют собой *объекты* (в широком смысле слова), которыми мы можем пользоваться для воздействия на себя или на другого, тогда как диспозитивы выступают скорее определенной социокультурной *средой* (или, по В. Гумбольдту, культурной стихией), внутри которой мы находимся. Во-вторых, разного рода средства мы можем использовать произвольно, по своему желанию, выступая *источником активности*, тогда как в случае диспозитива человек часто оказывается *пешкой* или *винтиком*, исполняющим волю общества в целом или же отдельных социальных институтов и групп. Наконец, в-третьих, использование средств есть форма *опосредствования* мотивационных процессов человека, тогда как диспозитивы представляют собой не только опосредствующие, но еще и собственно *мотивирующие* социокультурные системы, инициирующие целый ряд человеческих побуждений.

Диспозитивы могут быть различными как по содержанию, так и по количеству охватываемых людей и длительности влияния: например, внутри такого «глобального» диспозитива, как христианская (или любая иная) религия, существуют более локальные диспозитивы, такие, как церковная школа или отдельное богослужение. Внутри многих диспозитивов обычно вырабатываются и собственно культурные средства, которыми может пользоваться человек для управления собой и своим поведением в соответствии с логикой диспозитива: например, он может помолиться, чтобы не поддаться искушению, или напомнить себе какой-нибудь суровой лозунг, чтобы преодолеть естественную жалость к поверженному врагу, которого предписано уничтожить.

Сам М. Фуко (1996, 2007) наиболее детально проанализировал диспозитивы сексуальности и психиатрической власти, в отечественной литературе В.М. Розин (2003), следуя методам анализа Фуко, описал «медицинский диспозитив», «диспозитив здоровья» и «диспозитив образования». Впрочем, если отвлечься от самого термина, то мы найдем гораздо больше фактов анализа диспозитивов как современного общества, так и недавнего прошлого. К ним можно отнести, например, работы И. Иллича (2006), К. Роджерса и Дж. Фрейберга (2002), К. Джерджена (2000) по образовательным диспозитивам; описание «на-

учного диспозитива» Р. Мертоном и другими социологами (Ригне, 1992); многочисленные интерпретации советского общества как своего рода всеохватывающего диспозитива, опосредствующего мотивационные и когнитивные процессы его граждан (см., напр.: Геллер, 1994; Синявский, 2002) или выполненный коллективом мюнхенских психологов анализ диспозитива «психолого-практической деятельности» (*Psyche...*, 1981). При этом одним из наиболее полномасштабных и психологически аргументированных описаний социокультурных диспозитивов как форм опосредования мотивационных процессов человека до сих пор остается классическая работа М. Вебера (2002). Вебер использует разные понятия: «практическая этика», «этос», «дух» (традиционализма и капитализма), «способ жизни», но подразумевает под ними ту самую систему (или «сеть») опосредующих человеческое поведение социальных установлений, институтов и дискурсов, которую десятилетиями позже М. Фуко назвал диспозитивом.

Некоторые другие работы, обогащающие наше представление о системах социокультурного мотивирования, а также общие контуры разработанной нами модели объединяющей в целостную картину описанные разными авторами формы социокультурного мотивирования, будут представлены в следующей статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Библер В.С. Самостоянье человека. Предметная деятельность в концепции Маркса и самодетерминация индивида. Кемерово, 1993.

Боглинд А. Структурализм и функционализм // Современная западная социология: теории, традиции, перспективы / Под ред. П. Монсона; Пер. со шв. СПб., 1992. С. 31—71.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Ивано-Франковск, 2002.

Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994.

Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

Гумбольдт В. фон. О влиянии различного характера языков на литературу и духовное развитие // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984а. С. 324—326.

Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984б. С. 37—297.

Гумбольдт В. фон. О пределах государственной деятельности. Челябинск, 2009.

Джерджен К.Дж. Социальное конструирование и педагогическая практика // Образовательные практики: амплификация маргинальности. Альманах № 4. Минск, 2000. С. 74—101.

Иллич И. Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир. М., 2006.

Кондорсе Ж.-А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.; Л., 1936.

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении // Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. С. 373—600.

Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб., 2000.

Левин К. Психологическая ситуация награды и наказания // Левин К. Динамическая психология: Избр. труды. М., 2001. С. 165—205.

Макаренко В. П. Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах К. Маркса. Ростов н/Д, 1985.

Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I. М., 1955а. С. 3—27.

Маркс К. Дебаты шестого Рейнского ландтага (статья первая) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I. М., 1955б. С. 30—84.

Маркс К. Оправдание Мозельского корреспондента // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I. М., 1955в. С. 191—217.

Патяева Е. Ю. К анализу сложных форм опосредования индивидуальной деятельности // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы / Под ред. В. В. Давыдова, Д. А. Леонтьева. М., 1990. С. 83—96.

Пико дела Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека / Пер. Л. Брагиной // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: В 5 т. Т. I. М., 1962. С. 506—514.

Ригне Э. М. Социология познания и науки // Современная западная социология: теории, традиции, перспективы / Под ред. П. Монсона; Пер. со шв. СПб., 1992. С. 191—227.

Роджерс К., Фрейберг Дж. Свобода учиться. М., 2002.

Розин В. М. Культурология. 2-е изд. М., 2003.

Синявский А. Д. Основы советской цивилизации. М., 2002.

Табачникова С. В. Мишель Фуко: историк настоящего // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 327—443.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.

Фуко М. Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973—1974 учебном году. СПб., 2007.

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2 т. М., 1986.

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. 2-е изд. СПб.; М., 2003.

Forster M. Johann Gottfried von Herder // The Stanford encyclopedia of philosophy / Ed. by E. N. Zalta. URL: <http://plato.stanford.edu/archives/fall2008/entries/herder/>

Psyche in schlechter Gesellschaft. Zur Krise klinisch-psychologischer Tätigkeit / Hgg. E. v. Kardorff, E. Koenen. München; Wien; Baltimore, 1981.

Поступила в редакцию

15.03.12

Е. И. Рассказова

МЕТОДЫ ДИАГНОСТИКИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В НАУКАХ О ЧЕЛОВЕКЕ

В статье рассматриваются особенности представлений о качестве жизни в различных науках о человеке (психологии, медицине и здравоохранении, экономике и социологии) и соответствующие им требования к методам диагностики. Дается обзор основных типов диагностических инструментов (популяционные индикаторы и индексы, стандартизированные опросники, индивидуализированные техники), обсуждаются их возможности и ограничения.

Ключевые слова: качество жизни, субъективное благополучие, удовлетворенность, здоровье, науки о человеке, диагностика, оценка, методы.

The paper is devoted to approaches to the quality of life in different human sciences (psychology, medicine, economics, sociology) and demands to the methods of the diagnostics. Major types of diagnostic instruments (population-based indicators and indexes, standardized questionnaires, individualized techniques) are reviewed; their strengths and limitations are discussed.

Key words: quality of life, subjective well-being, satisfaction with life, health, human sciences, diagnostics, assessment, methods.

Качество жизни (КЖ) — междисциплинарное понятие, входящее в круг интересов таких наук о человеке, как психология, экономика, социология, медицина и здравоохранение. Различия в теоретических и прикладных задачах этих дисциплин приводят к разным определениям и моделям КЖ, а также к выдвиганию разных критериев его диагностики. Согласно Р. Шэлочу (Schalok, 2004), можно выделить более 100 определений КЖ — как глобальных (обычно делающих акцент на счастье и удовлетворенность или связывающих КЖ со здоровьем), так и структурных (определяющих КЖ через его компоненты или домены). Для оценки КЖ предложено около 1200 различных инструментов (Pic et al., 2010), а одна из самых масштабных баз данных (*ProQolid*) включает более 700 их описаний. Если говорить о типах методов диагностики качества жизни, то 22% относятся к общим методикам, 18% оценивают отдельные измерения или домены КЖ, около 46% специфичны для какой-либо

Рассказова Елена Игоревна — канд. психол. наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, ст. науч. сотр. ф-та психологии ГУ ВШЭ. *E-mail:* e.i.rasskazova@gmail.com

Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

болезни или группы людей, 10% связаны с экономической оценкой полезности (сравнительной эффективности различных вложений ресурсов для повышения КЖ), 1% — индивидуализированные методики и техники. В России многие методы оценки КЖ либо неизвестны, либо переводятся и применяются стихийно, без учета специфики задач, для решения которых они были разработаны, и требований к диагностике. На этом фоне особую актуальность приобретают задачи обзора и систематизации материалов.

В данной статье будут рассмотрены представления о КЖ в различных науках о человеке и соответствующие им требования к методам диагностики; основные типы, возможности и ограничения инструментов диагностики КЖ; базы данных по соответствующим инструментам.

Представления о качестве жизни и его диагностике в науках о человеке

В *психологии* КЖ обычно рассматривается как синоним субъективного благополучия или, более узко, его когнитивной составляющей — удовлетворенности жизнью (Pic et al., 2010). Основная задача диагностики при этом — выявление общего уровня субъективного благополучия отдельного человека, обычно без учета объективной ситуации, а структура диагностического инструмента задается предпочитаемой исследователем теоретической моделью.

В *медицине*, в отличие от психологии, КЖ рассматривается как понятие более глобальное по сравнению с субъективным благополучием и удовлетворенностью, тесно связанное со здоровьем. Часто используют даже термин «качество жизни, связанное со здоровьем» (Sirgy et al., 2006). При этом и здоровье, и КЖ понимаются в логике определения Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) как состояние физического, психологического и социального благополучия. При диагностике КЖ большое внимание уделяется сопоставлению субъективных и объективных показателей, оценке влияния здоровья на разные сферы жизни, а также оценке динамики состояния в разных сферах.

Понимание КЖ в *здравоохранении* в целом соответствует медицинскому пониманию, но с той оговоркой, что имеется в виду КЖ в популяции или группе людей. Преобладают объективные эпидемиологические показатели заболеваемости, распространенности болезней, относительного риска и т.п., а также интегральные показатели, основанные на использовании шкалы интервалов (например, индекс продолжительности жизни с учетом ее качества — *QALY*). Основания для выбора индикаторов и расчета индексов задаются не теоретическими моделями, а задачами практики.

В *экономике и социологии* понятие КЖ связано с необходимостью охарактеризовать те составляющие благополучия населения и социальных процессов, которые не сводятся к финансовому благосостоянию.

В социологии речь идет об оценке социальных процессов, стоящих за теми или иными экономическими изменениями. В экономике термин КЖ характеризует меру благополучия населения, не объясняемую величиной валового внутреннего продукта и связанную с нерыночной активностью (например, нелегальной) и неэкономическими факторами (например, особенностями культуры). При диагностике предпочтение отдается популяционным индексам, позволяющим учесть как объективные, так и субъективные показатели, а также дающим возможность принимать политические и финансовые решения.

Инструменты диагностики качества жизни

В обзоре теоретических и философских оснований КЖ (А. Михалос, см.: Sirgy et al., 2006) дается 15 возможных критериев, теоретически позволяющих создать более 200 000 (!) принципиально разных измерительных систем. В целом можно предложить следующую классификацию методов диагностики КЖ, основанную на таких ключевых критериях, как субъективность/объективность, популяционность/индивидуальность диагностики, интегральность/структурность методов (табл. 1). Рассмотрим подробнее разные типы инструментов диагностики КЖ.

Диагностика КЖ в популяционных исследованиях

Исторически диагностика КЖ популяции производилась при помощи отдельных показателей — так называемых индикаторов, в первую очередь объективных. С появлением данных о несоответствии субъективной и объективной оценки в социологии и экономике все большее распространение получили субъективные показатели. Преимуществом диагностики при помощи отдельных индикаторов является ее детализированный характер и ориентированность на конкретные практические нужды, но остается открытым вопрос о выборе и сочетании субъективных и объективных показателей. Невозможно и их сравнение между собой (например, выбор между двумя программами лечения, если их эффективность оценена по-разному). Кроме того, отдельные индикаторы не дают возможности охарактеризовать ситуацию в целом и учесть ее различные аспекты.

Можно выделить три пути преодоления этих ограничений. Первый путь связан с *интегральной оценкой «удовлетворенности жизнью» и «счастьем»*. Исследования этой темы, как правило, основанные на ответах испытуемых на единственный вопрос о счастье или благополучии, часто подвергались критике за субъективность, зависимость от языка и культуры, а также за то, что они характеризуют скорее доминирующее представление о жизни, чем собственно КЖ. Кроме того, использование единственного показателя не обеспечивает достаточной надежности результатов.

Классификация инструментов диагностики качества жизни (КЖ)

Инструменты диагностики КЖ	Критерии классификации		
	Популяционность / индивидуальность	Субъективность / объективность	Интегральность / структурность
<i>Тип I. Диагностика КЖ в популяционных исследованиях (экономика, социология, здравоохранение)</i>			
Отдельные эпидемиологические показатели и индикаторы	П	О, С	ЭС
Субъективная оценка счастья и благополучия	П, И	С	И
Индексы КЖ	П, И, ИЗ	О, С	И
<i>Тип II. Опросниковые методы диагностики КЖ и благополучия (психология, медицина)</i>			
Стандартизированные опросники оценки здоровья и КЖ	И	С, ОЗ	ЭС
Стандартизированные опросники оценки здоровья и КЖ со «взвешиванием» доменов	И, П	С, ОЗ	И, ЭС
Стандартизированные опросники оценки субъективного благополучия, счастья и удовлетворенности жизнью — интегральная оценка	И, П	С	И
Стандартизированные опросники оценки субъективного благополучия, счастья и удовлетворенности жизнью — профили	И	С	ТС
Методики, специфичные для болезни	ИЗ	С, ОЗ	ЭС
<i>Тип III. Индивидуализированные инструменты и интервью (психология, медицина)</i>			
Нарративные техники, разработанные для выявления критериев субъективных оценок	ИЗ	С-К	ЭС, ТС
Индивидуализированные инструменты	ИЗ	С	ЭС
<i>Тип IV. Методы процессуальной оценки КЖ и благополучия (психология, медицина)</i>			
Ретроспективная оценка при помощи дневников, позволяющая подробно восстановить некоторый период времени жизни испытуемых	ИЗ, И	ОЗ, С	ЭС, ТС
Непосредственная оценка состояния и благополучия в течение дня (например, метод отбора переживаний)	ИЗ, И	ОЗ, С	ЭС, ТС

Условные обозначения:

- Популяционность/индивидуальность: П — популяционные инструменты, ориентированы на оценку в популяции; И — индивидуальные, ориентированы на оценку индивида; ИЗ — индивидуализированные, ориентированы на оценку группы или конкретного индивида с учетом их уникальных особенностей и предпочтений.
- Субъективность/объективность: О — объективные показатели; ОЗ — «объективизированная» оценка (субъективная по содержанию), осуществляется по внешним критериям, доступным наблюдателю; С — субъективная оценка; С-К — субъективная оценка с эксплицитными критериями (эксплицитно задаются или проясняются критерии «краев» шкалы).
- Интегральность/структурность: И — интегральные показатели; ЭС — эмпирическая структура (структура шкал/доменов задается эмпирически и в соответствии с практическими задачами); ТС — теоретическая структура (структура шкал задается теоретически в соответствии с моделью).

Второй путь основан на разработке *индексов КЖ*, объединяющих серию экономических показателей. Например, в 2005 г. компания *Economist Intelligence Unit* предложила следующий индекс качества жизни (*Quality of Life Index* — см.: http://www.economist.com/media/pdf/QUALITY_OF_LIFE.pdf). На первом этапе при помощи регрессионного анализа выявлялись экономические показатели, позволяющие предсказать субъективную удовлетворенность жизнью в разных странах. На основе оставшихся 9 частных показателей (например: здоровье — ожидаемая продолжительность жизни при рождении; семейная жизнь — уровень разводов; климат и география — различие между странами с теплым и холодным климатом; и т.п.) рассчитывался индекс КЖ от 1 до 10. Преимуществом такого рода индексов является возможность интегральной оценки, совмещающей субъективные и объективные показатели. Однако выбор и «взвешивание» индикаторов в структуре индекса основаны на социальных конвенциях и нередко не соответствуют ни распространенным определениям КЖ, ни конкретным практическим задачам.

Третий путь связан с созданием *индексов, основанных на предпочтениях*, позволяющих сравнивать разные ситуации и состояния на одной шкале. Наиболее распространенный при оценке качества жизни способ (Cohen, Henderson, 1991) — это анализ «затрат-полезности» (*cost-utility analysis* — *CUA*), при котором либо исследуется, как достичь максимальной выгоды при конкретном доступном бюджете, либо зафиксирована цель (какая выгода нужна), и нужно определить путь к ней с минимальными затратами. Цель измеряется при помощи особого показателя лет жизни с учетом ее качества (индекс *QALY* — *quality-adjusted life years*). Поскольку год жизни, наполненный болью и неспособностью передвигаться, не то же самое, что год здоровой и активной жизни, при расчете *QALY* создается шкала предпочтений состояний: год жизни «взвешивается» с учетом ее качества. Основное достоинство индекса в том, что его можно применять к любым людям и при любых заболеваниях (что позволяет сравнивать их между собой), как для популяционной, так и для индивидуализированной оценки. Однако результаты расчета *QALY* существенно различаются в зависимости от того, на чьем мнении (популяции, экспертов, больных) основана оценка, как и когда она проводилась (например, при возникновении параплегии люди испытывают серьезные трудности, но довольно быстро переходят к значительно более спокойной оценке своего состояния), какие сферы оценивались (Drummond et al., 2009; Smith et al., 2009).

Поскольку *QALY* не позволяет учесть ответы и приоритеты разных групп населения (например, здоровых людей и терминальных больных), недавно начата разработка новой измерительной системы КЖ — информационная система оценки пациентом результатов лечения и КЖ

(*Patient Reported Outcomes Measurement Information System — PROMIS*. См.: <http://www.nihpromis.org/default.aspx>). Система строится на индивидуальном подборе вопросов в зависимости от предыдущих ответов испытуемого (в основе лежит теория ответов на пункты, *Item Response Theory — IRT*).

Опросниковые методы диагностики КЖ и благополучия

1. *Стандартизированные опросники оценки здоровья и КЖ* основаны на построении профилей качества жизни и здоровья (благополучия в разных сферах). К числу наиболее распространенных относятся краткая версия опросника оценки качества жизни *SF-36 (Medical Outcome Study SF-36 — см.: McDowell, 2006)* и опросник качества жизни ВОЗ (полная версия *WHOQOL-100* и краткая версия *WHOQOL-BREF — ibid*). *SF-36* состоит из 36 пунктов, объединенных в 8 шкал и 2 интегральных показателя — физическое здоровье (шкалы физического функционирования, ролевого физического функционирования, физической боли, общего здоровья) и психологическое здоровье (шкалы витальности, социального функционирования, ролевого эмоционального функционирования, психического здоровья¹). Полная версия методики *WHOQOL* состоит из 100 пунктов, тогда как краткий опросник КЖ включает 26 пунктов. Краткая версия методики позволяет оценить качество жизни в четырех доменах — физическое здоровье, психологическое качество жизни, социальное качество жизни и окружение. Обе методики апробированы на русском языке с достаточными психометрическими показателями (Бурковский и др., 1995; Новик, Ионова, 2007; Skevington et al., 2004).

Важным ограничением стандартизированных опросников оценки КЖ является их содержательная неоднородность: например, в опроснике *SF-36* смешаны характеристики состояния и удовлетворенности состоянием (например, бодрость, здоровье), оценка трудностей, связанных с состоянием (чему и в какой степени мешало физическое или эмоциональное состояние), а также его динамики (как изменилось физическое состояние за год). Кроме того, выбор доменов для оценки КЖ основан на эмпирических задачах и существенно варьируется от методики к методике. Для преодоления этих трудностей все чаще предлагаются методики, использующие единые критерии оценки (например, в опроснике КЖ и удовлетворенности (*Quality of Life Enjoyment and Satisfaction Questionnaire*) оценивается только субъективная удовлетворенность состоянием в каждой сфере (Ritsner et al., 2005), а при

¹ В официальной русскоязычной версии шкалы *Vitality* переведена как шкала *жизнеспособности*, шкала *Mental health* — как *психологическое здоровье*. В связи с неоднозначностью толкования обоих терминов мы сохранили дословный перевод названий.

разработке доменной структуры используются масштабные интервью о качестве жизни в норме и патологии (например, так создавалась Шкала качества жизни, *Quality of Life Scale — QOLS*. См.: Burckhardt et al., 2003; Flanagan, 1978).

Поскольку разные домены могут быть в разной степени важны для КЖ, в некоторых случаях оценка КЖ дополняется «взвешиванием» доменов. При этом «веса» либо приписываются самим испытуемым (он оценивает важность каждой сферы, например, в *Quality of Life Inventory*. См.: Frisch, 2006), либо формируются на основе опросов и ранних исследований (например, в *Nottingham Health Profile*. См.: Hunt et al., 1985).

Наконец, для отдельных групп испытуемых и пациентов предложены специфичные для болезни методики оценки качества жизни. С одной стороны, такие методики позволяют учесть уникальные особенности и потребности испытуемых, но, с другой стороны, они не позволяют сравнивать разные группы и заболевания между собой.

2. *Шкалы субъективного благополучия, счастья и удовлетворенности жизнью* — это скрининговые методики, разработанные в психологии для интегральной оценки счастья и благополучия. Наибольшее распространение получили шкалы удовлетворенности жизнью Э. Динера (Diener et al., 1985) и субъективного счастья С. Любомирски (Lyubomirsky, Lepper, 1999). Шкала удовлетворенности жизнью состоит из 5 пунктов и ориентирована на оценку жизни в целом по отношению к некоторому субъективному стандарту или идеалу (например, «У меня есть в жизни то, что мне по-настоящему нужно»). Шкала субъективного счастья состоит из 4 пунктов и позволяет оценить, насколько испытуемый счастлив. В большинстве пунктов критерием является социальное сравнение (например, «По сравнению с большинством сверстников я более или менее счастлив»). Обе шкалы адаптированы на русском языке (Осин, Леонтьев [эл. ресурс]).

3. *Профили субъективного благополучия* близки шкалам предыдущего типа, но включают набор показателей, соответствующих теоретическим моделям. Например, Э. Динер и К. Райан (Diener, Ryan, 2009) выделяют в структуре субъективного благополучия три компонента: удовлетворенность жизнью (интегральная когнитивная оценка), позитивные и негативные эмоции, что подразумевает дополнение его шкалы опросниками оценки эмоций. Методика К. Рифф (Ryff, Keyes, 1995) основана на выделении таких следующих компонентов психологического благополучия, как цели в жизни, положительные отношения с другими, личностный рост, управление окружением, самопринятие и автономия. В России было предложено несколько версий методики К. Рифф (напр.: Пергаменщик, Лепешинский, 2007), однако ни в одном случае психометрические характеристики нельзя признать полными и достаточными.

Индивидуализированные инструменты и интервью

Стандартизированные опросники нередко критиковались за неясность критериев и несоответствие конкретным людям или группам. Существует две группы инструментов и техник, направленных на преодоление этих трудностей.

1. *Нарративные техники*, разработанные для выявления критериев субъективных оценок. Большинство опросников предполагает оценку КЖ по шкале «лучше—хуже», при этом субъективные критерии такой оценки зависят от прошлого опыта, ожиданий, ситуации, личностных особенностей, возраста, пола, культуры и т.п. Одной из наиболее распространенных техник, направленных на выявление имплицитных критериев оценки, является анамнестическая сравнительная самооценка (*Anamnestic Comparative Self-Assessment — ACSA*. См.: Bernheim et al., 2006; Moller et al., 2008). Это качественный метод исследования, при котором испытуемый сам определяет границы оценочной шкалы: его просят рассказать историю о самом лучшем и самом худшем периоде его жизни, а затем оценить свою ситуацию в настоящее время на получившейся шкале. Оценки по ACSA, в отличие от стандартной диагностики, более чувствительны к состоянию больных (в частности, оценки очень низки при терминальных стадиях заболеваний, возрастают после успешных операций по трансплантации и т.п.) и не зависят от социально-демографических характеристик.

2. *Индивидуализированные инструменты*. При использовании индивидуализированных инструментов испытуемый сам выбирает важные для него сферы и затем их оценивает. Наиболее распространены две процедуры: индекс, созданный пациентом (*Patient Generated Index — PGI*. См.: Martin et al., 2007), и схема оценки индивидуального качества жизни (*Schedule for the Evaluation of Individual Quality of Life — SEIQoL*. См.: Wettergren et al., 2009). Обе процедуры — полуструктурированные интервью, в ходе которых испытуемые называют важные для них сферы, а затем ранжируют их и оценивают их важность (вес). Разница состоит в том, что *PGI* оценивает влияние болезни на КЖ пациента, тогда как *SEIQoL* — КЖ в целом. Результаты оценки при помощи индивидуализированных инструментов коррелируют на среднем или высоком уровне с результатами стандартной оценки общего КЖ, удовлетворенности, психического здоровья и слабо связаны с функциональным статусом, тяжестью заболевания, временем, прошедшим с момента постановки диагноза (ibid). Большинство данных свидетельствует о ретестовой надежности инструментов, тогда как данные об их чувствительности к изменениям КЖ (например, в результате лечения или с течением времени после постановки онкологического диагноза) противоречивы.

Методы процессуальной оценки КЖ и благополучия

В психологии разработана методика процессуальной оценки КЖ, связанная с развитием так называемых теорий по типу «снизу вверх», согласно которым благополучие не является стабильной характеристикой личности, а задается процессом переживаний в данный момент времени (Diener, Ryan, 2009). В медицине близкие методы были предложены в связи с необходимостью оценить изменения в состоянии пациента с течением времени (McDowel, 2006). Примеры таких методов: ретроспективная оценка, оценка при помощи дневников, а также непосредственная оценка, в частности при помощи метода отбора переживаний (*Experience Sampling Method — ESM*. См.: Experience..., 2006; Sirgy et al., 2006). Испытуемый заполняет серию методик, оценивающих его состояние в разные моменты времени в течение дня, как правило, по сигналу (посланному на телефон или пейджер). Поскольку такие методы носят описательный характер, проверить их надежность и валидность трудно. Тем не менее полученные таким образом результаты связаны с общими оценками состояния за тот же период времени, суточными ритмами и деятельностью человека, что служит некоторым обоснованием валидности.

Всемирные базы данных о статистических показателях здоровья, счастья и удовлетворенности и об инструментах диагностики качества жизни

Объем данной статьи не позволяет нам остановиться подробнее на описании всех инструментов оценки КЖ, их возможностей и ограничений. В табл. 2 приводится обзор ключевых баз, в которых можно найти необходимую информацию по отдельным индикаторам КЖ (статистика по разным странам), социологические данные по счастью и удовлетворенности жизнью (по разным странам) и описание инструментов оценки КЖ и здоровья. Существуют также специфические базы инструментов КЖ (например, для больных раком, больных с нарушениями функционирования), однако их обзор выходит за рамки наших задач.

Таблица 2

Всемирные базы данных по статистическим показателям здоровья, счастья и удовлетворенности и по инструментам диагностики качества жизни (КЖ)

Название базы	Англоязычное название и интернет-адрес	Описание
Базы данных по отдельным индикаторам здоровья и болезни		
Статистика ВОЗ	Сайт ВОЗ http://www.who.int	Всемирная статистика по здоровью, включающая Россию.
<i>EurLIFE</i>	<i>EurLIFE</i> http://www.eurofound.europa.eu/areas/qualityof-life/eurlife/index.php	База данных по различным показателям качества жизни в Европе, основанная на собственных исследованиях фонда (<i>Eurofond</i>) и других опубликованных данных.

Название базы	Англоязычное название и интернет-адрес	Описание
Базы данных по исследованиям удовлетворенности и счастья		
Всемирная база данных счастья	<i>World Happiness Database</i> http://www1.eur.nl/fsw/happiness/	База статистических данных, поддерживаемая Р. Вееenhoеном. Содержит статистические показатели по результатам исследований счастья и благополучия по всему миру.
Всемирное исследование ценностей	<i>World Values Survey</i> http://www.worldvalues-survey.org/	Глобальный проект по исследованию ценностей и представлений людей, изменений этих ценностей со временем, а также социальных и политических изменений. В частности, включает результаты исследований счастья и благополучия в разных странах.
Онлайн базы данных по инструментам оценки КЖ и здоровья		
База данных по инструментам оценки пациентом результатов лечения и КЖ	<i>Patient-reported outcome and Quality of life instruments database (ProQolid)</i> http://www.proqolid.org/	Разработана и поддерживается <i>MAPI Research Institute</i> . Задача базы данных: выявление и описание инструментов оценки пациентом результатов лечения и диагностики КЖ. Содержит более 700 инструментов и описаний, но не включает описание психометрических показателей.
Группа «Доверие медицинским результатам»	<i>Medical outcome trust</i> http://www.outcomes-trust.org/	Разработана <i>Medical outcome trust group</i> с целью универсализации оценки здоровья. В базу данных включены описания инструментов, одобренные научным комитетом группы, и ссылки на официальные сайты.
Корпорация <i>RAND</i>	<i>RAND Health</i> http://www.rand.org/health/surveys_tools.html	Содержит информацию и доступ к методикам оценки здоровья, КЖ и качества ухода за больными, разработанным группой <i>RAND Health</i> .
База данных диагностики в реабилитации	<i>Rehabilitation Measures Database</i> http://www.rehabmeasures.org/Lists/Rehab-Measures/Admin.aspx	Несмотря на то что данная база данных относится к числу специфических, в ней также представлены подробные описания общих методик, включая психометрические показатели.
Американское общество респираторных заболеваний	<i>American Thoracic Society</i> http://qol.thoracic.org/	Как и предыдущая база данных, является специфической (направлена на оценку КЖ при респираторных заболеваниях), однако содержит также описания общих методик, включая психометрические показатели.
Статистические решения	<i>Statistics Solutions</i> http://www.statistics-solutions.com/resources/directory-of-survey-instruments	Содержит перечни и описания исследовательских инструментов, в том числе для оценки здоровья, а также ссылки на авторские сайты. Несмотря на небольшой объем базы, одно из ключевых ее преимуществ — наличие краткого описания психометрических показателей методик.

Выводы: сравнительный анализ инструментов диагностики качества жизни

Подходы к определению и диагностике КЖ в науках о человеке постепенно сближаются, что требует от психологии как овладения инструментарием разных наук, так и понимания основных особенностей, возможностей и ограничений такой диагностики. В настоящее время уже практически невозможно однозначно отнести инструмент, разработанный в рамках экономики или социологии, к популяционным, а в рамках психологии — к субъективным. Соответственно особую актуальность приобретают задачи классификации и сравнения различных методов и процедур.

Проведенный обзор диагностических инструментов позволяет сделать следующие выводы.

1. Многие показатели популяционного уровня (индексы КЖ, субъективная оценка счастья и благополучия) применимы для оценки индивида и позволяют совмещать как объективные, так и субъективные индикаторы. Более того, индекс *QALY* используется даже для индивидуализированной оценки состояния конкретных людей (например, чтобы продемонстрировать конкретному больному «плюсы» и «минусы» разных методов лечения). К числу ключевых преимуществ этих методов относятся возможность интегральной оценки и сопоставления КЖ разных испытуемых и в разных условиях. В случае субъективной оценки КЖ при помощи одного пункта встает вопрос о надежности и валидности. Индекс *QALY* позволяет преодолеть эти трудности, но сильно зависит от того, на чьих представлениях, какими методами строится шкала оценки и из каких доменов она состоит.

2. Опросниковые методы ориентированы преимущественно на оценку КЖ конкретных индивидов, хотя опросники со «взвешиванием» доменов и скрининговые шкалы часто используются в популяционных исследованиях. «Взвешивание» доменов и разработка специфичных для болезни инструментов позволяет производить индивидуализированную оценку, учитывающую особенности конкретных людей и групп испытуемых. Методы, предполагающие выделение доменов или сфер КЖ, удобны для практики, хотя структура доменов может сильно варьироваться от методики к методике. Наиболее распространена диагностика КЖ в соответствии с определением ВОЗ. В этом случае выделяются физический, психологический и социальный домены. Методы, основанные на теоретических представлениях, открывают возможности для учета качественных характеристик субъективного благополучия (представлений о счастье, видов благополучия и т.п.), недоступных при использовании других инструментов. Несмотря на то что во всех случаях использование опросников подразумевает субъективную оценку, мера «субъективности» и форма оценки существенно варьируются: от прямой

оценки состояния или удовлетворенности до «объективизированных» способов оценки в соответствии с внешними критериями (например, может ли испытуемый бежать больше 5 минут или в какой мере его здоровье мешает ведению домашнего хозяйства).

3. Особый интерес представляет группа методов, разработанных для преодоления ограничений популяционных индексов и опросниковых методик. Сюда относятся техники процессуальной оценки КЖ и благополучия, позволяющие оценить изменчивость этих характеристик. Одни из этих техник разработаны в соответствии с процессуальными теориями субъективного благополучия, тогда как другие ориентированы на практические требования — необходимость учета динамики состояния человека. Существует целая серия надежных индивидуализированных инструментов диагностики КЖ отдельного человека и влияния болезни на его жизнь. Дополнение опросников нарративными техниками выявления критериев субъективной оценки обеспечивает большую точность и чувствительность инструментов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурковский Г.В., Коцюбинский А.П., Левченко Е.В., Ломаченков А.С. Создание русской версии инструмента Всемирной организации здравоохранения для измерения качества жизни // Проблемы оптимизации образа жизни и здоровья человека / Под ред. А.В. Шаброва, В.Г. Маймулова. СПб., 1995. С. 27—28.

Новик А.А., Ионова Т.И. Руководство по исследованию качества жизни в медицине М., 2007.

Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Мат-лы III Всероссийского социологического конгресса (Москва, 21—24 октября 2008 г.). URL: <http://www.hse.ru/data/2010/03/15/1228959627/%D0%9E%D1%81%D0%B8%D0%BD,%D0%9B%D0%B5%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%8C%D0%B5%D0%B2%202008.pdf>

Пергаменник Л.А., Лепешинский Н.Н. Опросник «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф: процесс и результаты адаптации // Психол. диагностика. 2007. № 3. С. 73—97.

Bernheim J.L., Theuns P., Mazaheri M. et al. The potential of anamnestic comparative self-assessment (ACSA) to reduce bias in the measurement of subjective well-being // J. of Happiness Studies. 2006. Vol. 7. P. 227—250.

Burckhardt C.S., Anderson K.L., Archenholtz B., Haegg O. The Flanagan Quality of Life Scale: Evidence of construct validity // Health and Quality of Life Outcomes. 2003. Vol. 1. N 59. URL: <http://www.biomedcentral.com/1477-7525/1/59>

Cohen D.R., Henderson J.B. Health, prevention and economics. Oxford: Oxford University Press, 1991.

Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The Satisfaction with Life Scale // J. of Personality Assessment. 1985. Vol. 49. P. 71—75.

Diener E., Ryan K. Subjective well-being: A general overview // South African J. of Psychology. 2009. Vol. 39. P. 391—406.

Drummond M., Brixner D., Gold M. et al. Toward a consensus on the QALY // Value in Health. 2009. Vol. 12. Sup. 1. P. S31—S34.

Experience Sampling Method: Measuring the quality of everyday life / Ed. by J.M. Hektner, J.A. Schmidt, M. Csikszentmihalyi. Thousand Oaks, CA, 2006.

Flanagan J.C. A research approach to improving our quality of life // Amer. Psychologist. 1978. Vol. 33. P. 138—147.

Frisch M. Quality of Life Therapy: Applying a life satisfaction approach to positive psychology and cognitive therapy. Hoboken, NJ, 2006.

Hunt S.M., McEwen J., McKenna S.P. Measuring health status: A new tool for clinicians and epidemiologists // J. of the Royal College General Practitioners. 1985. Vol. 35. P. 185—188.

Ilic I., Milic I., Arandelovic M. Assessment quality of life: current approaches // Acta Medica Medianae. 2010. Vol. 49. N 4. P. 52—60.

Lyubomirsky S., Lepper H. A measure of subjective happiness: Preliminary reliability and construct validation // Social Indicators Res. 1999. Vol. 46. P. 137—155.

Martin F., Camfield L., Rodham K. et al. Twelve years' experience with the Patient Generated Index (PGI) of quality of life: A graded structured review // Quality of Life Res. 2007. Vol. 16. P. 705—715.

McDowel J. Measuring health. A guide to rating scales and questionnaires. N.Y., 2006.

Moller V., Theuns P., Erstad I., Bernheim J. The best and the worst times of life: narratives and assessments of subjective well-being by anamnestic comparative self-assessment (ACSA) in the Eastern Cape, South Africa // Social Indicators Res. 2008. Vol. 89. P. 1—22.

Ritsner M., Kurs R., Gibel A. et al. Validity of an abbreviated Quality of Life Enjoyment and Satisfaction Questionnaire (Q-LES-Q-18) for schizophrenia, schizoaffective, and mood disorder patients // Quality of Life Research. 2005. Vol. 14. P. 1693—1703.

Ryff C., Keyes C. The structure of psychological well-being revisited // J. of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69. P. 719—727.

Schalok R.L. The concept of quality of life: what we know and do not know // J. of Intellectual Disability Res. 2004. Vol. 48. N 3. P. 203—216.

Sirgy M.J., Michalos A.C., Ferris A.L. et al. The quality of life (QOL) research movement: Past, present and future // Social Indicators Res. 2006. Vol. 76. P. 343—466.

Skevington S.M., Lotfy M., O'Connell K.A. The World Health Organization's WHOQOL-BREF quality of life assessment: Psychometric properties and results of the international field trial A Report from the WHOQOL Group // Quality of Life Res. 2004. Vol. 13. P. 299—310.

Smith M.D., Drummond M., Brixner D. Moving the QALY forward: Rational for change // Value in Health. 2009. Vol. 12. Sup. 1. P. S1—S3.

Wettergren L., Kettis-Lindblad A., Sprangers M., Ring L. The use, feasibility and psychometric properties of an individualized quality of life instrument: A systematic review of the SEIQoL-DW // Quality of Life Res. 2009. Vol. 18. P. 737—746.

Поступила в редакцию
19.03.12

П. Круков

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАРУШЕНИЯ У ПАЦИЕНТОВ С СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ И ИХ ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРОБЛЕМУ НЕСОБЛЮДЕНИЯ РЕКОМЕНДАЦИЙ ВРАЧА

Статья посвящена медицинской нейропсихологии сердечно-сосудистых заболеваний. Обсуждаются остановка сердца, операция аортокоронарного шунтирования. Специальное внимание уделено природе когнитивных проблем и их анатомическим коррелятам при гипертонии и атеросклерозе. Автор описывает указанные заболевания с точки зрения механизма, который приводит к мозговым дисфункциям и нейропсихологическим изменениям. Отдельным, но непосредственно связанным с нейропсихологическими характеристиками сердечно-сосудистых заболеваний является аспект гипотетического воздействия когнитивного снижения на процесс адаптации (или дезадаптации) к болезни и неспособности следовать медицинским указаниям как проблема несоблюдения рекомендаций врача с точки зрения медицинской нейропсихологии.

Ключевые слова: медицинская нейропсихология, сердечно-сосудистые заболевания, гипертония, атеросклероз, нейропсихологический профиль.

Paper is devoted to the medical neuropsychology of cardiovascular diseases. Discussed diseases were: cardiac arrest, coronary artery bypass grafting, especially developed was a nature of cognitive problems and their neuroanatomical correlates resulting from hypertension and atherosclerosis. Author described mentioned diseases in terms of mechanism that leads to brain dysfunctions and a profile of neuropsychological changes. A separated aspect, but connected to the neuropsychological characteristics of cardiovascular diseases, was a hypothetical impact of cognitive decline in adaptation process (or maladjustment) to illness and inability to following medical advices, that is the problem of non-adherence from the standpoint of medical neuropsychology.

Key words: medical neuropsychology, cardiovascular diseases, hypertension, atherosclerosis, neuropsychological profile.

Психологическому функционированию пациентов с тяжелыми, хроническими заболеваниями сердечно-сосудистой системы (гипертонией, инфарктом миокарда, ишемической болезнью, сердечной недо-

Круков Павел (Paweł Krukow) — докт. психол. наук, адъюнкт кафедры клинической психологии и нейропсихологии Института психологии Университета Марии Кюри-Скловской в Люблине (Польша). *E-mail:* pkrukow@poczta.onet.pl

Работа выполнена в рамках международного научного сотрудничества между факультетом психологии МГУ имени М.В. Ломоносова и Институтом психологии Университета Марии Кюри-Скловской в Люблине (Польша).

статочностью и т.п.), а также процессу их психологической адаптации или дезадаптации к болезни уделялось внимание во многих теоретических подходах. Большинство из них хорошо описаны в литературе по психологии здоровья (Никифоров, 2006). В этой статье автор стремится по-новому истолковать психологические модели, которые описывают мозг в соотношении с сердечно-сосудистыми заболеваниями в свете современных данных медицинской нейропсихологии.

В западной нейрофизиологической литературе медицинская нейропсихология рассматривается как отдельная от клинической нейропсихологии отрасль неврологии. Основная цель научной деятельности в этой области заключается в том, чтобы «определить, как заболевания органов или систем вызывают нарушения познавательных функций» (Batters et al., 2001, p. 1). Основным предметом исследования в медицинской нейропсихологии являются разнообразные соматические заболевания, которые могут повлиять на мозговые структуры и функции, быть причинами появления когнитивных расстройств. В связи с зависимостью нервной системы от сердечно-сосудистой системы нарушения и заболевания последней, имеющие потенциально негативное влияние на функционирование мозга, находятся в центре внимания медицинской нейропсихологии. Эти заболевания можно разделить на 3 группы: 1) сердечные заболевания: сердечная недостаточность, инфаркт миокарда, ишемическая болезнь сердца, фибрилляция предсердий и др.; 2) кардиохирургия и трансплантация сердца; 3) хронические сосудистые заболевания: гипертония, атеросклероз.

М. Бэттерс и колл. (Batters et al., 2001) отмечают, что исследования, проведенные в медицинской нейропсихологии, ориентированы не только на познавательные корреляты соматических заболеваний, но и на механизмы мозговой дисфункции как следствия различных соматических условий. Может быть установлено несколько путей нарушения функционирования мозга из-за сердечно-сосудистой патологии. В качестве примеров этой дифференциации обсуждаются три возможных механизма.

Заболевания сердца как механизм повреждения головного мозга

При остановке сердца на 4—5 мин. и более, скорее всего, будет наблюдаться эффект тяжелой гипоксии и ишемии с необратимым повреждением мозга, что часто приводит к коме, а в некоторых случаях может быть и прямой причиной смерти. Существуют нейронные участки мозга с особой гипоксической уязвимостью: малые и средние нейроны стриатума, нейроны 3-го слоя коры головного мозга, таламические нейроны и клетки Пуркиньи в мозжечке. Есть некоторые специфические медицинские, нейробиологические и нейропсихологические последствия и корреляты комы: например, чем длиннее период комы (более

72 часов), тем хуже прогноз: среди пациентов, вышедших из комы более чем через 24 часа, 73% имели когнитивные и двигательные трудности, многие — серьезную энцефалопатию (Earnest et al., 1979; Lim, Alexander, 2009; Snyder et al., 1980).

Методы нейровизуализации дают возможность анализировать последствия остановки сердца и комы на нейронном уровне. На ранней стадии на КТ можно увидеть диффузный, недифференцированный отек головного мозга, на МРТ в стабильной фазе — патологические изменения в коре головного мозга, мозжечке, таламусе, гиппокампе и белом веществе. Функциональные методы, такие, как ПЭТ и фМРТ, показывают симптомы общего снижения (на 50% и более) поступления крови, глюкозы и кислорода в указанные выше области мозга (Chalela et al., 2001; DeVolder et al., 1990).

Нейропсихологические и нейропсихиатрические последствия также зависят от стадии заболевания. В начальной фазе после выхода из комы наиболее значимое расстройство — спутанность сознания с общим когнитивным снижением: фиксируются тяжелые нарушения внимания, ориентации и самоконтроля, биологических ритмов, возбуждение. Остаточный дефицит отличается от предшествующей фазы в самом общем виде: наблюдаются умеренные нарушения в каждой когнитивной сфере, но основные нарушения могут повлиять на процессы памяти, лобные функции, зрительно-пространственные функции (Grubb et al., 2000; Wilson, 1996).

Аортокоронарное шунтирование как механизм повреждения головного мозга в кардиохирургии

В операциях аортокоронарного шунтирования (АКШ) потенциально имеется несколько путей, ведущих к повреждению мозга и нейропсихологическим расстройствам. Одним из них являются условия, при которых операции проводятся. Во время АКШ используется искусственное кровообращение, и это одна из основных причин изменений в головном мозге, так как могут возникнуть микроэмболия/микроинсульт, снижение артериального давления во время операции, а также микроповреждения, вызванные анестезирующими газами, влекущие за собой артериальную эмболию (Pugsly, Klinger, 1990; Wojtyńska et al., 2007).

Помимо использования искусственного кровообращения есть еще дополнительные негативные факторы. Во-первых, гипотермия во время операции, изменения в системе саморегуляции крови, что в свою очередь приводит к гипотензии и снижению кровотока в мозге. Переохлаждение вызывает также некоторые метаболические и химические аномалии, вызывающие анаэробный метаболизм глюкозы и далее гипергликемию. Последнее может способствовать гибели нейронов и,

следовательно, когнитивным нарушениям. Во-вторых, имеют значение параметры аппарата искусственного кровообращения: при использовании многих таких аппаратов в кровотоке нарушается пульсация, что может привести к осложнениям в сосудистой системе головного мозга, связанным с недостаточным метаболизмом клеток мозга (Orenstein, Saton-Baron, 1982; Taylor, 1981; Wityk et al., 2001).

Когнитивные нейропсихологические расстройства после АКШ могут быть разделены по времени возникновения. Ранний когнитивный дефицит (в первые 24 часа после операции) обнаруживается примерно у 75% больных и выражается главным образом в общем когнитивном снижении. Примерно через 2—3 дня заметны снижение скорости психомоторных реакций с нарушениями внимания, зрительно-пространственные нарушения, ухудшение памяти и сопутствующие нарушения функций регуляции и контроля. В этой же фазе можно наблюдать комплексные нарушения памяти (непосредственной и отсроченной вербальной, непосредственной зрительно-пространственной) и снижение способности к обучению. Предполагалось, что когнитивные нарушения сохраняются только в течение короткого времени после операции. В ряде работ (Newman et al., 2002; Selnes et al., 2001; Sotaniemi et al., 1986) обследование пациентов было продолжено через 1, 2 и 5 лет после операции. Примерно у 2/3 пациентов когнитивные проблемы оставались, хотя и проявлялись с меньшей интенсивностью, чем на ранней стадии. Важно помнить, что у почти 100% пациентов, проходящих АКШ, еще до операции существуют сосудистые проблемы, которые являются одним из факторов риска возникновения нейропсихических расстройств. И второй важный фактор — старение. Через несколько лет после операции у пациентов отмечают нарушения отсроченной вербальной, зрительно-пространственной, рабочей памяти, плавности речи, снижение скорости моторных и когнитивных процессов. В регулирующих функциях и внимании наблюдается улучшение по отношению к ранней стадии (Wojtyńska, Rymaszewska, 2008).

Учитывая вышеупомянутые механизмы и нейропсихологические последствия АКШ, можно сделать вывод, что нейропсихологические проблемы пациентов после операций АКШ — типичный пример нарушений, которые может причинять не только сама болезнь, но и метод лечения.

Гипертония и атеросклероз

Гипертония — основное и наиболее распространенное заболевание сердечно-сосудистой системы: 972 млн взрослых людей в мире страдают от гипертонии, из них 639 млн в экономически развитых странах (Keagney et al., 2005). Предполагается, что к 2025 г. число людей с гипертонией составит 1,5 млрд. Это больше, чем все вместе взятые группы людей с заболеваниями центральной нервной системы (в качестве первого

заболевания). Первичная гипертония имеет выраженные генетические механизмы (Carretero, Oparil, 2000). Уровень холестерина является вторичным фактором в возникновении гипертонии. Существует множество теорий, касающихся этиологии гипертонии, резюмируя которые мы можем говорить о комбинации генетических и экологических факторов, таких, как жирная пища, отсутствие спортивной деятельности, ожирение, мужской пол, курение, злоупотребление алкоголем и другие классические факторы риска сердечно-сосудистых заболеваний.

Основные факторы, приводящие к повреждению мозга в результате гипертонии, — это гипоксия и гипоперфузия крови. Гипоксия обусловлена изменением артериального давления. В нормальном мозге саморегуляция позволяет поддерживать артериальное давление на стабильном уровне 80/90—120/130 мм рт. ст., но из-за появления гипертонии изменяется процесс саморегуляции и давление становится более высоким (100/120—140/160 мм рт. ст.). В момент, когда давление нормализуется, поток крови недостаточен, чтобы адаптировать регуляцию, что приводит к гипоперфузии и гипоксии. К другим травмирующим факторам, обусловленным артериальной гипертензией, относятся чрезмерное расширение артерий головного мозга, усиление кровотока и повреждение гематоэнцефалического барьера. Стоит также отметить, что длительная гипертония вызывает характерные изменения в микроциркуляторном русле мозга (или в так называемых малых коронарных артериях). Изменения в мелких сосудах приводят к их почти полной закупорке и к формированию микроаневризм. Поэтому структуры с мелкими артериями восприимчивы к ущербу от гипертонии (Monopoli et al., 2003; Кадыков и др., 2006).

Разрушительную роль гипертонии для мозга можно наблюдать, применяя различные методы нейровизуализации. Наиболее важный показатель структурной нейровизуализации (в основном МРТ) — так называемая гипертензивность белого вещества (ГБВ). Это основной нейрорадиологический индикатор гипертонии (и ее патологических соотношений, прежде всего атеросклероза), следствие общей хронической церебральной гипоперфузии и микрососудистых инфарктов. ГБВ коррелирует со снижением скорости когнитивных процессов, нарушениями регулирующих функций и трудностями в обучении. Существуют дискуссии о когнитивных и неврологических коррелятах разных вариантов ГБВ (Cohen, 2011). По мнению ряда авторов, доказательств существования вариантов ГБВ нет, но некоторые исследования показывают, что поражения белого вещества связаны со снижением психомоторных реакций; поражения подкорковых структур (базальных ганглиев, таламуса) связаны с регуляторной дисфункцией (Geary, Nyenhuis, 2011). ГБВ, которая относится в основном к белому веществу коры, отдельным частям базальных ганглиев, таламусу и перивентрикулярной области нервной ткани, вызывает главным образом неспецифические

синдромы нарушения связей. Эти синдромы часто принимают форму, которую трудно понять, применяя только классические нейропсихологические методы, ориентированные скорее на обнаружение повреждений функций или их компонентов, чем на обнаружение нарушений связей между ними. Эти неспецифические синдромы затрагивают в основном корково-подкорковое взаимодействие.

Существуют важные данные о вызванной гипертонией динамике изменений в мозге, полученные при функциональной нейровизуализации. В задачах на рабочую память, пространственное обучение и внимание (Cohen, 2011) были получены специфические результаты для пациентов с гипертонической болезнью и другими сердечно-сосудистыми заболеваниями. Характер мозговой активности не только снизился, но и существенно изменился: во время выполнения задания наблюдалось снижение активности в областях, которые отвечают за выбранные познавательные процессы (например, в префронтальной коре при выполнении задач на рабочую память). Эти результаты были сопоставлены с данными классического нейропсихологического обследования. В заданиях, тестирующих регуляторные функции и рабочую память, были получены результаты, указывающие на снижение активности в префронтальной и теменной областях и на повышенную активацию в нижней и средней лобной области, которая была неактивна у здоровых испытуемых. Эти результаты указывают на изменения деятельности мозга в условиях сосудистого заболевания.

Структурные и функциональные изменения в мозге связаны с нейропсихологическими функциями и с их нарушениями. Прежде чем описывать данные когнитивные изменения, важно помнить, что трудно определить когнитивные искажения, которые являются следствием только лишь гипертонии. Поэтому лучше говорить о когнитивных расстройствах, которые соотносятся с ГБВ. Это нарушение регуляторной функции на стадии планирования, снижение работоспособности, нарушение гибкости мыслительной деятельности, общие трудности обучения, нарушение внимания и связанное с ним сокращение объема рабочей памяти.

Атеросклероз, тесно связанный с гипертонией, имеет сложную этиологию. К развитию атеросклероза ведут эндотелиальный воспалительный процесс, высокий уровень холестерина, повреждение эндотелия и налипание холестерина на стенки сосудов, окислительный стресс, вызываемый курением, а также неизвестные вирусы и бактерии (хотя последние факторы скорее гипотетические). Основным процессом атеросклеротического накопления является создание бляшек. Эти патологические изменения васкуляризации вызывают вторичные патологические последствия: кальцификацию, которая увеличивает жесткость сосудов; нарушения в кровяном русле в виде вихрей и обратного потока; повреждение мембран и стенок сосудов, ведущих к

формированию тромбов; нарушения работы гладкой мускулатуры сосудистой системы; деформацию всей группы сосудов (Naruszewicz, 2003; Ross, 1999; Waldstein et al., 2010).

Существует простой доступный неинвазивный метод диагностики атеросклероза в основном в сосудах, важных для функционирования мозга, — УЗИ (доплерография) сонных артерий. Это безболезненный метод высокой точности оценки каротидного атеросклероза и стеноза. Уже получены некоторые результаты, касающиеся взаимосвязи с атеросклерозом (особенно относительно сонной артерии) нейропсихологических функций и их нарушений.

Автор одного из первых исследований, показывающих наличие связи между стенозом сонной артерии (ССА) и когнитивным снижением (Silverstein, 1959), заметил, что у пациентов с тяжелой окклюзией сонной артерии может произойти «органическое поражение головного мозга». Однако детальные исследования на эту тему начались только с развитием медицинской нейропсихологии. Эмпирический анализ, проведенный крупными научно-исследовательскими группами на людях с бессимптомными сердечно-сосудистыми заболеваниями (без инсульта или транзиторной ишемической атаки), выявил ряд нейропсихологических расстройств, непосредственно связанных с ССА. Результаты могут быть обобщены следующим образом:

- существует статистически значимое снижение общих когнитивных функций у пациентов с заметным стенозом сосудов, питающих мозг, особенно в случае с левосторонним ССА;

- существует значимое постепенное снижение когнитивных функций у пациентов, у которых в течение одного года стеноз сохранялся или ухудшался, и это не связано с инсультом или преходящей ишемической атакой;

- эти результаты сохраняют статистическую значимость, если добавить в количественный анализ другие сосудистые факторы риска, тогда они интерпретируются как выражение специфики ССА, как точный индикатор сосудистой патологии, имеющий отношение к ухудшению нейропсихологических функций;

- отношения между состоянием сонных артерий (особенно в аспекте ССА) и состоянием нейропсихологических функций не связаны с результатами структурной нейровизуализации (в отчетном исследовании использовалась МРТ), хотя у пациентов с бессимптомным ССА были зарегистрированы некоторые нейроанатомические изменения, в основном лейкоареоз (Johnstone et al., 2004);

- пациенты с бессимптомным ССА получили значимо более низкие оценки в тестах на внимание, скорость психомоторных реакций, память и двигательные функции (независимо от результатов МРТ), чем испытуемые с одинаковыми демографическими параметрами без

патологических изменений в сосудистой сети мозга (на МРТ) (Mathiesen et al., 2004);

— чем больше степень ССА ($\geq 25\%$ и $\geq 50\%$), тем тяжелее нейропсихологические нарушения регуляторных функций и невербальной памяти;

— утолщение сонной артерии, выраженное в процентах, коррелирует с показателями когнитивных функций;

— внутренний атеросклероз сонной артерии — потенциально более сильный фактор риска в возникновении нейропсихических нарушений, чем в целом по сонной артерии;

— каротидный атеросклероз является независимым от МРТ показателем и коррелирует с нервно-психическим статусом (Romero et al., 2009).

Эти результаты показывают, что у пациентов с артериальной гипертензией и атеросклерозом на позднем этапе болезни ультразвуковое измерение сонных артерий, вероятно, лучший индикатор нейропсихологических функций, чем МРТ или ангиография.

Помимо общей квалификации отношений между когнитивными функциями и атеросклерозом сонных артерий были также проведены детальные качественные анализы когнитивного снижения при ССА. Р. Рао (Rao, 2002) получил результаты, указывающие, что нейропсихологическими коррелятами ССА являются снижение параметров регуляторной функции, абстрактного мышления, гибкости мышления, плавности речи, а также другие симптомы лобной дисфункции (например, импульсивность). Автор также отметил нарушения прочности запоминания. Аналогичные результаты получили Дж. Ким и коллеги (Kim et al., 2007): у 14 из 16 пациентов были выявлены когнитивные нарушения более чем одного аспекта таких процессов, как внимание, регуляторные функции, зрительная и вербальная память. Регуляторные дисфункции отмечались у всех пациентов; нарушения других когнитивных процессов — примерно у 40—60% пациентов.

Все описанные клинические синдромы также являются важными факторами риска для развития тяжелых нейропсихологических нарушений, вытекающих из развития в более позднем возрасте различных форм сосудистой деменции. Сосудистая патология — существенный фактор риска не только для сосудистой деменции, но и для деменции альцгеймеровского типа (Monolio et al., 2003). В современных исследованиях было обнаружено, что более трети всех пациентов с болезнью Альцгеймера имеют цереброваскулярную патологию, и примерно у одной трети пациентов с сосудистой деменцией после вскрытия была обнаружена типичная для этой болезни патология (Kalagia, 2000, 2010) — сенильные бляшки, которые также были найдены у пациентов с артериальной гипертензией без деменции.

С нейropsychологической точки зрения оказывается весьма вероятным, что соматические и неврологические изменения, вытекающие из хронической гипертонии и атеросклероза у пожилых людей, могут снизить порог клинического и нейropsychологического наступления деменции любого типа. Без сосудистой патологии эти симптомы могут появиться через много лет, что может поддерживать относительно нормальное качество жизни долгое время. В заключение можно сказать, что сосудистая патология и сосудистые когнитивные нарушения разрушают мозговые когнитивные ресурсы, и поэтому в случае какого-либо дополнительного фактора нарушения функций головного мозга более тяжелые расстройства будут у больных с сосудистой патологией, нежели без нее (Cohen, 2011).

Проблема несоблюдения рекомендаций врача

Хотя в становлении и гипертонической болезни и атеросклероза генетические факторы играют важную роль, по-прежнему остается признанным тот факт, что развитие этих болезней обусловлено образом жизни (в частности питанием, недостатком физической активности, курением и ожирением). Для тех, кому уже поставлен диагноз указанных заболеваний, значимыми будут такие факторы, как следование медицинским рекомендациям, систематическое лечение, желание изменить свой образ жизни (т.е. проблема соблюдения/несоблюдения рекомендаций врача), позволяющие подавить заболевание на ранней стадии, а также играющие превентивную роль по отношению к тяжелым последствиям, таким, как сердечная недостаточность, инсульт и сосудистая деменция.

Исследования в области соблюдения медицинских рекомендаций показывают, к сожалению, прямо противоположное поведение пациентов в отношении здоровья. Согласно исследовательским данным (Wertheimer, Santella, 2003), 50—75% больных не придерживаются медицинских рекомендаций; 14—21% больных не полностью выполняют предписания врача; 60% всех пациентов не могут назвать свои собственные лекарства; 30—50% всех больных игнорируют инструкции к лекарствам; 12—20% больных принимают лекарства по совету других людей. Кроме того, предполагается, что около 70% осложнений, связанных с гипертонической болезнью (инсульт, инфаркт), — это последствия несоблюдения режима.

Есть много объяснений несоблюдения медицинских рекомендаций. Они могут быть разделены на медицинские и психологические факторы. К первым относятся побочные эффекты лечения, продолжительность лечения, частота необходимого употребления лекарств, сложность лечения и тяжесть заболевания; ко вторым — депрессия, негативное отношение к лекарствам и медицинским учреждениям, посттравматическое и другие расстройства, связанные со стрессом, слабые

медицинские знания и негативное отношение к врачу. Кажется весьма вероятным, что у пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями серьезные масштабы несоблюдения режима могут быть результатом нейропсихологических нарушений. Этот подход почти не отмечен в клинической и исследовательской практике, хотя Р. Коэн (Cohen, 2011) пишет, что пациенты с сердечной патологией как группа имеют, как правило, низкий уровень когнитивного функционирования с нарушением регулирующих функций и внимания. Существуют доказательства того, что: 1) медицинские осложнения лечения сердечно-сосудистых заболеваний связаны с уровнем когнитивной функционирования пациентов, 2) пациенты с когнитивными расстройствами хуже восстанавливаются, 3) когнитивные нарушения ограничивают возможности для эффективного самообслуживания (Cohen, Moser, 1999).

Представленная гипотеза частично подтверждается в проведенных в Польше новых эпидемиологических исследованиях, посвященных несоблюдению медицинских рекомендаций и его клиническим коррелятам (Kardas, 2011). В данных исследованиях участвовало более 60 000 пациентов с различными соматическими и психопатологическими диагнозами. Почти 84% этих пациентов не выполняли всех рекомендаций врача. Наиболее пострадавшими были те группы больных, где доминирующими симптомами выступали когнитивные расстройства различной степени тяжести, а именно пациенты с болезнью Альцгеймера, различными психическими и физическими заболеваниями (доминировали расстройства памяти), пациенты с шизофренией, которые с наименьшей вероятностью придерживались медицинских рекомендаций. Следует отметить, что во всех этих заболеваниях когнитивные расстройства — не единственная переменная, которая может привести к несоблюдению медицинских рекомендаций, однако она общая для всех этих групп.

Сравнивая данные различных научных точек зрения, касающихся функционирования пациентов, имеющих заболевания сердечно-сосудистой системы, можно сделать вывод о том, что в будущих исследованиях, ориентированных на происхождение несоблюдения медицинских рекомендаций в описанных клинических группах, степень нервно-психического расстройства должна учитываться в первую очередь. Мозг человека определяет не только отдельные познавательные процессы, но и способность к адаптации в ситуациях, требующих участия в широком круге восстановительных мероприятий.

Если бы эта гипотеза о происхождении несоблюдения медицинских рекомендаций больными с некоторыми сердечно-сосудистыми заболеваниями подтвердилась, то открылись бы перспективы для возникновения новых областей в нейропсихологической практике для кардиологических реабилитационных отделений. Задачи таких областей: оценивать когнитивные способности пациентов, чтобы

понять природу болезни и ее долгосрочные последствия; проводить консультации с целью определить способность справиться с лечением/реабилитацией; оценивать, насколько это возможно, чтобы улучшить восстановление; оценивать потенциал пациентов для самостоятельного лечения и др.

Постоянно расширяются нейрофизиологические знания, описывающие и объясняющие нейронную основу процесса адаптации к сложной ситуации, знания медицинской нейропсихологии в отношении когнитивных коррелятов отдельных соматических заболеваний и все еще продолжают исследования проблемы несоблюдения рекомендаций врача, хотя многие гипотезы, в том числе описанные в этой статье, должны быть более тщательно проверены. Это в будущем может привести к появлению относительно новой дисциплины — нейропсихологии здоровья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кадыков А.С., Манвелов Л.С., Шахпаронова Н.В. Хронические сосудистые заболевания головного мозга (дисциркуляторная энцефалопатия). М., 2006.
Нукифоров Г.С. Психология здоровья: Учеб. для вузов. СПб., 2006.

Butters M., Beers S.R., Tarter R.E. Perspective for research on neuropsychological assessment of medical disease // *Medical neuropsychology* / Ed. by R.E. Tarter, M. Butters, S.R. Beers. N.Y., 2001. P. 1—3.

Carretero O.A., Oparil S. Essential hypertension. Part I: Definition and etiology // *Circulation*. 2000. Vol. 101. P. 329—335.

Chalela J.A., Wolf R.L., Maldjian J.A., Kasner S.E. MRI identification of early white matter injury in anoxic-ischemic encephalopathy // *Neurology*. 2001. Vol. 56. P. 481—485.

Cohen R.A. Neuroimaging of cardiovascular disease // *Brain Imaging in Behavioral Medicine and Clinical Neuroscience* / Ed. by R.A. Cohen, L.H. Sweets. N.Y., 2011. P. 215—256.

Cohen R.A., Moser D.J. Neuropsychological functioning and improvements in quality of life following participation in a cardiac rehabilitation program // *Amer. J. of Cardiology*. 1999. Vol. 83. N 9. P. 1374—1378.

DeVolder A.G., Goffinet A.M., Bol A. et al. Brain glucose metabolism in postanoxic syndrome // *Archives of Neurology*. 1990. Vol. 47. P. 197—204.

Earnest M.P., Breckinridge J.C., Yarnell P.Y., Oliva P.B. Quality of survival after out-of-hospital cardiac arrest: Predictive value of early neurologic evaluation // *Neurology*. 1979. Vol. 29. P. 56—60.

Geary E.K., Nyenhuis D.L. Cerebral small vessel disease, hypertension and cognitive function // *Hypertension and stroke: Pathophysiology and management* / Ed. by V. Aiyagari, P.B. Gorelick. N.Y., 2011. P. 211—224.

Grubb N.R., Fox K.A.A., Smith K. et al. Memory impairment in out-of-hospital cardiac arrest survivors is associated with global reduction in brain volume, not focal hippocampal injury // *Stroke*. 2000. Vol. 31. P. 1509—1514.

Johnstone S.C., O'Meara E.S., Manolio T.A. et al. Cognitive impairment and decline are associated with carotid artery disease in patients without clinically evident cerebrovascular disease // *Ann. of Int. Medicine*. 2004. Vol. 140. N 4. P. 237.

- Kalaria R.N.* The role of cerebral ischemia in Alzheimer's disease // *Neurobiology of Aging*. 2000. Vol. 21. N 2. P. 321—330.
- Kalaria R.N.* Vascular basis for brain degeneration: faltering controls and risk factors for dementia // *Nutrition Reviews*. 2010. Vol. 68. Suppl. P. 74—87.
- Kardas P.* Rozpowszechnienie nieprzestrzegania zaleceń terapeutycznych wśród pacjentów leczonych z powodu wybranych schorzeń przewlekłych // *Polski Merkuriusz Lekarski*. 2011. Vol. XXXI. N 184. P. 215—220.
- Kearney P.M., Whelton M., Reynolds K. et al.* Global burden of hypertension: analysis of worldwide data // *Lancet*. 2005. Vol. 365. P. 217—223.
- Kim J.E., Lee B.R., Chun J.E. et al.* Cognitive dysfunction in 16 patients with carotid stenosis: Detailed neuropsychological findings // *J. of Clinical Neurology*. 2007. Vol. 3. P. 9—17.
- Lim Ch., Alexander M.* Cardiac arrest // *Neurovascular neuropsychology* / Ed. by J.R. Festa, R.M. Lazar. N.Y., 2009. P. 135—156.
- Mathiasen E.B., Waterloo K., Joakimsen O. et al.* Reduced neuropsychological test performance in asymptomatic carotid stenosis — The Tromso Study // *Neurology*. 2004. Vol. 62. P. 695—701.
- Monolio T.A., Olson J., Longstreth W.T.* Hypertension and cognitive function: Pathophysiologic effects of hypertension on the brain // *Current Hypertension Reports*. 2003. Vol. 5. P. 255—261.
- Naruszewicz M.* Patogeneza miażdżycy, nowe koncepcje w świetle badań podstawowych i klinicznych // *Kardiologia praktyczna*. T. III: Choroba niedokrwienna serca / Ed. by M. Dłużniewski, A. Mamcarz, P. Krzyżak. Warszawa, 2003. P. 26—37.
- Newman M.F., Kircher J.L., Phillips-Bute B.* Longitudinal assessment of neurocognitive function after coronary artery bypass surgery // *New England J. of Medicine*. 2002. Vol. 344. P. 395—402.
- Orenstein J.M., Saton-Baron B.* Microemboli observed in death following cardiopulmonary bypass surgery // *Human Pathology*. 1982. Vol. 131. P. 1082—1090.
- Pugsly W., Klinger L., Paschalis C.* Microemboli and cerebral impairment during cardiac surgery // *Vascular Surgery*. 1990. Vol. 24. P. 1393—1399.
- Rao R.* The role of carotid stenosis in vascular cognitive impairment // *J. of Neurological Science*. 2002. Vol. 15. P. 103—107.
- Romero J.R., Beiser A., Seshadri S. et al.* Carotid artery stherostenosis, MRI indices of brain ischemia, aging, and cognitive impairment: the Framingham study // *Stroke*. 2009. Vol. 40. N 5. P. 1590—1596.
- Ross R.* Atherosclerosis: an inflammatory disease // *New England J. of Medicine*. 1999. Vol. 340. P. 115—126.
- Selnes O.A., Royall R.M., Grega M.A.* Cognitive changes 5 years after coronary artery bypass grafting: is there evidence of late decline? // *Archives of Neurology*. 2001. Vol. 58. P. 598—604.
- Silverstein A.* Occlusive disease of the carotid arteries // *Circulation*. 1959. Vol. 20. P. 4—16.
- Snyder B.D., Loewenson R.B., Gumnit R.J. et al.* Neurologic prognosis after cardiopulmonary arrest: II. Level of consciousness // *Neurology*. 1980. Vol. 30. P. 52—58.
- Sotaniemi K.A., Mononen H., Hokkanen T.E.* Long-term cerebral outcome after open-heart surgery. A five-year neuropsychological follow-up study // *Stroke*. 1986. Vol. 17. P. 410—416.
- Taylor K.M.* Why pulsative flow during cardiopulmonary bypass? // *Towards safer cardiac surgery* / Ed. by D.B. Longmore. Boston, 1981. P. 483—500.
- Waldstein S.R., Wendell C.R., Hosey M.M. et al.* Cardiovascular disease and neurocognitive function // *Handbook of medical neuropsychology* / Ed. by C.L. Armstrong, L. Morrow. N.Y., 2010. P. 69—99.

Wertheimer A.I., Santella T.M. Medication noncompliance: What we know, what we need to learn // *FABAD J. of Pharmaceutical Science*. 2003. Vol. 28. P. 207—217.

Wilson B.A. Cognitive functioning of adult survivors of cerebral hypoxia // *Brain Injury*. 1996. Vol. 10. P. 863—874.

Wityk R.J., Goldsborough M.A., Hills A. Diffusion and perfusion weighted brain magnetic resonance imaging in patients with neurologic complication after cardiac surgery // *Archive of Neurology*. 2001. Vol. 58. P. 571—576.

Wojtyńska R., Rachwalik M., Kustrzycki W. Patomechanizmy uszkodzeń centralnego układu nerwowego u pacjentów poddanych operacji pomostowania aortalno-wieńcowego // *Polski Przegląd Kardiologiczny*. 2007. Vol. 9. N 2. P. 131—136.

Wojtyńska R., Rymaszewska J. Przegląd badań dotyczących oceny deficytów poznawczych u pacjentów poddanych operacji pomostowania aortalno-wieńcowego // *Polski Przegląd Kardiologiczny*. 2008. Vol. 10. N 1. P. 63—71.

Поступила в редакцию
12.04.12

О. В. Гордеева

ОКОЛОСМЕРТНЫЙ ОПЫТ: СРАВНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЗАПАДНЫХ И ДРЕВНЕИНДИЙСКИХ ВЕДИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ УПАНИШАД)

В рамках кросс-культурных исследований околосмертного опыта (ОСО) было проведено сопоставление современного западного ОСО с представлениями о нем в ведической литературе (материалом анализа стали упанишады — «Брихадараньяка упанишада», «Каушитаки упанишада» и «Катха упанишада»). Обнаружено, что в древнеиндийских описаниях ОСО наряду с культурной спецификой присутствует большинство элементов, характерных для западного ОСО, при этом сходство касается не столько конкретного содержания элементов, сколько их роли в реализации универсального сценария путешествия в мир мертвых.

Ключевые слова: околосмертный опыт, кросс-культурные исследования, культурно-историческая теория, измененные состояния сознания.

In frameworks cross-cultural research of near-death experience (NDE) comparison of modern western NDE to descriptions of this experience in the Upanishads was carried out (the Brihadaranyaka, Kaushitaki and Katha Upanishads became a material of our analysis). It was revealed, that at Upanishads' descriptions of NDE alongside with cultural specificity there is the overwhelming majority of elements of the western NDE, thus similarity concerns not so much the concrete contents of elements on itself, but their role in realization of the universal script of travelling to the world of dead.

Key words: near-death experience, cross-cultural researches, cultural-historical theory, altered states of consciousness.

Околосмертный опыт (ОСО) — специфическое измененное состояние сознания, которое люди испытывают в момент близости к смерти. Он может быть пережит при остановке сердца, серьезной кровопотере, операционных осложнениях, септическом или анафилактическом шоке, травмах, суицидальных попытках, несчастных случаях (падении с высоты, автомобильных авариях, ударе электрического тока, утоплении, душении), на терминальной стадии болезни, а также при отсутствии органических повреждений: для его появления существенно не наличие действительной угрозы для жизни, а убежденность человека в своей скорой смерти (Noyes, Kletti, 1976).

Гордеева Ольга Владимировна — канд. психол. наук, доцент кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* olagordeeva@mail.ru

1. Основные элементы западного ОСО

В научной литературе специфические элементы (характеристики) ОСО одним из первых (в 1960-х гг.) попытался классифицировать и систематизировать Реймонд Моуди (1990). Как известно, он выделил 15 таких элементов. Благодаря исследованиям, проведенным за последние 40 лет на американских и европейских выборах, созданная Моуди теоретическая модель возможных переживаний умирающего была в значительной степени пересмотрена и расширена: введены новые элементы, предложены иные типы их классификации, исследована частота встречаемости каждого из элементов, разработаны более строгие методы изучения. На основании этих исследований (Ринг, 1996; Роолингз, 2003; Greyson, 1983; Morse, Perry, 1990; Noyes, Kletti, 1976; Osis, Haraldsson, 1986; Sartori [эл. ресурс]; Van Lommel et al., 2001) мы составили общий перечень элементов, наиболее часто обнаруживаемых в исследованиях западного ОСО. По идущей от Моуди традиции, порядок их перечисления отчасти отражает динамику развития ОСО, однако некоторые элементы присущи данному опыту в целом.

1. *Невыразимость опыта* (трудность его описания).

2. *Ощущение мира и покоя* в момент умирания.

3. Необычные *слуховые ощущения* в начале умирания. Часто имеют неприятный характер, описываются как шум, жужжание, рев, стуки, свист, но возможны и приятные звуки — колокольчики, музыка и др.

4. *Внетелесный опыт (ВТО)*. Этот элемент включает в себя три компонента: а) выход души из тела, б) быстрое движение вверх и в) видение душой своего физического тела из положения сверху (человек утверждает, что его душа, взлетев вверх, покинула тело и свободно перемещалась в пространстве); нередко при этом сообщается о появлении другого «тела» и/или улучшении психического функционирования (интенсификации мышления, появлении паранормальных способностей).

5. *Способность к восприятию окружающей реальности во время ВТО* (такое восприятие действительно возможно, но иногда респонденты неадекватно воспроизводят происшедшее во время их умирания).

6. *Понимание* (осознание и принятие) человеком *того, что он умер*.

7. *Изменение переживания времени* — может проявляться в ощущениях исчезновения времени или искажения его течения: внешние события воспринимаются как происходящие в замедленном темпе, а мысли — в ускоренном.

8. *Темный туннель* (туннельный опыт) — движение после «выхода» из тела сквозь темное замкнутое пространство (туннель, пустоту, трубу, долину и др.) навстречу яркому свету.

9. *Встреча с этим ярким светом*. Этот элемент включает компоненты «ощущение света» и «стремление к нему».

10. *Встреча с другими*. Среди «других» выделяются как *проводники и помощники*, так и *умершие ранее родные и друзья*.

11. *Видения иной реальности*, иных миров.

12. *Светящееся существо.* Многими этот свет персонифицируется — воспринимается как некое существо, любящее и принимающее человека. Оно мысленно задает человеку вопросы: «Готов ли ты к смерти? Что сделал в своей жизни? Что можешь показать мне?»

13. *Обзор жизни* (панорамная память) возникает в ответ на эти вопросы: перед мысленным взором человека, подобно быстро прокручиваемому фильму, проходят картины его жизни.

14. *Трансцендентный характер переживаний:* «заклочительный обзор» помогает человеку включить свою жизнь во всеобщий мировой порядок и понять ее смысл.

15. *Ощущение единства* с миром, Богом, Вселенной.

16. *Граница между мирами.* Может описываться как некое водное пространство, серый туман, дверь, ограда, просто линия и т.д.

17. *Решение о возвращении.* Несмотря на желание остаться в иной реальности, нередко человек решает вернуться ради каких-то незавершенных дел, в ряде случаев это решение принимает за него кто-то другой.

18. *Возвращение.*

19. *Трансформирующее воздействие ОСО.* После его переживания у человека значимо *перестраивается система мотивов и ценностей:* усиливаются духовные потребности и интересы, повышается познавательная и альтруистическая мотивация, возрастает терпимость; возможны *изменения Я-концепции* (рост самопринятия), появление ощущения наличия паранормальных способностей, религиозные обращения.

20. *Новое отношение к жизни и смерти.* Возрастает понимание ценности физической жизни и здоровья, при этом исчезает страх смерти.

21. *Реалистичность переживаемого.* Человек убежден, что действительно побывал в ином мире.

22. *Нежелание рассказывать о пережитом другим* из-за опасений, что окружающие воспримут этот рассказ как признак душевного расстройства.

23. *Запоминаемость ОСО* (этот опыт помнится впоследствии всю жизнь).

24. *Знак опыта.* М. Роолингз (2003) и Ф. Этуотер (Atwater, 1992) показали достаточную распространенность негативного ОСО, который, совпадая с «классическим» (описанным Р. Моуди) позитивным ОСО по основным элементам, отличается от него либо содержанием видений (пугающие образы), либо выраженными негативными эмоциями, либо осмыслением увиденного (в частности, неприятием этого опыта).

В ранних исследованиях по ОСО, проведенных Р. Моуди (1990), К. Рингом (1996), К. Озисом (Osis, Haraldsson, 1986), М. Сабомом (Sabom, 1982), был сделан вывод об универсальности данного опыта, его независимости от культуры. Однако основанием для этого стали сравнения групп респондентов из различных субкультур Запада. С конца 1980-х гг. начались кросс-культурные (в том числе и полевые) исследования ОСО: Дороти Каунтс проводила их в Меланезии (Counts, 1983), Алан Келлехир — на Гавайях (Kellehear, 2001), Тодд Мерфи — в Таиланде

(Murphy, 1999), Йошиа Хата — в Японии (см.: Hadfield, 1991), Сатван Пасриша (Pasricha, 1995), Ян Стивенсон (Pasricha, Stevenson, 1986), С. Блэкмор (Blackmore, 1993) — в Индии и др. Полученные описания были на первый взгляд настолько не похожи на сообщения западных респондентов, что, казалось, опровергали идею универсальности ОСО. Поэтому задачами кросс-культурных исследований стало не только выявление культурной специфики ОСО, но и обнаружение элементов, общих для сравниваемых культур. Анализируя результаты кросс-культурных исследований тайского, индийского и меланезийского ОСО в его сопоставлении с *западным ОСО* (3-ОСО), мы обратились к изучению влияния факторов культуры. Прежде всего нас интересовали существующие в культуре представления о процессе умирания (и об ОСО в частности), усвоение которых конкретными представителями этой культуры и формирует индивидуально переживаемый ОСО. Носителями данных представлений обычно служат народные сказки, мифы, легенды, религиозные тексты и т.п.

Рассматривая результаты проведенного Д. Каунтс (Counts, 1983) исследования ОСО у калиаи (одна из народностей Папуа-Новой Гвинеи) в сопоставлении с меланезийскими мифами и сказками, мы неожиданно обнаружили, что отдельные элементы 3-ОСО могут иметь место в литературе, но отсутствуют в отчетах современных представителей данной культуры. Заинтересовавшись этим явлением, мы продолжили его изучение на материале сравнения западного и индийского опыта. Нашей целью стало выявление универсалий ОСО как в реальном опыте современных индийских респондентов (Гордеева, 2011), так и в характерных для данной культуры (прежде всего религиозных) представлениях о нем. Поэтому мы рассматривали индуизм, являющийся для большинства населения Индии не только активно исповедуемой религией, но и культурной традицией: так, все респонденты С. Пасриши (Pasricha, 1995), отчеты которых мы анализировали (Гордеева, 2011), принадлежали данной конфессии. Основы индуизма восходят к ведической литературе, во многом определившей характер индийской цивилизации в ее историко-культурном, философско-религиозном, обрядово-бытовом, социально-семейном и иных аспектах. В связи с этим мы обратились к анализу древнеиндийских ведических текстов, в частности упанишад. Параметрами анализа стали перечисленные выше элементы 3-ОСО.

2. Представления об ОСО в упанишадах

Упанишады (как один из разделов ведической литературы) представляют собой передаваемые от учителя к ученику наставления, но, в отличие от самих вед, уже не столько ритуально-практического, сколько умозрительно-отвлеченного характера: в упанишадах оформляются философские, космогонические и психологические учения (Упаниша-

ды, 1992, с. 12—13), в них представления об ОСО часто отображены в сюжете посмертных путешествий души героя.

2.1. «Брихадараньяка упанишада»

В разделе Мадху «Брихадараньяка упанишады» (Бр¹, 1992) описана беседа одного из героев, Яджнявалкьи, со своей женой Майтрейи: он, собираясь оставить дом и уйти в лес, передает жене по ее просьбе учение об Атмане и Брахмане. Атман — это высшее субъективное духовное начало, «Я», чистое сознание (от постоянной сущности которого следует отличать преходящие модусы, порождаемые телом, чувствами, интеллектом); Брахман — высшая объективная реальность, абсолютное бытие, безличное начало, из которого возникает (и растворяется при разрушении) мир со всем, что в нем находится. Атман противопоставляется Брахману и в то же время совпадает с ним, поскольку Брахман осознает себя и тем самым становится Атманом. Достижение тождества абсолюта-Брахмана с познающим его Атманом ведет к освобождению индивидуальной души от сансары, переживанием этого является состояние нирваны. Такое слияние означает, что индивидуальное сознание стало единым с чистым «бытием», сознанием и блаженством. Индивидуальность в индуизме считается иллюзией, а достижение нирваны — пробуждением от сновидения об отдельности.

Яджнявалкья говорит Майтрейи, что после смерти человек лишается сознания, поскольку сливается со своим источником — Атманом, и поэтому исчезает всякое подобие двойственности, разделение субъекта и объекта: «Нет после смерти сознания» (Бр, 1992, с. 93). В этом мы усматриваем аналогию с таким элементом 3-ОСО, как *переживание единства* (здесь — единства с Атманом). Данный элемент воплощен и в представлении о достижении единства с Брахманом. Достижение данного слияния, предполагающее постижение истинной сути вещей, отход от категориального («двойственного») восприятия мира и вхождение в состояние нирваны, можно рассматривать как аналог таких элементов 3-ОСО, как *переживание покоя и умиротворенности* и *трансформирующее влияние ОСО* (правда, на Западе данные трансформации охватывают смысловую сферу, не затрагивая, как здесь, когнитивную): человек, достигший единства с Брахманом и обнаруживший в себе Атмана (что тождественно друг другу), становится «успокоенным, укрощенным, воздержанным, терпеливым и собранным... Зло не одолевает его — он одолевает все зло. ...Свободный от зла, свободный от страсти, свободный от сомнения» (там же, с. 128).

Атман в принципе не может быть адекватно схвачен вербальным знанием, так как лежит вне сферы мирских связей и отношений: «Он,

¹ Здесь и далее мы будем использовать сокращенные названия, используемые в специальной литературе по ведическим текстам. См., напр.: Упанишады, 1992, с. 5—63.

этот Атман [определяется так]: “Не [это], не [это]”. [Он] непостижим, ибо не постигается» (там же, с. 112). Это имплицитно указывает на *невыразимость*, невербализуемость опыта, переживаемого в момент единства. Эта невыразимость — следствие исчезновения двойственности: «Где есть [что-либо] подобное двойственности, там... один говорит другому... Но когда все для него стало Атманом, то... как и кому сможет он говорить» (там же, с. 131). «Став единым, он не говорит» (там же, с. 124).

Согласно Бр, душа продолжает существовать после смерти физического тела. *Феномен ВТО* получил свое воплощение в идее пуруши — индивидуального духовного начала, трансцендентного по отношению к телесно-психическому комплексу — телу человека, его уму, познавательным способностям. После смерти пуруша покидает тело человека: «Подобно тому как лежит на муравейнике змеиная кожа, мертвая, сброшенная, так лежит тело» (там же, с. 126); «Когда истощается это [тело], истощается от старости или болезни, то подобно тому, как освобождается от уз [плод] манго... так и этот пуруша, освободившись от этих членов, снова спешит... к месту [новой] жизни» (там же, с. 124).

Восприятие внешнего мира в этот момент прекращается (в отличие от западного феномена *восприятия реальности в момент ВТО*), но связывается это не с гибелью телесных органов чувств, а с изменениями души (трансформирующее влияние ОСО) — с постижением истины об отсутствии субъект-объектного разделения: «[Человек] перестает познавать образы. Став единым, он не видит. ...Став единым, он не познаёт» (там же). Эта высшая истина предполагает и знание об иллюзорности материального мира: после смерти или в состоянии глубокого сна (так в Бр называются осознанные сновидения) пуруша понимает, что «отец — не отец, мать — не мать, миры — не миры, боги — не боги, веды — не веды; здесь вор — не вор, убийца — не убийца... тогда он преодолевает все печали сердца» (там же, с. 121).

Достижение единства с Брахманом переживается пурушей как блаженство: «Он становится словно вода, один, видящий, недвойственный. ...Это — его высшая цель... это — его высшее блаженство» (там же, с. 123). Кроме того, пуруше приписывается и такой атрибут, как рефлексивность. Это позволяет нам сделать вывод, что в содержащемся в Бр описании ОСО неявно содержится и такой элемент 3-ОСО, как *понимание* человеком *того, что он умер*.

В Бр не представлен феномен видения своего тела сверху в момент выхода из тела, но есть указание на *движение вверх* пуруши после смерти. Так, при описании посмертного пути пуруши в высший мир (аналог *видения иной реальности* в 3-ОСО) говорится, что пуруша, поднимаясь, проходит через миры ветра, солнца, месяца, достигая высшего мира: «Узкий, далеко идущий, старый путь лежит передо мной. ...По нему мудрецы, знающие Брахмана, идут в небесный мир, вверх, освобожденные» (там же, с. 126). (Примечательно указание на «узость» данного

пути, хотя прямого описания туннельного опыта в упанишадах мы не встретили.)

Этот мир представляется как комфортный по температуре («свободный от жары, свободный от холода»), также отмечается *отсутствие течения времени*: «Там он живет вечные годы» (там же, с. 137). Поскольку упанишады относятся к священным книгам, то для индуиста *реалистичность* описанного в них *опыта*, переживаемого человеком в момент и после смерти, подразумевается.

При выходе пуруши из тела описано *ощущение света* (аналог *встречи с ярким светом*), но источником света (в отличие от 3-ОСО) выступает сам субъект: «Когда этот Атман, впад в слабость, словно впадает в умопомрачение, то эти жизненные силы собираются вокруг него. Взяв с собой эти частицы света, он спускается в сердце. <...> Конец его сердца начинает светиться, и с этим светом этот Атман выходит через глаз, или через голову, или через другие части тела» (там же, с. 124). В целом сияние считается атрибутом пуруши: «золотой пуруша», «Этот состоящий из разума пуруша, сущность которого — свет» (там же, с. 136).

Образ света устойчиво сопровождает упоминания и о Брахмане. Конечно, достаточно спорным остается вопрос о том, можно ли рассматривать этот символический свет буквально — как визуальное ощущение. Однако следует вспомнить, что при переходе от обычного состояния сознания к такому ИСС, как сон, содержание сознания, согласно Фрейдю (2010), подвергается переработке, одним из видов которой является визуализация, перевод на язык образов (т.е. символ предстает в форме зрительного образа). Возможно, связываемый с Брахманом образ света — это результат данного «перевода», что позволяет (разумеется, с определенной долей условности) рассматривать Брахмана как аналог *светящегося существа* в 3-ОСО. Поэтому стремление индивидуального духовного начала к достижению единства с Брахманом может выступать и как аналог *стремления к свету*. Поскольку Бр посвящена описанию путей праведников (пути богов и пути предков), в ней представлен лишь позитивный ОСО (опыт такого знака часто встречается у западных респондентов).

Таким образом, в Бр в явной форме отражены следующие характерные для 3-ОСО элементы: невербализуемость, ощущение мира и покоя, изменение переживания времени, ВТО, ощущение единства, видения иной реальности, ощущение света и стремление к нему, светящееся существо и встреча с ним, трансцендентный характер переживаний, трансформирующие эффекты ОСО (в частности изменение отношения к жизни и смерти); имплицитно присутствуют такие элементы, как реалистичность переживаемого и понимание человеком того, что он умер (т.е. всего 13 элементов). При этом отсутствуют описания элементов: восприятие мира в момент ВТО («двойное сознание»), невыразимость,

неприятные слуховые ощущения на начальных этапах ОСО, темный туннель, обзор жизни, встречи с умершими друзьями и знакомыми, достижение некой границы, а также (поскольку описывается происходящее при истинной смерти) элементы «обратного пути», характерные для собственно ОСО: решение о возвращении и само возвращение, нежелание рассказывать о пережитом, запоминаемость ОСО.

2.2. «Каушитаки упанишада»

В «Каушитаки упанишаде» (Кау) описывается посмертный переход праведников в иной мир (с подробным описанием пути богов) (Кау, 1992, с. 46—67). Согласно этим представлениям, человек после смерти движется по направлению к луне — «вратам небесного мира». Луна здесь выступает аналогом *святиющегося существа* в 3-ОСО. Луна *задает умершему вопросы*, один из которых «Кто ты?». Это близко по смыслу вопросам святиющегося существа в 3-ОСО, так как здесь от человека также требуется переосмысление всей его жизни. Однако в данном случае этот вопрос предполагает «правильный» ответ: «Кто отвечает ей [должным образом], того она отпускает» (там же, с. 47). Если Луна «отпускает» человека, он может следовать по пути богов (можно провести параллель с характерным для 3-ОСО *видением яркого света и стремлением субъекта к нему*). В противном случае человек продолжает перерождения, следуя по пути предков. Приводится текст «должного» ответа: вначале человек должен сообщить об основных событиях, но не отдельной земной жизни, а существования в целом (он должен сказать о пройденной им цепи повторных рождений), обращаясь к сути своего бытия, а не к особенностям последней из своих земных жизней (там же, с. 48). Это — аналог западного *обзора жизни*, который в данном случае лишен индивидуального характера. Далее, отвечая луне, следует сообщить о своем знании «истины», т.е. о тождестве Атмана и Брахмана и о посмертных путях человека.

Характерный для 3-ОСО *феномен ВТО* здесь не описывается в явной форме, но такие его компоненты, как отделение души от тела после его смерти и ее путешествие, предполагаются во всех направлениях древнеиндийской религиозной мысли. На наш взгляд, в тексте Кау имплицитно содержится описание и такого элемента 3-ОСО, как *понимание человеком того, что он умер*: в своем посмертном существовании он сохраняет сознание, понимание происходящего с ним и свободу воли.

Ответив верно на вопрос луны, субъект вступает на путь богов — начинает перемещение по мирам различных богов и входит в мир Брахмана (Кау, 1992, с. 48) (здесь совпадение с *видением иных миров*). Названия озер, городов, рек, которые путешествующий обнаруживает в этом мире, прозрачны по своей этимологии. Так, он подходит к реке Виджара (vi-jaḡa — «лишенная возраста»; ср. с рекой Летой) и переправляется через нее, что символизирует выход за пределы земного времени (начало

изменения переживания времени) и обретение бессмертия (т.е. выход из сансары) (там же). Река Виджара может рассматриваться как символ *границы между мирами*: когда душа преодолевает эту границу, осуществляется окончательный переход к посмертному существованию.

Момент переправы через реку — это момент преобразования человека, его очищения: «Там он отрясает с себя добрые дела и злые дела. ...Он смотрит сверху на день и ночь, на добрые дела и злые дела, и на все пары [противоположностей]» (там же, с. 48—49). Человек дистанцируется и занимает рефлексивную позицию в отношении своей жизни, видит противоположности земной жизни как не существующие на самом деле (очевидна аналогия с *обзором жизни*, здесь уже индивидуальным: человек с определенной позиции рассматривает собственные поступки). Принимаемая в этот момент позиция предполагает и отстраненность, непривязанность: земная жизнь перестает интересовать, становится безразличной. Можно провести параллель с характерными для 3-ОСО *переживанием покоя и умиротворенности* и возникающими в момент обзора жизни *трансцендентными переживаниями*: человек по-новому видит свою жизнь как включенную во всеобщий мировой порядок, что позволяет ему понять смысл своего существования. Такое освобождение от земных дел выступает как начало посмертного движения души по пути морального совершенствования и духовного развития (как оно представляется в традиции индуизма), что обусловлено продолжающимся познанием истины (в Кау это символически представлено в виде путешествия по миру Брахмана). В этом мы видим аналогию с *трансформирующим влиянием* в 3-ОСО. Эта трансформация здесь (как и на Западе) выражается в *появлении новых взглядов на жизнь и смерть* и ощущения приближения к Богу, а также в *изменении самоидентичности* с полной утратой эго: в индуизме смерть эго — одно из необходимых условий достижения нирваны, освобождения из колеса сансары.

В конце путешествия человек приходит к Брахману (аналог *светящегося существа*), который задает ему вопрос: «Кто ты?» Здесь (как и в случае с вопросом луны) на вопрос следует ответить должным образом: «Я — ...Атман каждого существа. Ты — Атман каждого существа. Что есть ты — то и я» (там же, с. 49). Этот ответ, свидетельствующий о правильном понимании учения вед, означает, что индивидуальная душа достигла слияния с Брахманом (что аналогично *переживанию единства* в 3-ОСО). В достижении единства с Брахманом можно усмотреть пересечение с еще одним элементом 3-ОСО — *изменением переживания времени* (вплоть до ощущения исчезновения времени), поскольку Брахман — это абсолютное духовное начало, пребывающее вне времени и пространства. Также, поскольку упанишады относятся к священным книгам, для индуиста несомненна *реалистичность* описываемого в них посмертного *опыта*. Поскольку в Кау представлено следование души

по пути богов, то предполагается положительный знак описываемого здесь опыта (характерный для классического 3-ОСО).

Таким образом, в Кау нами обнаружены следующие элементы, характерные для 3-ОСО: встреча со светящимся существом, задающим вопросы, трансцендентные переживания, обзор жизни, ощущение единства, изменение переживания времени, видение иной реальности, переживание мира и покоя, достижение некоей границы, трансформирующее влияние ОСО, встреча с ярким светом (ощущение света и стремление к нему); имплицитно в тексте присутствуют такие элементы, как понимание человеком того, что он умер, феномен ВТО, реалистичность переживаемого, появление нового отношения к жизни и смерти (всего 14 элементов).

Поскольку в Кау описан опыт «невозвращения» (т.е. подлинной смерти), отсутствуют элементы «обратного пути», решение о возвращении и само возвращение, трудности рассказа о пережитом (невыразимость ОСО и нежелание рассказывать о нем), запоминаемость ОСО. Кроме того, в Кау нет описаний таких элементов 3-ОСО, как «двойное сознание», темный туннель, неприятные слуховые ощущения на начальных этапах ОСО, встречи с умершими родственниками и знакомыми.

2.3. «Катха упанишада»

В «Катха упанишаде» (Кат) рассказана история Начикетаса, которого бог смерти Яма посвятил в свое учение (Кат, 1992, с. 95—112).

Яма (Yama) в ведийской, эпической, буддийской, а позднее и в индуистской литературе — бог смерти и справедливости, повелитель царства мертвых, страж морального правопорядка (отсюда его эпитет Дхармараджа, Царь дхармы, где дхарма понимается как закон, долг, справедливость, универсальная морально-этическая норма) (Невелева, 1975, с. 80—81; Сахаров, 1991, с. 76). Определяющим атрибутом Ямы является аркан (веревка, петля), которым он обвивает и достает из тела человека его душу при умирании (здесь имплицитно содержится идея делимости души от тела, а также мысль о том, что это отделение есть смерть). Другой атрибут Ямы — жезл (данда), символ правосудия (Яма осуществляет суд над умершими). Также атрибутом Ямы как сына солнца является сияние; отсюда его эпитет Вайвасвата (Vaivasvata — сын солнца) (Кат, 1992, с. 267; Невелева, 1975, с. 80; Сахаров, 1991, с. 97). С.Л. Невелева (1975, с. 80) замечает, что сияние — общая для всех богов индуистского пантеона характеристика.

В Кат говорится, что отец героя, Ваджашравас, приносил в жертву коров, но те оказались слишком немощными, и, чтобы отвести от отца грех принесения неправедных даров и помочь ему избежать тяжелой судьбы, Начикетас настоял на том, чтобы самому быть принесенным в жертву Яме, после чего очутился у стен его обители (*видение иной реальности*). Поскольку одним из атрибутов Ямы является сияние, его

можно рассматривать как аналог *светящегося существа*, а стремление к общению с ним и к познанию от него истины — как аналог *стремления к свету*.

Начикетас, прекрасно осознающий, что находится в царстве Ямы (*осознание факта собственной смерти*), начал беседовать с Ямой (*видение существа из иной реальности*). Владыка Смерти посулил Начикетасу исполнить три его желания. Начикетас захотел постичь сущность учения об Атмане и Брахмане, узнать, что ждет человека за порогом смерти. Но Яма, не желая передавать знания недостойным, решил испытать Начикетаса, посулив тому разнообразные дары, связанные с мирским счастьем и благополучием, если он откажется от своего намерения (Кат, 1992, с. 100). Начикетас отверг все земные соблазны, прося Яму стать его учителем. Увидев твердую веру Начикетаса и готовность к восприятию высшей мудрости, Яма открыл ему великую истину об Атмане и Брахмане, понимание которой избавляет человека от тревог и привязанностей, освобождает от уз рождения и смерти, рассказал об истинной неразличимости феноменов мира, о тождестве индивидуального и всеобщего начал и о едином начале во всех существах. Обретение этой истины помогло Начикетасу достичь высшего просветления и бессмертия в результате прекращения всех желаний. Здесь мы усматриваем некоторый аналог с *феноменом границы*, только в данном случае она имеет не пространственный, а временной характер: «точка невозвращения» — это начало передачи Ямой великой истины. *Решение о переходе этой границы* (для обретения высшей истины), т.е. *о невозвращении*, принимает сам герой, желающий этого перехода (поскольку граница пройдена, описания возвращения отсутствуют).

Яма излагает и представления о пуруше, который сравнивается с маленьким человечком, живущим в теле человека и покидающим его после смерти (там же, с. 107) (в учении о пуруше, на наш взгляд, содержится представление о *феномене ВТО*).

В Кат общение с Ямой представлено отношениями ученичества: Яма выполняет *функцию проводника*, но не просто в загробную жизнь, а в мир высшей истины, т.е. подлинной реальности. При этом у Начикетаса сохраняются собственная воля и самоконтроль (что не характерно для более позднего индийского ОСО — Гордеева, 2011; Гордеева, Прибытков, 2012). Многие западные респонденты сообщали, что после ОСО стали больше ценить познание, однако эти изменения возникали в результате общения с принимающим и всепрощающим светящимся существом и переосмысления собственной жизни (т.е. отсутствовал аспект испытания). В Кат наоборот: Бог не помогает постичь ценность познания, а, напротив, испытывает героя, а тот изначально обладает огромной потребностью в познании, которую ставит выше потребностей тела. Здесь нет роста склонности к познанию, *трансформирующее*

влияние ОСО проявляется в другом: суть передаваемого Ямой Начикетасу учения, в частности, состоит в отказе от противопоставлений и от обиденного восприятия мира, в осознании единства с высшим началом. Приняв это учение, Начикетас достиг Брахмана, соединившись с ним (Кат, 1992, с. 112) (аналог *ощущения единства с миром*), «стал бесстрастным и бессмертным» (аналог *появления нового отношения к жизни и смерти*). Кроме того, нам представляется допустимым интерпретировать эту «бесстрастность» как аналог западного *переживания мира и покоя*.

Некоторые другие элементы 3-ОСО прямо не упоминаются, но их существование можно предположить, следуя логике текста: *невыразимость* пережитого (поскольку передача учения о Брахмане и Атмане предполагает работу не столько с когнитивными, сколько со смысловыми образованиями), *нежелание рассказывать* о пережитом (поскольку истина сакральна и может быть передана лишь достойным этого), *изменение переживания времени* (поскольку земное время — такая же иллюзия, как и земной мир), *обзор жизни и трансцендентный характер переживаний* (постижение истины предполагает взгляд на свою жизнь с этих новых позиций, разумеется, конкретные воспоминания, как в западном обзоре жизни, не значимы для постигшего истину), *реалистичность пережитого* и его высокая *запоминаемость* (вследствие огромной значимости постигаемой истины). ОСО, описанный в Кат, носит несомненно положительный характер, как и «классический» 3-ОСО.

Итак, в Кат мы встречаем в явной форме ряд таких характерных для 3-ОСО элементов, как переживание мира и покоя, ВТО, понимание человеком того, что он умер, ощущение света и стремление к нему, видение иной реальности, встреча со светящимся существом из этой реальности (богом Ямой), выполняющим одновременно и функцию проводника, ощущение единства, трансформирующее воздействие ОСО и формирование нового отношения к жизни и смерти, феномен границы и принятие решения о ее переходе (т.е. о невозвращении), а также (в имплицитной форме) невыразимость, нежелание рассказывать о пережитом опыте, изменение переживания времени, обзор жизни, трансцендентный характер переживаний, реалистичность пережитого и его запоминаемость (всего 18 элементов). Как мы видим, общее количество элементов 3-ОСО возрастает в Кат по сравнению с Бр и Кау: обратим внимание, что Кат — более поздняя упанишада, а Бр и Кау — более ранние (появились приблизительно в VI—III вв. до н.э.) (Упанишады, 1975, с. 31, 80; Кат, 1992, с. 16).

В Кат мы не встретили описаний таких элементов, как темный туннель, восприятие окружающей действительности во время ВТО, встреча с умершими родственниками и знакомыми, возвращение, неприятные слуховые ощущения.

3. Выводы

Обобщая данные анализа, можно сказать, что в упанишадах в явной форме описаны 14 элементов, характерных для современного 3-ОСО (хотя описания некоторых встречались в одной из упанишад и могли не встретиться или неявно упоминались в другой): невыразимость, ощущение мира и покоя, ВТО, понимание факта собственной смерти, изменение переживания времени, встреча с ярким светом (ощущение света и движение к нему), видение светящегося существа (которое могло выполнять функцию проводника в иную реальность), видения иной реальности, обзор жизни, трансцендентный характер переживаний, ощущение единства, достижение некоей границы, трансформирующее воздействие ОСО, в том числе и изменение отношения к жизни и смерти. Поскольку во всех рассмотренных упанишадах описан именно посмертный опыт (т.е. не предполагающий возвращение человека к жизни), а не собственно ОСО, в качестве 15-го явного элемента можно указать «решение о невозвращении», заменяющее характерное для ОСО «решение о возвращении». Кроме того, в имплицитной форме присутствуют еще 3 элемента: реалистичность переживаемого, запоминаемость пережитого опыта и нежелание о нем рассказывать. Все рассмотренные нами упанишады посвящены описанию переживаний праведников, поэтому в них представлен позитивный ОСО (часто встречающийся у западных респондентов).

Отсутствуют какие-либо упоминания о следующих 5 элементах: необычные слуховые ощущения в начале ОСО, способность к восприятию окружающей действительности во время ВТО, темный туннель, встреча с умершими, возвращение (последнее обусловлено тем, что в данных упанишадах сюжет не предполагает возвращения к жизни, т.е. наличия собственно ОСО). Сравнивая результаты данного исследования с проведенным нами сопоставлением с 3-ОСО современного индийского опыта (Гордеева, 2011), а также опыта, описанного в древнеиндийских пуранах (Гордеева, Прибытков, 2012) и эпосе «Махабхарата», мы обнаруживаем большее сходство с западным не современного индийского ОСО, а ОСО, описанного в древнеиндийской литературе. Особенно велико это сходство не с упанишадами (VIII—III вв. до н.э.), а с пуранами (рассмотренные нами созданы с III по XII в. н.э.) и «Махабхаратой» (обычно ее датируют IV—III вв. до н.э., современный вид она приобрела к V в. н.э.), где количество обнаруженных нами элементов 3-ОСО возрастает до 20 (Гордеева, Прибытков, 2012) (аналогичный рост числа элементов 3-ОСО в более поздних источниках мы увидели и на материале самих упанишад). Современный же индийский опыт имеет более выраженную культурную специфику (она проявляется в содержании элементов и времени их появления в динамике ОСО) и меньшее число элементов, общих с западными (Гордеева, 2011).

Нами выявлена следующая культурная специфика ОСО, описанного в упанишадах (по сравнению с западным ОСО):

1) у западных респондентов ощущение мира и покоя возникает на ранних этапах развития ОСО, в упанишадах оно появляется гораздо позже, вместе с переживанием единства и личностными трансформациями²;

2) в феномене ВТО отсутствует такой компонент, как видение (в момент «выхода») своего тела из положения сверху, что обычно имеет место в современном 3-ОСО;

3) может присутствовать мотив испытания героя перед началом трансформирующего воздействия ОСО, перед постижением героем высшей истины (как в Кат), что не характерно для современного 3-ОСО;

4) имеет место несколько иное содержание вызванных ОСО изменений в душевной жизни: последствием переживания этого опыта является не возрастание ценности познания (что характерно для 3-ОСО), а постижение учения о сущности Атмана и Брахмана;

5) трансформирующее влияние ОСО охватывает не только мотивационно-смысловую сферу (как у западных респондентов), но и когнитивную: исчезают все познавательные процессы, которые предполагают субъект-объектную дифференциацию, противопоставление познающего и действующего субъекта и внешнего мира, — восприятие, категориальное мышление (описано в Бр), что абсолютно не характерно для западного респондента;

6) переживание обзора жизни может носить характер не единичный и индивидуальный (как на Западе), а множественный (т.е. происходит неоднократно на разных этапах умирания) и неиндивидуальный: например, в Кау обзор жизни сначала возникает в ответ на вопрос светящегося существа (луны) как «должный», лишенный индивидуального содержания (ситуация, когда человек должен «правильно» отвечать на заданные ему вопросы, повторяется впоследствии при его встрече с Брахманом), затем, когда человек достигает границы («точки невозврата»), реки Виджара, у него возникает обзор жизни, имеющий индивидуальный характер.

Можно видеть, что обнаруженное сходство между ОСО, описанным в упанишадах и представленным в отчетах современных западных респондентов, касается не столько содержания элементов, сколько их функций в реализации определенного сценария. С культурой содержание элементов (т.е. образы, реализующие эту функцию) может меняться, а сюжет остается достаточно устойчивым. Это сюжет путешествия в мир мертвых и возвращения обратно (ср. с мифологией смерти как архетипической модели всякого перехода у М. Элиаде (2002)). Для этого

² Отсутствие указания на конкретную упанишаду при рассмотрении специфики ведического ОСО означает, что данная особенность характерна для всех рассмотренных упанишад.

сюжета характерно: 1) появление признаков умирания как сигналов о переходе в иной мир; 2) расставание души с телесной оболочкой и начало путешествия души (феномен ВТО); 3) само перемещение; 4) наличие проводников, которые помогают человеку добраться и/или адаптироваться в новой реальности; 5) видение иной реальности; 6) встреча с высшим светящимся существом (временная локализация этой встречи в культурных представлениях может быть различной: такая встреча возможна и до перехода границы, как в случае классического ОСО, и после перехода, как в случае действительного умирания); 7) диалог с этим существом, в процессе которого происходит оценка прожитой человеком жизни; 8) итогом диалога может являться получение человеком некоего «дара» (знаний, откровений, истины) или трансформация человека в сторону большего совершенства; 9) достижение некой границы, «точки невозврата» (которая не переходится, если мы имеем дело с настоящим ОСО); 10) возвращение.

Что касается древнеиндийского ОСО, то в своей развернутой форме этот сценарий представлен в более поздних текстах — пуранах (Гордеева, Прибытков, 2012) и эпосе (описанию ОСО посвящен ряд фрагментов I, III, XVII и XVIII книг «Махабхараты»). В упанишадах оказываются редуцированными или недостаточно развернуто представленными 1-й этап (появление признаков умирания), 4-й (проводники) и 10-й (сюжет данных текстов не предполагает возвращения к прежней жизни), тем не менее подобный сюжет ясно прослеживается.

Итак, выявлено много сходного в современном западном ОСО и древнеиндийских представлениях о нем. Как уже говорилось, наличие универсальных «паттернов» ОСО, независимых от влияния конкретной культуры и социума, обнаружили и другие исследователи (Counts, 1983; Murphy, 1999; Pasricha, 1995). Нейрофизиологическое объяснение этому дал В.А. Неговский (1983), который считал, что поскольку у представителей разных стран и народов строение мозга и законы его функционирования одинаковы, то «закономерности умирания и оживления его будут однотипны», поэтому феномены ОСО, в основе которых лежат идентичные физиологические процессы, будут сходным образом переживаться людьми разных культур.

Мы придерживаемся культурно-исторического объяснения различий и сходств ОСО в разных культурах и эпохах. Однако, на наш взгляд, сходные черты ОСО обусловлены не конкретной, а некой общечеловеческой культурой. В ней фиксированы универсальные, присущие роду *Homo sapiens* отношения с миром и универсальные психические структуры, отражающие эти отношения (К.Г. Юнг искал истоки универсалий в генетическом опыте человечества, а не в сходстве общественной жизни и практики).

Мы считаем, что ОСО является культурно-исторически обусловленным ИСС (Гордеева, 2002) и представляет собой сложное системное об-

разование, где физиологические феномены могут получать культурную интерпретацию и замечаться, рефлексироваться человеком (т.е. начать существовать для него, означившись в культуре, выступая элементами ОСО), а могут закономерно развиваться, не будучи замеченными самим человеком. Они входят в тело культуры и начинают существовать для человека (выступая элементами ОСО) как строительный материал для культурного сценария. Универсальны ли физиологические явления, отражающие постепенную смерть мозга? Да (здесь мы разделяем позицию Неговского), даже когда нет реальных повреждений, организм может запускать физиологические и психологические механизмы подготовки к смерти. Можно сказать (пользуясь метафорой Е.Е. Соколовой), что физиологические ощущения — это материал, из которого по лекалам сценария кроится и шьется платье ОСО. Любой сценарий имеет общий надкультурный сюжет и некоторую культурную специфику (детали сюжета и особенности персонажей). Как покрой платья предусматривает выбор определенного материала, так и конкретный сценарий задает востребованность одних физиологических феноменов и невостребованность (или иную интерпретацию) других. Носителем данного сценария, как показал В.Я. Пропп (1986), может выступать волшебная сказка; именно через нее он усваивается конкретным представителем культуры и становится формирующим ОСО началом. Таким образом, культура определяет значимость элемента, влияя на частоту его встречаемости в описании ОСО: например, феномен так называемого «туннельного зрения» замечается западным респондентом, но может не быть воспринят представителем другой культуры, поскольку не является для него «культурным знаком».

Проведенный нами сопоставительный анализ современного западного ОСО и древнеиндийских ведических представлений о нем обнаружил наряду с культурно-специфическими особенностями кросс-культурные универсалии ОСО, выражающиеся как в сходстве сюжетов, так и в реализующих этот сюжет элементах ОСО. При этом данные выводы носят лишь предварительный характер и нуждаются в подтверждении путем изучения ОСО (и представлений о нем) в других исторических эпохах и культурах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Брихадараньяка упанишада // Упанишады: В 3 кн. / Пер., предисл. и коммент. А.Я. Сыркина. М., 1992. Кн. 1. С. 70—238.

Гордеева О.В. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского как методологическая основа изучения измененных состояний сознания // Уч. зап. каф. общей психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Вып. 1 / Под ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. М., 2002. С. 134—149.

Гордеева О.В. Специфика околосмертного опыта у представителей западной и индийской культур: сопоставительный анализ // Вопр. психологии. 2011. № 3. С. 121—131.

Гордеева О.В., Прибытков Е.В. Представления об околосмертных переживаниях в древнеиндийской пуранической литературе: сопоставление с современным западным опытом // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2012 (в печати).

Катха упанишада // Упанишады: В 3 кн. / Пер., предисл. и коммент. А.Я. Сыркина. М., 1992. Кн. 2. С. 95—112.

Каушитакри упанишада // Упанишады: В 3 кн. / Пер., предисл. и коммент. А.Я. Сыркина. М., 1992. Кн. 2. С. 47—67.

Моуди Р. Жизнь после жизни. М., 1990.

Невелева С.Л. Мифология древнеиндийского эпоса (пантеон). М., 1975.

Неговский В.А. Клиническая смерть: психофизиологические аспекты // Анестезиология и реаниматология. 1983. № 5. С. 67—71.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

Ринг К. Околосмертный опыт // Пути за пределы «эго» / Под ред. Р. Уолша, Ф. Воон. М., 1996. С. 222—230.

Рооллинз М. За порогом смерти. СПб., 2003.

Сахаров П.Д. Мифологическое повествование в санскритских пуранах. М., 1991.

Упанишады: В 3 кн. / Пер., предисл. и коммент. А.Я. Сыркина. Кн. 2. М., 1992.

Упанишады // БСЭ: В 30 т. Т. 27. 3-е изд. М., 1975. С. 31.

Фрейд З. Толкование сновидений. М., 2010.

Элиаде М. Оккультизм, колдовство и моды в культуре. Киев, 2002.

Atwater P.M.H. Is there a hell? // J. of Near-Death Studies. 1992. Vol. 10. N 3. URL: <http://www.cinemind.com/atwater/hell.html>

Blackmore S. Dying to live: Near-death experiences. L., 1993.

Counts D.E. Near-death and out-of-body experiences in a Melanesian society // Anabiosis. 1983. Vol. 3. P. 115—135. URL: <http://anthropology.uwaterloo.ca/WNB/NearDeath.html>

Greyson B. The Psychodynamics of near-death experiences // The J. of Nervous and Mental Disease. 1983. Vol. 171. N 6. P. 376—381.

Hadfield P. Japanese find death a depressing experience // New Scientist. 1991. Vol. 132. N 1797. P. 11.

Kellehear A. An Hawaiian NDE // J. of Near-Death Studies. 2001. Vol. 20. N 1.

Morse M., Perry P. Closer to the light. N.Y., 1990.

Murphy T. Near-death experiences in Thailand. 1999. URL: <http://www.shaktitech-nology.com/thaindes.htm>

Noyes R., Kletti R. Depersonalization in the face of life-threatening danger // Psychiatry. 1976. Vol. 39. N 1. P. 19—27.

Osis K., Haraldsson E. At the hour of death. N.Y., 1986.

Pasricha S. Near-death experiences in South India // J. of Scientific Exploration. 1995. Vol. 9. N 1. P. 79—88.

Pasricha S., Stevenson I. Near-death experiences in India // J. of Nervous and Mental Disease. 1986. Vol. 174. P. 165—170.

Sabom M. Recollections of death: A medical investigation. N.Y., 1982.

Sartori P. A long-term prospective study to investigate the incidence and phenomenology of near-death experiences in a Welsh Intensive Therapy Unit. URL: <http://www.scimednet.org/Articles/PCSartori.htm>

Van Lommel P., Wees R. van, Meyers V., Elfferich I. Near-death experience in survivors of cardiac arrest: a prospective study in the Netherlands // The Lancet. 2001. Vol. 358. N 9298. P. 2039—2045.

Поступила в редакцию
28.03.12

ПСИХОЛОГИЯ — ПРАКТИКЕ

А. С. Ванесян

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА АКТИВНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕЗЕРВНЫХ СИСТЕМ ОРГАНИЗМА (АМЭРСО) ПРИ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЯХ

В статье описан опыт применения психокоррекционных здоровьесберегающих технологий при оказании психотерапевтической помощи пациентам с различными психосоматическими заболеваниями. Представлен теоретический подход к разработке авторского метода активной мобилизации энергетических резервных систем организма (АМЭРСО). Приведены результаты занятий по методу АМЭРСО с 16 пациентами, свидетельствующие об эффективности данного метода.

Ключевые слова: стресс, психосоматические заболевания, метод активной мобилизации энергетических резервных систем организма (АМЭРСО).

The paper presents the experience of using psycho-correctional health saving technologies in providing psychotherapeutic assistance to patients with various psychosomatic diseases. The theoretical approach to the author's method of mobilization of reserve power systems of the body (AMERSO) is described. The results of studies by the method of AMERSO with 16 patients, indicating the effectiveness of this method, are represented.

Key words: stress, psychosomatic diseases, active mobilization of energy reserve systems of the organism (AMERSO) method.

В современной клинической психологии первопричиной развития многих психосоматических заболеваний принято считать воздействие стрессовых факторов различной интенсивности и длительности (Бодров, 2000; Китаев-Смык, 2009; Кокс, 1981; Леонова, 1984). Особенно выраженные стрессы наблюдались при различных техногенных катастрофах, таких, как чернобыльская и уфимская (Тарас, Сельченко, 2002). Известно, что стресс может привести к возникновению онкологических заболеваний, заканчивающихся нередко летальным исходом (Саймонтон, Саймонтон, 2001).

Ванесян Ашот Саркисович — докт. мед. наук, профессор, зав. кафедрой клинической психологии ф-та психологии Башкирского гос. ун-та (г. Уфа). *E-mail:* vanesyana@yandex.ru

В настоящее время в медицинской практике при оказании психотерапевтической помощи клиентам наряду с медикаментозными средствами широко применяются и методы гипнотерапии. Однако эти методы не всегда приводят к желаемому результату в связи с подавлением личности и воли клиента, а также полным отсутствием всякой возможности его участия в реабилитационном процессе (Кандыба, 2003). Использование медикаментозных средств также не позволяет добиться ожидаемого эффекта в связи с наличием побочных действий многих лекарственных препаратов (аллергические реакции, противопоказания при наличии каких-либо хронических заболеваний, возможности привыкания, нарушения обмена веществ и др.) (Аматуни, 1985; Бабак и др., 2002; Бактерии..., 2003; Катцунга, 2000; Перцев, 2002).

Цель настоящей работы заключалась в изучении эффективности применения психокоррекционных здоровьесберегающих технологий при различных психосоматических заболеваниях. Данные технологии были разработаны на кафедре клинической психологии Башкирского государственного университета (БашГУ) и получили название «Активная мобилизация энергетических резервных систем организма — АМЭРСО» (Ванесян и др., 2011).

Предлагаемый нами **метод** опирается на психонейроиммунологическую модель К. Саймонтона и С. Саймонтона (2001), описывающих механизмы развития онкологических заболеваний как общую модель формирования психосоматических расстройств. Пусковым моментом патогенеза этих болезней является эмоциональный стресс, а затем включаются дополнительные патологические механизмы, приводящие к сбою иммунной и гормональной систем. Вначале возникает психологический стресс, затем — депрессия, отчаяние, далее в процесс вовлекаются лимбическая система, гипоталамус, гипофиз, эндокринная и иммунная системы. В дальнейшем происходит подавление иммунной системы, увеличивается количество атипичных клеток и развивается рак. Данный механизм развития онкологических заболеваний согласуется с современными психофизиологическими представлениями о патогенезе психосоматических заболеваний (Сандомирский, 2005). Этими же авторами (Саймонтон, Саймонтон, 2001) была разработана и психофизиологическая модель выздоровления. Однако в данной модели имеется существенный, на наш взгляд, психокоррекционный недостаток: путь исцеления направлен на надежду, веру в будущее, т.е. на ресурсы адаптивные, но принципиально не рационализируемые и детально не конкретизируемые. Вполне понятно, что при серьезных заболеваниях эффективность психологической помощи, осуществляемой по предложенной американскими учеными схеме, будет весьма низкой. Вместо внушения абстрактной надежды и веры в будущее мы предлагаем обучать клиентов способу АМЭРСО, опирающемуся на использование человеком собственных внутренних ресурсов психики и организма в

целом, представляемых с точки зрения системного подхода и совмещаемых с технологиями рефлекторной психокоррекции.

При разработке своего метода мы исходили из идей А.Р. Лурия (2006), создавшего системную структурно-функциональную модель работы мозга как субстрата психической деятельности. Согласно данной модели, весь мозг может быть подразделен на 3 основных структурно-функциональных блока: 1 — энергетический блок, или блок регуляции уровня активности мозга (ретикулярная формация ствола мозга, лимбическая система и образования древней медиальной и базальной коры); 2 — блок приема, переработки и хранения информации, поступающей из внешней среды (задние отделы обоих полушарий, теменные, височные и затылочные отделы коры); 3 — блок программирования, регуляции и контроля за протеканием психической деятельности (лобные доли мозга). Следует подчеркнуть, что энергетический блок еще называют рептильным мозгом, так как он был сформирован в процессе эволюции сотни миллионов лет назад у ящериц, крокодилов, черепах и других рептилий. Блок же программирования, регуляции и контроля за протеканием психической деятельности (лобные доли мозга) эволюционно образован гораздо позднее. Однако этот блок используется лишь на 3—5%. Помимо контроля состояния скелетных мышц человек может только произвольно регулировать частоту дыхания (учащать и замедлять его), а также управлять своими сфинктерами (мочевыделение и дефекация). Регулировать свое артериальное давление (произвольно повышать и снижать его), а также управлять путем волевых усилий биологическими процессами, происходящими в организме, без формирования специального навыка (например, с помощью техники биологической обратной связи — БОС), человек не умеет.

Согласно данным А.Р. Лурия, функциональные системы, обеспечивающие реализацию высших психических функций, помимо более сложного состава, обладают и большей пластичностью, гибкостью, взаимозаменяемостью звеньев по сравнению с системами обеспечения физиологических функций. Это их свойство легло в основу концепции А.Р. Лурия о нейропсихологических механизмах восстановления нарушенных психических функций. Такое восстановление достигается за счет перестройки соответствующих функциональных систем. Мы решили использовать данные функциональные системы не в случаях поражения мозговых зон, а в случае наличия какого-либо процесса, не связанного напрямую с патологией центральной нервной системы. Такими процессами могут быть неблагополучие сердечно-сосудистой, дыхательной, пищеварительной, мочевыделительной и других систем организма. Фундаментальной основой психокоррекционного эффекта при этом выступает принцип психосоматического континуума, неразрывной связи психических и соматических процессов (Психофизиология, 2007).

По нашему мнению, функциональные резервные системы, имеющиеся в распоряжении «здорового мозга», обладают более значительными компенсаторными возможностями по сравнению с возможностями при поражении его отдельных участков. Активизируя данные системы, можно добиться существенных результатов психологической помощи при различных патологических состояниях. При этом используются различные функционирующие на физиологическом уровне психосоматические механизмы саногенеза, которые на психологическом уровне могут рассматриваться как подсознательные психокоррекционные ресурсы оздоровления (Сандомирский, 2007): а) антиноцицептивный, иммунорегуляторный, нейрорегуляторный (координация активности отдельных органов и функциональных систем); б) вегетативный (надсегментарный эрго- и трофотропный); в) вазомоторный (оптимизация кровотока на уровне макро- и микроциркуляции); г) нейроэндокринный (действует через гипоталамо-гипофизарную систему); д) нейротрофический (улучшение трофики тканей); е) метаболический (влияет на основной обмен, а также на углеводный и другие виды обмена веществ).

Остановимся подробнее на нейроэндокринном, нейротрофическом и метаболическом психосоматических ресурсах, связанных с использованием в качестве промежуточного звена психосоматической регуляции, или «посредников» между психикой и телом циркулирующих в организме эндогенных биологически активных веществ (БАВ). Из эндокринологии, биохимии, иммунологии известно, что железы внутренней секреции (гипофиз, эпифиз, щитовидная, паращитовидные, вилочковая, поджелудочная, корковое и мозговое вещества надпочечников, а также половые железы) синтезируют более 200, а все клетки нашего организма — более 2.5 млн БАВ (Бурлакова, 2000; Перцев, 1999; Пустовалова, 2006). Эта природная уникальная и универсальная «аптека» обладает огромными преимуществами перед искусственно синтезированными препаратами, поскольку собственные БАВ не имеют побочных действий и каких-либо противопоказаний; не вызывают аллергических реакций; не приводят к привыканию и зависимости; не нарушают обменных процессов; доставляются в любой орган вне зависимости от его локализации в неизменной концентрации. Наконец, БАВ позволяют не расходовать денежные средства на дорогостоящие и весьма неэффективные препараты.

Обучение предлагаемому нами методу АМЭРСО проходит в 3 этапа. На 1-м этапе клиента обучают расслаблению всех мышц лица, туловища и конечностей; на 2-м этапе он овладевает умением переходить в измененное состояние сознания (ИСС) — чувствовать тепло в руках, ногах, пальцах верхних и нижних конечностей, а также контролировать все свои внутренние органы; на 3-м этапе клиент начинает эффективно

использовать ИСС для восстановления нарушенного баланса психосоматической составляющей организма, в частности посылать импульсы в различные органы, пораженные тем или иным патологическим процессом (подробнее об этом см.: Ванесян и др., 2011).

Под нашим наблюдением находилось 16 человек с различными психосоматическими заболеваниями, из них 10 (подростки 14—17 лет) — с признаками артериальной гипертензии; 1 (47 лет) — с хроническим гломерулонефритом; 1 (53 лет) — с генерализованным атопическим дерматитом кистей рук эндогенной лекарственной этиологии; 4 онкобольных: 1 (76 лет) — с раком предстательной железы; 1 (54 лет) — с менингеомой передних бугорков турецкого седла; 1 (50 лет) — с аденомой гипофиза, 1 (55 лет) — с миомой матки, заболеванием шейки матки. Все диагнозы были поставлены на основании клинических данных, а также по результатам применения лабораторных и инструментальных методов исследования (УЗИ, КТ, МРТ). Онкологические больные отказались от оперативного вмешательства и обратились за помощью в Центр клинической психологии, организованный на базе БашГУ.

В начале занятий все больные предоставили данные (оригиналы или копии) лабораторных, биохимических, инструментальных и других методов исследования. Через 1—3 месяца все исследования повторялись и проводился анализ эффективности занятий по методу АМЭРСО. Число занятий колебалось от 10 до 40 и более. Продолжительность одного занятия от 30 до 60 минут. Проводилась также запись каждого занятия на диктофон с целью последующего прослушивания и повторения в домашних условиях. Эффективность занятий контролировалась данными аудиометрии, измерений артериального давления и частотой сердечных сокращений (пульсометрии), которые систематически проводились до и после занятий. Аудиометрия проводилась с использованием аппарата КТД-8 в диапазоне частот от 250 до 6000 Гц с уровнем интенсивности воздействия от 5—10 до 70 дБ, проверялась слышимость правым и левым ухом до и после занятий, а заодно и работа левого и правого полушарий головного мозга.

Следует особо подчеркнуть, что мы отказались от методов опроса, широко используемых как в отечественной, так и в зарубежной психологии, а впервые применили объективный контроль с использованием неинвазивных методов диагностики эффективности проводимых нами занятий. Как правило, после каждого занятия у пациентов с артериальной гипертензией регистрировались снижение артериального давления в среднем на 15—20 мм рт. ст., частоты сердечных сокращений на 10—15 единиц, а также улучшение слышимости в обоих ушах на 5—10 дБ. Эти данные свидетельствовали об эффективности каждого проводимого нами занятия, что весьма положительно сказывалось на самочувствии наших клиентов: наблюдая положительные результаты с

помощью приборов, они испытывали удовлетворение от проводимых нами психотерапевтических процедур. Окончательные итоги подводились спустя 1—3 месяца, после получения результатов УЗИ, КТ, МРТ и других методов исследования.

Результаты

В результате проведенных занятий все 10 подростков научились регулировать свое артериальное давление и избавились от артериальной гипертензии (первоначальные показатели АД, колебавшиеся от 150 до 180 мм рт. ст., снизились до 110—130 мм рт. ст. всего за 10 занятий).

У больного с хроническим гломерулонефритом после 10 занятий нормализовались показатели крови на креатинин (до занятий — 140, после — 112 ммоль/л), на мочевины (до — 8,5 после — 8 ммоль/л); исчезли эритроциты в моче (до — 250, после — отсутствуют).

У больного хроническим генерализованным атопическим дерматитом эндогенной лекарственной этиологии после двух занятий исчезла отечность кистей рук.

У больной с миомой матки, заболеванием шейки матки после 40 занятий прекратились боли в животе. Размеры матки по данным УЗИ: до занятий — 47×32×47 мм, после — 41×26×38 мм. Размеры правого яичника: до занятий — 26×16 мм, после — 13×8 мм. Пациентка чувствует себя хорошо, у нее повысилось настроение, улучшился аппетит. Она продолжает самостоятельно заниматься по методу АМЭРСО.

У больного с раком предстательной железы после 25 занятий объем предстательной железы сократился с 37 до 19 куб. см, а PSA (простатический специфический антиген) — с 30 до 1.

У больных с опухолями головного мозга процесс стабилизировался, о чем свидетельствуют данные МРТ о размерах опухолей до и после занятий. У пациентки с менингеомой передних бугорков турецкого седла: до занятий 27×26×24 мм, после 27×21×25 мм; у больного с аденомой гипофиза: до — 30×26×24 мм, после — 30×26×24 мм. Следует подчеркнуть, что аденома гипофиза была диагностирована 05.07.2007 г. Обучаться методу АМЭРСО больной начал летом 2009 г. В настоящее время он чувствует себя хорошо и продолжает работать. У больной с менингеомой передних бугорков турецкого седла (диагноз поставлен 19.10.2010 г.) самочувствие хорошее. Как отмечает сама клиентка, у нее исчезли головные боли, нормализовался сон и она продолжает свою трудовую деятельность. Оба пациента продолжают самостоятельно заниматься по методу АМЭРСО.

Поскольку полученные нами результаты свидетельствуют о высокой эффективности применения метода АМЭРСО при психосоматических заболеваниях, мы полагаем возможным рекомендовать этот метод к широкому внедрению в практическую психологию и медицину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аматуни В.Н.* Свойства фармакологической толерантности // Успехи современной биологии. 1985. Т. 100. № 3 (6). С. 383.
- Бабак О.Я., Деримедведь Л.В., Перцев И.М., Хоменко В.Н.* Опасные взаимодействия лекарств при комбинированной терапии. Харьков, 2002.
- Бактерии эволюционируют быстрее, чем антибиотики // Провизор-Дайджест. 2003. № 6. С. 6.
- Бодров В.А.* Информационный стресс. М., 2000.
- Бурлакова Е.Б.* Сверхмалые дозы — большая загадка природы // Экология и жизнь. 2000. № 2. С. 38—42.
- Ванесян А.С., Бахтизин Р.З., Журавлев Г.И., Сандомирский М.Е.* Антистрессовый метод АМЭРСО и оценка его эффективности с использованием неинвазивных исследований: Метод. указания для студентов ф-та психологии. Уфа, 2011.
- Кандыба В.М.* Гипноз и болезни. Основы гипнотерапии. М., 2003.
- Катицунга Б.Г.* Базисная и клиническая фармакология: В 2 т. Т. 1. СПб., 2000. С. 87—101.
- Китаев-Смык Л.А.* Психология стресса. Психологическая антропология стресса. М., 2009.
- Кокс Т.* Стресс. М., 1981.
- Леонова А.Б.* Психодиагностика функциональных состояний человека. М., 1984.
- Лурия А.Р.* Основы нейропсихологии. М., 2006.
- Перцев И.М.* Фармацевтические и медико-биологические аспекты лекарств: В 2 т. Харьков, 1999. Т. 1.
- Перцев И.М.* Взаимодействие лекарств и эффективность фармакотерапии: Справ. пособ. для врачей и фармацевтов. Харьков, 2002.
- Психофизиология: Учебник для вузов. 3-е изд. / Под ред. Ю.И. Александрова. СПб., 2007.
- Пустовалова Л.М.* Основы биохимии для медицинских колледжей. М., 2006.
- Саймонтон К., Саймонтон С.* Психотерапия рака. СПб., 2001.
- Сандомирский М.Е.* Психосоматика и телесная терапия: Практическое руководство. М., 2005.
- Сандомирский М.Е.* Элементы нейропсихотерапии. Психорефлекторный подход. М., 2007.
- Тарас А.Е., Сельченко К.В.* Психология экстремальных ситуаций. М.; Минск, 2002.

Поступила в редакцию
22.05.11